ИСТПАРТ
Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП (б-ков)

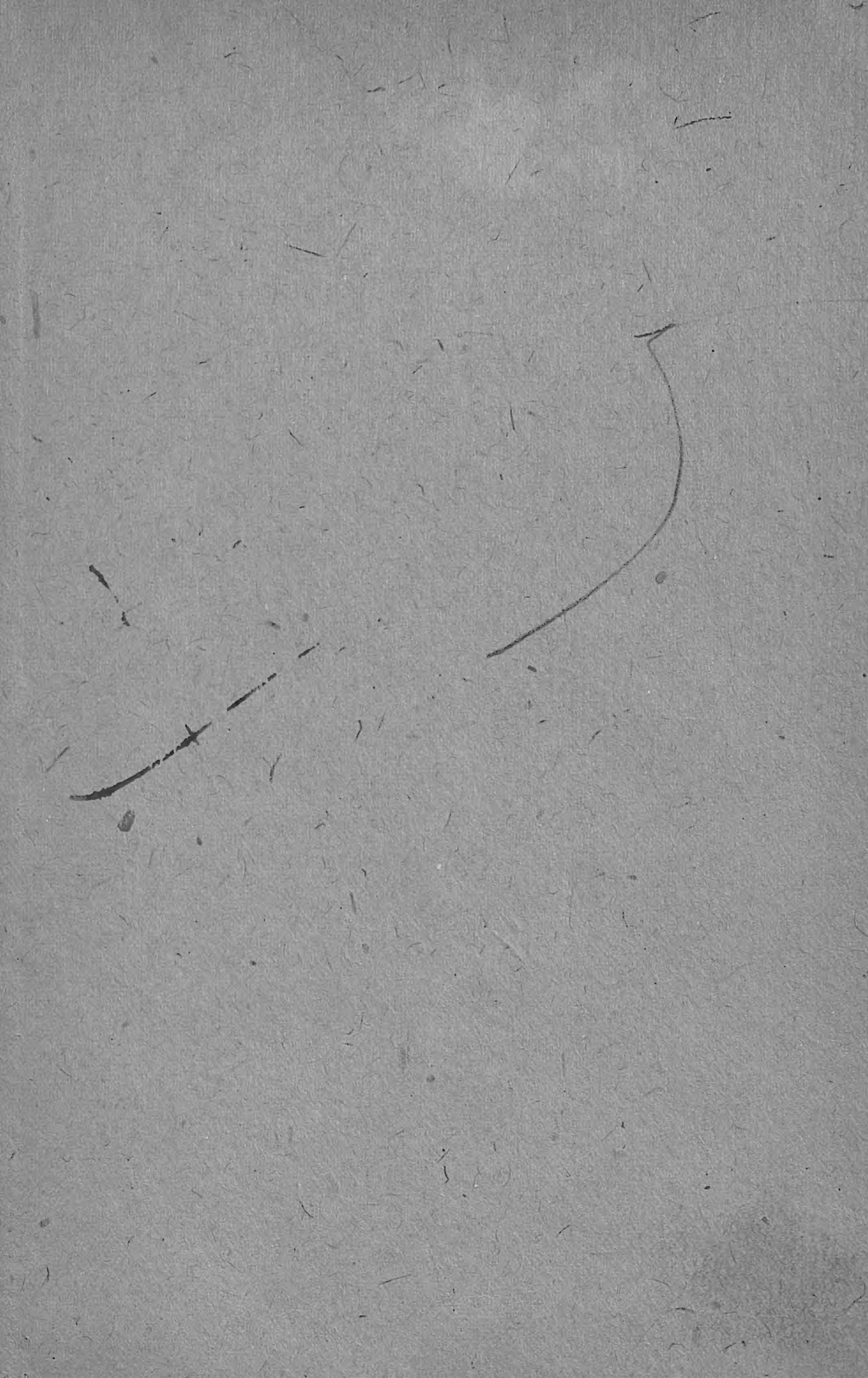
Вера Владимирова

КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ в 1917 г.

(КОРНИЛОВЩИНА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ • МОСКВА • 1924

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ
Комиссия по истории Октябрьской революции и Р.К.П. (б-ков)

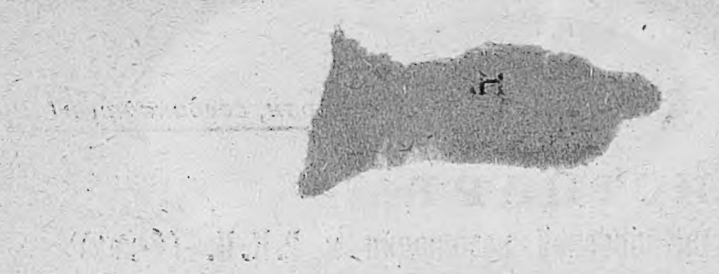
Вера Владимирова

КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ в 1917 г.

(КОРНИЛОВЩИНА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ▫ МОСКВА ▫ 1924

Главлит № 21.043. Тираж 5.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий“ Изд-ва „Красная Новь“, Пименовская ул., д. 1/16.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Об источниках работы.

Предлагаемый очерк составлен на основании:

Во-первых, архивных материалов, которые хранятся в Московском Архиве Октябрьской революции и в Ленинградском историко-революционном архиве, например, показания Корнилова и все приложения, данные в этом очерке.

Во-вторых, следующих пособий:

1. Милюков. „История второй русской революции", т. I, вып. 2. Российско-Болгарское книгоиздательство. София, 1922 г.
2. Станкевич. „Воспоминания 1914—1919 гг.". Берлин, 1920 г.
3. Керенский. „Дело Корнилова". Москва, 1918 г.
4. Ген. А. И. Деникин. „Очерки русской смуты", т. 2. Париж, 1922 г.
5. В. Ф. Винберг. „В плену у „обезьян" (записки контр-революционера), ч. I. Киев, 1918 г.
6. Лукомский. „Воспоминания", т. I. Берлин, 1922 г.
7. С. И. Шидловский. „Воспоминания", ч. 2.
8. Эсеровский журнал „Воля России" за 1923 г. Февраль. Прага. Виктор Чернов „Подполье", и „надполье" в подготовке корниловского движения".
9. В. Набоков. „Временное правительство". Архив русской революции. Изд. Гессена. Т. I. Берлин, 1922 г.
10. П. Н. Краснов. „На внутреннем фронте". Архив русской революции. Изд. Гессена. Т. I. Берлин, 1922 г.
11. Вера Владимирова. „Революция 1917 года". Т. III и IV, издание ЦК Истпарта. Москва, 1923—1924 г.
12. Карта корниловского фронта взята из книги Деникина „Очерки русской смуты", ч. 2, стр. 70.

И, в-третьих,—газет, выходивших в 1917 году: „Правда", „Рабочий и Солдат", „Пролетарий", „Социал-Демократ", „Дело Народа", „Речь" и проч.

В. В.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Эпоха, начавшаяся после июльской демонстрации, кончая открытым выступлением Корнилова, может быть названа «эпохой неудавшегося бонапартизма».

Оставшись у власти, буржуазия с социал-патриотами обрушились потоком репрессий на волнующиеся народные массы и на их авангард—партию большевиков. Карательные законы, аресты, расформирование полков, преследование рабочих союзов посыпались как из рога изобилия. Но имущие классы и их партии чувствовали, что это все скользит по поверхности рабочих и солдатских организаций, они учитывали, что массового разгрома нет, и опасность снизу становится все грозней. Отсюда понятен их все усиливающийся напор в течение июля и августа на Временное правительство с требованием изменения его персонального состава и с требованиями провести ряд законов, долженствующих взять в железные тиски рабочие, солдатские и крестьянские низы,—напор, который ярко выразился в выступлении Корнилова.

ГЛАВА I.

Правительство „диктатуры" Керенского.

7 июля в заседании Временного правительства обсуждался вопрос о министрах-кадетах: Мануилове (народного просвещения), Некрасове (путей сообщения), Шингареве (финансов), Переверзеве (юстиции), Шаховском (госуд. призрения) и управляющем м-вом торговли и промышленности Степанове, которые 2-го июля подали в отставку. Было постановлено: 1) освободить их с 3 июля 1917 г., 2) признать, что Временное правительство сохраняет в своем настоящем составе всю полноту принадлежащей ему власти, 3) немедленно по восстановлении в Петрограде порядка и обеспечении безопасности населения приступить к разрешению вопроса о пополнении состава Временного правительства, 4) временное заведывание делами по управлению министерств: народного просвещения, госуд. призрения, путей сообщения, финансов, юстиции и торговли и промышленности возложить на подлежащих товарищей министров.

На этом же заседании был принят текст декларации оставшихся членов Временного правительства к народу, опубликованный 8 июля. Здесь на-ряду с расплывчатыми обещаниями по аграрному и рабочему вопросам определенно заявлялось, что «своей первой основной задачей Временное правительство считает напряжение всех сил для борьбы с внешним врагом и для охраны нового государственного порядка от всяких анархических (читай: большевистских. В. В.) и контр-революционных покушений, не останавливаясь перед самыми решительными мерами власти».

Таким образом, уже здесь основная черта бонапартизма,—

активная империалистическая внешняя политика и железный кулак для собственного народа,—была достаточно определенно подчеркнута. Однако, декларация страдала на-ряду с туманными обещаниями всеми прелестями меньшевистской фразеологии, и это послужило причиной того, что она тотчас же сделалась мишенью для нападок кадетской и правой прессы. Напирающей и злобствующей буржуазии уже совершенно излишними казались даже неопределенные упоминания о 8-час. раб. дне, так же, как и туманные рассуждения о том, что «в основу будущей земельной реформы должна быть положена мысль о переходе земли в руки трудящихся», или весьма сомнительное обещание, что во внешней политике Временное правительство «имеет в виду предложить союзникам собраться на союзную конференцию в течение августа для определения общего направления внешней политики союзников и соглашения их действий при проведении принципов, провозглашенных русской революцией».

Декларация сделала только одну уступку тогдашней «революционной демократии»: она обещала, что «Временное правительство примет все меры, чтобы выборы в Учредительное собрание состоялись в назначенный срок (17 сентября)», но и то для того лишь, чтобы вскоре нарушить свое обещание.

Первоначальный текст декларации, видимо, должен был включать заявления: о провозглашении России республиканским государством и о роспуске Гос. Думы и Гос. Совета. Но министр-председатель Временного правительства кн. Львов тогда же на заседании 7 июля, в виде протеста против этих двух пунктов, заявил о своем уходе. Уход его был принят, но и вопросы о провозглашении России республиканским государством и о роспуске Гос. Думы и Гос. Совета были сняты с очереди. Между прочим, уходя, кн. Львов не преминул лягнуть и Чернова, заявив, что земельные законы, внесенные м-ром земледелия на утверждение Временного правительства, неприемлемы для него не только по их содержанию, но и по существу всей заключающейся в них политики. «Они не только не борются с захватными стремлениями... но как бы оправдывают гибельные, происходящие по всей России самочинные захваты»...

В ответ Чернов поместил в газетах «извинительное» пись-

мо, где усиленно доказывал, что не он инициатор тех законов, которые он вносит во Временное правительство, что эти законы имеют своей целью лишь предотвратить аграрную революцию и проч. Кончается письмо следующим угодливо-учтивым образом: «Почему кн. Львов рассуждает иначе и пришел в совершенно паническое настроение, я не понимаю. Думаю, что оно создалось просто на почве крайнего переутомления в эти тревожные дни. Поэтому я не хочу относиться столь трагически к заявлению князя, которое все построено на таких ультра-высоких нотах».

Так закончился первый уход к.-д. из коалиционного кабинета.

8 июля Временное правительство постановило: «В виду ухода кн. Львова пост министра-председателя возложить на А. Ф. Керенского, с сохранением за ним портфелей военного и морского министров; Некрасов входит в состав кабинета без портфеля, при чем на него возлагаются обязанности заместителя А. Ф. Керенского на посту м-ра-председателя. Портфель м-ра внутренних дел временно поручен Церетелли, при чем он сохраняет за собой почтово-телеграфное ведомство. Вопрос замещения остальных министров будет обсуждаться на ближайшем заседании Временного правительства». Таким образом, оставшееся у власти Временное правительство состояло из руководящей группы в лице: Керенского, Некрасова, Церетелли, Терещенко и еще 5-ти лиц: Скобелева, Пешехонова, Чернова, Вл. Львова и И. В. Годнева.

9 июля под влиянием паники, созданной прорывом фронта, а также паники перед питерскими рабочими и солдатами, меньшевистско-эсеровские В. Ц. И. К. и И. К. В. С. Кр. Д. признали правительство 9-ти правительством диктатуры. Была вынесена следующая резолюция: «1) Страна и революция в опасности. 2) Временное правительство объявляется правительством спасения революции. 3) За ним признаются неограниченные полномочия для восстановления организации и дисциплины в армии, решительной борьбы со всякими проявлениями контр-революции и анархии и для проведения всей той программы положительных мероприятий, которая намечена в декларации. 4) Обо всей своей деятельности министры-социалисты докладывают объединенному собранию И. К—в не менее 2-х раз в неделю».

Правительство «спасения революции» просуществовало лишь несколько дней. Совещание Центр. К-та (большевиков) с представителями от Петр. К-та военной орган., Моск. Обл. бюро, Моск. К-та, Моск. Окр. К-та (большевиков), 13 июля в своей резолюции так характеризует это правительство: «5) Теперешняя власть (диктатура Керенского, Церетелли, Ефремова)[1]), обладает двойственным характером: с одной стороны, это представительство мелкой крестьянской буржуазии, за которой идет часть рабочих, еще не разочаровавшихся в мелкобуржуазных демократах; с другой—это представительство буржуазных и помещичьих слоев, связанных с союзническим капиталом и идущих к империалистической контр-революции. Между этими фракциями власти идет в настоящее время торг, при чем представители мелкой буржуазии (и в министерствах, и в Советах) своею трусостью, изменой революционным принципам и открытым предательством по отношению к революционному пролетариату все время усиливают позицию враждебных революции классов». И далее пункт 7 резолюции: «Правительство, так-наз. «спасения революции», не способно осуществить ни одной из коренных задач революции. Оно продолжает, под давлением иностранного капитала, военно-империалистическую политику предыдущих правительств, которая, выразившись за последнее время в попытке наступления при полном отсутствии возвещенной борьбы за мир, уже обнаружила свои гибельные последствия. В области хозяйственной и политической оно не способно предпринять ни единой действительно революционной меры для борьбы с экономическим развалом и контр-революцией. Кризис этой власти становится, таким образом, неизбежным».

Кризис наступил гораздо скорее, чем предполагала резолюция. «Временный комитет Государственной Думы вынес 12 июля протест против правительства, назначенного «группой политических партий», требовал образования «правительства сильного, облеченного общим доверием, свободного от всяких партийных пут и слагал с себя ответственность за

---

[1]) И. Н. Ефремов, член „радикально-демократ. партии“, назначен министром юстиции и членом Временного правительства 11 июля.—В. В.

последствия, если правительство останется в том виде, как оно есть. В результате этой открытой демонстрации и закулисных давлений 13 июля на заседании министров было решено, что все министры вручают Керенскому свои портфели, чтобы дать ему возможность вступить в переговоры с партией к.-д. и торгово-промышленниками и пригласить их войти во Временное правительство.

В ответ на предложение вступить во Временное правительство Ц. К. партии к.-д. выставил ряд требований, которые и были изложены в открытом письме Астрова, Кишкина и Набокова к Керенскому. Основные требования кадетов сводились к следующему: «1) чтобы все члены правительства, к какой бы партии они ни принадлежали, были ответственны исключительно перед своею совестью, и чтобы направление их деятельности и самое пребывание их в составе правительства не могло ни в какой мере вести к вмешательству в дела государственного управления каких бы то ни было организаций или комитетов; 2) осуществление всех основных социальных реформ и разрешение вопросов о форме государственного строя должны быть безусловно отложены до Учредительного собрания; 3) чтобы в вопросах войны и мира соблюден был принцип полного единения с союзниками; 4) чтобы приняты были меры к созданию мощи армии путем восстановления строгой военной дисциплины и решительного устранения вмешательства войсковых комитетов в вопросы военной тактики и стратегии; 5) чтобы в основу внутреннего управления положены были начало уничтожения многовластия и восстановление порядка в стране и решительная борьба с анархическими, противогосударственными и контр-революционными элементами» и пр.; «6) чтобы выборы в Учредительное собрание были произведены с соблюдением всех гарантий, необходимых для выражения подлинной народной воли, с предоставлением заведывания производством выборов правильно избранным органам местного самоуправления и учреждений [1]), образованных при их участии, и с обеспечением свободы предвыборной агитации».

[1]) Т. е. отложены до весьма неопределенного срока, т. к. на местах „правильно избранных органов местного самоуправления“ тогда не было, и ждать их появления пришлось бы весьма долго.—В. В.

Одновременно на приглашение Керенского предъявлением ряда требований ответила также и объединенная торгово-промышленная организация. Эта организация выставляла те же требования, что и к.-д., но формулировала их более четко. Условием своего вступления во Временное правительство она ставила: «1) вся власть Временному правительству, оно не делит ее ни с какой общественной, классовой или политической организацией в стране; 2) восстановление боевой мощи и железной дисциплины на фронте и в тылу должно быть доведено до конца; 3) правительство должно состоять из лиц, представляющих авторитетные политические и общественные организации; 4) Временное правительство не в праве предпринимать коренной ломки существующих социальных отношений до Учредительного собрания... Те лица, которые... не в состоянии поступиться своими партийными требованиями, не должны входить в состав правительства; 5) твердая власть на местах и выборы в органы местного самоуправления; 6) внешняя политика России должна покоиться на полном единении с союзниками; 7) промышленность и торговля имеют государственное значение. Недопустимо разрушение этих устоев хозяйственной жизни. Всякие классовые притязания, как промышленников, так и рабочих, должны быть подчинены государственным интересам».

Между прочим, сначала одним из своих требований партия к.-д. выставляла требование, чтоб в состав Временного правительства не входил Чернов, но потом, в виду несогласия меньш.-эсеровских кругов, это требование было снято. «Можно по совести сказать, что Чернов не заслужил той ненависти, которую питает к нему контр-революция»,—писал тогда же тов. Троцкий. Действительно, целый ряд мелких земельных законопроектов преспокойно лежал под сукном в министерствах за время существования Чернова. С этой стороны он не был опасен аграрной буржуазии, ибо слезливые жалобы его на заседаниях В. Ц. И. К. о том, что «слушание законопроектов то откладывалось, то назначалось к предварительному рассмотрению в разных междуведомственных совещаниях»...—для нее не были страшны. Причиной усиленного похода на него в этот момент надо считать приня-

тый Временным правительством 12 июля законопроект о воспрещении земельных сделок. Закон прекращал спекулятивную горячку, которая шла в деревне с фиктивной продажей помещиками своей земли иностранным подданным, и ряд других продаж, при помощи которых помещики старались обезопасить себя на случай аграрной революции. Закон этот вызвал бурю бешенства среди помещиков. Как на кажущегося виновника, все силы правых партий, начиная с бывшего министра-председателя кн. Львова и кончая присяжными клеветниками Алексинским, Бурцевым и К°, были направлены на то, чтоб удалить Чернова.

Условия, выдвинутые к.-д. и торгово-промышленниками, требовали, таким образом, полной независимости Временного правительства от Советов и уничтожали все туманные посулы декларации 8 июля. На первое меньшевистские заправилы охотно согласились, второе же им казалось невозможным: они слишком чувствовали опасность слева и давление народных масс, чтоб окончательно сжечь корабли и выступить на незамаскированный путь контр-революции. И 20-го июля Керенский выступил с ответным письмом к буржуазным группам, где заявил: так как «Временное правительство облечено всей полнотой власти и не отвечает ни перед какими общественными организациями или партиями», то он не видит препятствий для вхождения их в состав Временного правительства, которое в деятельности своей неизменно будет руководиться теми положениями, которые изложены в его декларациях от 2 марта, 6 мая и 8 июля. Поэтому «еще раз повторяю вам свое предложение войти в состав Временного правительства».

Но к.-д. решили торговаться до конца и заявили, что так как деятельность Временного правительства, основанная на декларациях 2 марта, 6 мая и 8 июля, для них неприемлема, то они отказываются от вступления в кабинет.

Переговоры были прерваны, и 21 июля Керенский, чтобы оказать давление на обе торгующиеся группы: партию к.-д. и В. Ц. И. К., заявил во Временное правительство о своей отставке и передал своему заместителю Некрасову письмо следующего содержания: «В виду невозможности, несмотря на все принятые мною к тому меры, пополнить состав Вре-

менного правительства так, чтобы оно отвечало требованиям исключительного исторического момента, переживаемого страною, я не могу больше нести ответственности перед государством по своей совести и разумению и потому прошу Временное правительство освободить меня от всех должностей, мною занимаемых».

Вслед за Керенским буржуазные министры: Терещенко, Годнев, Ефремов, Львов и Некрасов заявили, что по тем же соображениям они также не считают возможным продолжать оставаться в составе Временного правительства. Последний уход имел, конечно, в виду произвести исключительно давление на В. Ц. И. К.

Временное правительство, обсудив заявление м-ра-председателя Керенского и других министров, постановило: отставки Керенского не принимать и всему правительству оставаться на своем посту и продолжать исполнять свою работу до тех пор, пока тем или иным способом не будет организовано новое правительство или реорганизован его настоящий состав. Вместе с тем было решено созвать вечером 21 июля собрание, состоящее из центральных комитетов партий: трудовой, народно-социалистической, конституционно-демократической, радикально-демократической, российской соц.-дем. партии (меньшевиков), соц.-революционеров, председателя Гос. Думы, председателя В. Ц. И. К. и председателя И. К. В. С. Кр. Д. Центральный Комитет партии большевиков на это заседание приглашен не был.

Заседание Временного правительства с представителями Ц. Комитетов партий и Гос. Думы состоялось поздно вечером 21 июля. Буржуазные министры, представители партии к.-д. и Гос. Думы, выступая один за другим, требовали «сильной власти, с Керенским во главе». Милюков предложил «немедленно предоставить Керенскому составить кабинет из тех лиц, которых он сочтет нужным пригласить»... Таким образом, герой наступления получил должное признание. Представители В. Ц. И. К. несвязно лепетали насчет «опоры правительства на трудовые массы населения», но в сущности против единоличной власти Керенского не возражали и лишь настаивали, чтобы Временное правительство стояло «на платформе декларации 8 июля». В прениях вы-

яснилось, «что представители кадетской партии, не признавая спасительности для страны программы 8 июля, тем не менее, согласятся поддерживать правительство, составленное Керенским по его личному выбору и усмотрению, если это правительство не будет формально зависеть ни от каких организаций». Таким образом, торг между партиями мелкой буржуазии и партией контр-революции кончился полным соглашением.

22-го июля Керенский обратился с заявлением к населению, где сообщил: «...Состоявшееся 21-го июля совещание представителей социалистических, демократических и либеральных главных партий после продолжительного обсуждения привело к тому, что представленные в нем партии постановили поручить мне дело образования правительства... Я полагаю в основу осуществления этой задачи непоколебимое мое убеждение, что дело спасения родины и республики требует забвения партийных распрей и самоотверженной работы всех граждан российских в условиях и формах, властно диктуемых суровой необходимостью вести войну, поддерживать боеспособность армии и восстановить хозяйственную мощь государства»...

В ответ на это заявление Ц. К. партии к.-д. вынес постановление: «...И принимая во внимание заявление м-ра-председателя о его намерении положить в основу создания сильной власти суровую необходимость вести войну, поддерживать боеспособность армии и восстановить хозяйственную мощь государства, Ц. К. партии к.-д. предоставляет своим товарищам, по личному выбору Керенского, войти в состав правительства и занять предложенные им посты». 22-го июля Временный Комитет Гос. Думы вынес резолюцию, где говорит: «Оставаясь на почве предыдущих своих постановлений, Временный Комитет считает необходимым доверить Керенскому составление кабинета путем приглашения лиц, объединенных великою целью спасения России во что бы то ни стало».

И в этот же день состоялось бурное заседание В. Ц. И. К. и И. К. В. С. Кр. Д., на котором большевики и меньшевики-интернационалисты выступили с резким протестом против вынесенного совещанием решения. Тов. Троц-

кий заявил: «Я предостерегаю, что в лице Керенского чувствуется начало бонапартизма, но попытка итти по бонапартистскому пути будет бита». Однако, после горячих прений большинством 147 против 45 при 42 воздержавшихся была принята следующая резолюция: «Соединенное собрание В. Ц. И. К. и И. К. В. С. Кр. Д. заявляет, что вполне доверяет тов. Керенскому составление кабинета с приглашением в его состав представителей всех партий, стоящих на почве программы Временного правительства, принятой под председательством т. Керенского и оглашенной 8-го июля».

И, наконец, 24-го июля Временное правительство решило издать следующее постановление: «Объявляется нижеследующий состав Временного правительства: м-р-председатель и военный и морской м-р Керенский, заместитель м-ра председателя и м-р финансов Некрасов, м-р внутренних дел Авксентьев, м-р иностранных дел Терещенко, м-р юстиции Зарудный, м-р народного просвещения Ольденбург, м-р торговли и промышленности Прокопович, м-р земледелия Чернов, м-р почт и телеграфов Никитин, м-р труда Скобелев, м-р продовольствия Пешехонов, м-р государственного призрения Ефремов, м-р путей сообщения Юренев, обер-прокурор святейшего синода Карташев, государственный контролер Кокошкин».

Милюков по поводу состава этого правительства пишет [1]): «При небольшом номинальном перевесе социалистов действительный перевес в кабинете безусловно принадлежал убежденным сторонникам буржуазной демократии. Эта черта отличала кабинет 25 июля от кабинета 6 мая»...

Действительно, что представляли собой «министры-социалисты» в этом правительстве, видно из их выступления хотя бы на пленарном заседании В. Ц. И. К. и И. К. В. С. Кр. Д. 24 июля. Первым выступал министр Скобелев. Он рассказывает историю кризиса власти. Возлагает огромные надежды на личное влияние и роль Керенского. Говорит следующее: «Мы будем руководствоваться следующим принципом: тот, кто 3—5 июля покушался на целость и неприкосновенность революционных завоеваний, тот, кто совершил преступление,

---

[1]) Милюков. История второй русской революции, т. I, в. 2, стр. 45.

квалифицированное законом,—должен быть предан революционному суду, который будет судить преступников со всей силой и справедливостью революционной совести». Пешехонов говорит об истории коалиции со времени февральской революции: «Чем больше мы привлекаем сил справа, тем меньше остается их в стане наших врагов... Я укажу на печать. Ведь, буржуазная печать теперь гораздо сильнее и распространением, и влиянием, чем печать социалистическая. Чтобы установить власть, нужно искать поддержку и с этой стороны»... Авксентьев призывает поддержать новое правительство и заявляет: «Для всех сейчас существует один только долг—великий, жертвенный долг». И только Чернов без угроз в сторону левых и без восторгов в сторону «мощи буржуазии» безнадежно заявлял: «У меня одна мечта: как можно скорее провести не терпящие отлагательства законопроекты»...

Тов. Ленин про этот состав Временного правительства тогда же писал [1]): «Министерство Керенского, несомненно, есть министерство первых шагов бонапартизма... Пусть партия ясно и громко скажет народу правду без урезок: что мы переживаем начало бонапартизма,—что «новое» правительство Керенского, Авксентьева и К° есть лишь ширма для прикрытия контр-революционных кадетов и военной клики, имеющей власть в руках,—что народ не получит мира, крестьяне не получат земли, рабочие не получат 8-часового рабочего дня, голодные не получат хлеба без полной ликвидации контр-революции,—пусть партия скажет это, и каждый шаг в развитии событий будет подтверждать ее правоту».

---

1) „Рабочий и Солдат“ № 6, 1917 г.

ГЛАВА II.

Послеиюльская политика.

Свой совместный контр-революционный поход против рабочих и солдат после июльских дней Временное правительство и В. Ц. И. К. начало клеветой на них. 8 июля Керенский разослал всем, всем радиотелеграмму, где писал по поводу июльских дней: «С несомненностью выяснилось, что беспорядки в Петрограде были организованы при участии германских правительственных агентов. В настоящее время беспорядки совершенно прекращены. Руководители и лица, запятнавшие себя братской кровью и преступлением против родины и революции,—арестуются».

В. Ц. И. К. 11 июля публикует 5 воззваний: к армии, к населению, к рабочим, к советам и к крестьянам, принятые на его заседании 9 июля. В воззваниях демонстрации 3—5-го июля описываются так: «Вооруженные толпы взбунтовавшихся солдат вместе с тайными черносотенцами и изменниками в течение нескольких дней расстреливали безоружных мужчин, женщин и детей». О прорыве на фронте: «Часть наших войск позорно отступила перед более слабым неприятелем».

Вслед за этим Керенский кликнул клич с призывом арестовывать большевиков и закрывать их газеты. Именно 8-го июля было проведено приказом по военному ведомству постановление Временного правительства от 6-го июля: наказывать, как за государственную измену, лиц, ведущих агитацию против распоряжений военной власти и проч. Керенский в сопроводительном приказе к этому постановлению Временного правительства говорит: «В согласии с этим по-

становлением приказываю арестовывать всех лиц, ведущих агитацию словом и путем печати с призывами к насилию, свержению правительства, дезорганизации в армии и анархии в стране, а также лиц, агитирующих против наступления и призывающих к неповиновению приказаниям начальства. Всех арестованных немедленно предавать суду. В Петрограде производятся аресты большевиков. Предлагаю немедленно прекратить в действующей армии издание газет «Правда» и «Окопная Правда» и других аналогичных».

В результате уже к 20-му июля был закрыт ряд большевистских газет: «Правда», «Солдатская Правда», «Окопная Правда», «Волна», «Утро Правды», «Голос Правды» и др. В Петрограде [1]), на фронте и в провинции начались массовые аресты, и партия большевиков, насчитывающая в своих рядах многие десятки тысяч членов, пользующаяся преобладающим влиянием среди значительных масс рабочих и солдат, была поставлена вне закона. Что это делалось при деятельном участии меньшевистско-эсеровского В. Ц. И. К.,— видно из следующего: 13-го июля на объединенное заседание В. Ц. И. К. и И. К. В. С. Кр. Д. явился Керенский и просил санкционировать исключительные законы против большевиков. «Обращаюсь к вам с горячей просьбой,—призывал он,—поддержать Временное правительство и с полной ясностью отмежеваться от элементов, которые своими действиями внушают силу контр-революции».

И тотчас один за другим выступили лидеры господствующего большинства во В. Ц. И. Комитете, призывая к поддержке Временного правительства и к решительной борьбе с большевиками. Чхеидзе заявляет от имени В. Ц. И. К. и И. К. С. Кр. Д., что Временное правительство здесь найдет полную поддержку, и что они не остановятся ни перед какими усилиями и жертвами, чтобы спасти революцию и Россию. Авксентьев говорит: «Мы не можем медлить с самыми решительными мерами и должны определенно продиктовать свою волю, свой призыв к категорическому исполнению своего дол-

---

[1]) О репрессиях в первые дни после июльских демонстраций и об арестах в Петрограде см. мою статью „Июльские дни 1917 годе“, журнал „Пролетарская Революция“ № 5 (17), 1923 г.

га. Довольно дискуссий! Настало время действий. Мы должны провести в жизнь диктатуру революционной демократии». Была предложена резолюция, где «В. Ц. И. К. и И. К. В. С. Кр. Д., обсудив поведение руководящих организаций большевистской фракции в событиях последнего времени внутри страны и на фронте и находя, что... организации эти вели среди солдат и рабочих безответственную демагогическую агитацию, закончившуюся открытым мятежом против воли революционного большинства, содействуя этим внутри страны возникновению гражданской войны и контр-революции, а на фронте поражению, и что такой образ действий является преступлением против народа и революции, постановили: требовать от партии большевиков выдачи Зиновьева и Ленина, требовать от всех членов и фракций советов безусловного исполнения всех решений, принимаемых большинством центральных всероссийских органов» и т. д.

Таким образом, представители фракции большевиков, защищающей интересы рабочего класса, были поставлены вне закона, и если бы резолюция В. Ц. И. К-та была проведена в жизнь, то и исключены из советов.

Какова была общая картина разгула контр-революции в Петрограде в июле,—видно из докладов представителей районных советов на заседании 17 июля. Доклады эти говорят следующее: «Картина насилий после событий 3—5 июля не оставляла сомнения, что контр-революция производит смотр своим силам. Везде подозрительными личностями или путем воззваний велась антисемитская пропаганда, призывающая к погромам. Далее заметно усиление пьянства; кто-то усиленно спаивает темное население. Погромную агитацию вели также торговцы, у которых продовольственная управа переписывала спрятанные ими товары. Насилия и безобразия производились во всех заводских районах. В типографию Василеостровского Совета Р. и С. Д. ворвались георгиевские кавалеры с юнкерами и один из бывших ее владельцев,—член союза русского народа. Шайками были произведены аресты на улицах и в полках. На заводе «Промет» разгромлен завком и похищены деньги. На заводе Щетинина были поломаны ценные рабочие инструменты. На Петроградской стороне разгромлены районные комитеты большевиков

и меньшевиков и похищено свыше 4.000 рублей. В помещении меньшевиков юнкера устроили засаду и арестовывали приходящих. На улицах схвачены члены районного совета. В 1-м кадетском корпусе был сборный пункт арестованных, их здесь просто хотели прикончить, и 2-м матросам нанесли штыковые раны» и т. д.

Петроградская конференция большевиков в своем воззвании от 24 июля так рисует начало послеиюльской реакции: «Обыски и разгромы, аресты и побои, истязания и убийства, закрытие газет и организаций, разоружение рабочих и расформирование полков, роспуск финляндского сейма, стеснение свобод и восстановление смертной казни, разгул громил и контр-разведчиков, ложь и грязная клевета, все это с молчаливого согласия эсеров и меньшевиков,—таковы первые шаги контр-революции». В это же время в провинции шли аресты земельных комитетов. Естественно, что реакционные шаги Временного правительства начали тотчас встречать сопротивление со стороны рабочих. Так, 13 июля Временное правительство издало постановление об обязательной сдаче в течение 14, 15 и 16 июля всего холодного и огнестрельного оружия и боевых припасов, имеющихся на руках у населения. Лица, не сдавшие оружие, будут привлекаться, как виновные в похищении казенного имущества. Однако, это постановление не возымело большого действия, так как на заседание районных советов 17 июля принуждены были явиться представители прибывшего с фронта сводного отряда и просить совещание оказать свое воздействие на рабочих в целях добровольной выдачи ими оружия. В ответ представители советов указывали, что рабочие считают своей обязанностью защищать революцию, у них нет гарантий, что не придет кто-то и не воспользуется тем, что безоружные рабочие никакого сопротивления оказать не смогут. Известно, что целые склады оружия находятся у черносотенных банд, и их до сих пор не разоружают. Если от рабочих потребуют оружие под угрозой репрессии, то это ни к чему не приведет. В результате прений междурайонное совещание решило по этому вопросу устроить во всех районах собрания советов с участием заводских комитетов и представителей сводного отряда.

Вместе с тем, как партии меньшевиков и с.-р. пошли по пути буржуазной контр-революции, в недрах этих партий начал расти раскол: усиливаются группы меньшевиков-интернационалистов и левых с.-р., которые выпускают резкие декларации против политики большинства их партий. Именно, 10 июля газеты печатают декларацию меньшевиков-интернационалистов, членов В. Ц. И. К., где они указывают, что В. Ц. И. К., санкционировав арест большевиков и пр., «начал по всей линии капитуляцию перед контр-революцией», и призывают рабочих не поддаваться ни отчаянию, ни провокации и бороться организованным путем... 9 июля была опубликована также первая официальная декларация левого крыла с.-р., где говорилось: «Меньшинство констатирует, что усвоенная руководящими кругами партии политика отталкивает от партии наиболее сознательную часть трудовых масс и грозит привести к перемещению центра опоры партии на слои населения, по классовому характеру своему или по уровню сознательности не могущие быть действительной поддержкой политике истинно-революционного социализма»...

Усиливается оппозиционное настроение и в районных советах. 21 июля на объединенном заседании петроградских районных советов была принята следующая резолюция: «В полном составе отправиться в бюро В. Ц. И. К. и от имени революционного пролетариата Петрограда заявить о необходимости немедленного роспуска Государственной Думы, восстановления армейских организаций, приостановления разоружения рабочих, немедленного освобождения арестованных по политическим делам, которым не было предъявлено обвинения, обуздания правой печати, привлечения к ответственности Пуришкевича и Масленникова, прекращения расформирования полков и немедленного приостановления смертной казни на фронте».

Во В. Ц. И. К-те явившуюся делегацию приняли очень холодно и, заявив ей, что во всех указанных бедах виноваты большевики и июльские демонстрации, отпустили ее ни с чем. Также враждебно была встречена во В. Ц. И. К. 19 июля делегация от 36 полков с фронта, которая не была достаточно подтасована на местах меньшевистскими армейскими и пол-

ковыми комитетами, чтобы выражать лишь верноподданнические чувства правительству контр-революции. Бюро В. Ц. И. К., обсудив вопрос о прибытии этих делегатов, постановило поручить 3-м своим членам с ней переговорить, но предварительно строго проверить их мандаты и в случае каких-нибудь недоразумений со сроками прибытия и др. «направить их в комендатуру», то-есть попросту их арестовать. В постановлении бюро В. Ц. И. К. подчеркивалось, что «в Петроград делегации могут прибывать лишь с разрешения местных организаций». О мытарствах и дальнейшей судьбе этих делегаций с фронта «Рабочий и Солдат» пишет: «Когда фронтовики явились в Центральный Исполнительный Комитет с наказом, протестующим против смертной казни, против всех последних мер усмирительного «спасения» революции, когда голос фронтовиков вопиющей правдой резнул по ушам верховных пастырей Центрального Исполнительного Комитета, последние взяли фронтовиков под подозрение, обозвали самозванцами и не допустили для докладов ни на собрание пленума на Центральном Исполнительном Комитете, ни на заседание Исполнительного Петербургского Комитета.

«Несколько дней понапрасну стучались фронтовики в двери верховного представительства революционной демократии, несколько дней «околачивались» они в Таврическом дворце. За это время прибывали новые делегаты с такими же наказами протеста. Прибывали и делегаты с целью почерпнуть «языка»: проверить, в самом ли деле, с согласия Советов сыплется на армию град контр-революционных репрессий, беспощадно побиваются еще не окрепшие всходы революционных солдатских организаций. И этих так же, как и первых, Центральный Исполнительный Комитет встретил враждебно и подозрительно. Здесь, видя все то, что пережил Питер в последние грозные и позорные дни закабаления и предательства революции, фронтовики решили объединиться, созвать совещание, договориться с рабочими и матросами, выявить ту волю, которая послала их в Питер из далеких окопов».

Совещание фронтовиков совместно с представителями кронштадтских и петроградских войск, а также фабрик и заво-

дов[1]) состоялось 21 и 22 июля. Все солдаты в один голос (среди них и социал-революционеры, и меньшевики) заявили, что наступление не было подготовлено, что июльские события теперь открыли шлюзы целым потокам репрессий на фронте и т. д. «Правящие верхи В. Ц. И. К., Церетелли и другие заблудились, сбились с пути, сговариваются с Родзянкой, а нас слушать не хотят»,—слышались горькие упреки из уст рабочих и солдат на собрании. К вечеру, уже к концу совещания, стало известно, что делегацию совещания районных советов постигла такая же участь, как и фронтовиков: возмущение охватило совещающихся, с трудом удалось присутствовавшим рабочим-большевикам сдержать фронтовиков. На совещании была принята большевистская резолюция с резким осуждением политики В. Ц. И. К. и Временного правительства, с требованием перехода власти к советам и борьбы с контр-революцией. Десятки делегатов повезли в далекую армию эту резолюцию и личные впечатления от пребывания их в Петрограде.

Каков был разгул реакции в это время на фронте, видно из следующего. Право-эсеровская оборонческая газета «Дело Народа» 6 августа опубликовала письмо 38 юнкеров, присланное ими с дороги к фронту. Выдержки из письма: «В Проскурове нас поразила несколько необычная роль, в которой выступали юнкера. Шла ловля дезертиров на вокзале и в городе, проверка документов у военнообязанных, систематическое битье по физиономии, участие юнкеров в карательных экспедициях, сопровождавшихся расстрелами без суда и следствия, по одному лишь приказанию батальонного командира» и т. д... «Юнкера производили обыски, захватывая себе то, что найдут нужным». «Эта вакханалия и расстрелы приняли такой характер, что озлобленные солдаты стали стрелять в отдельных юнкеров из-за угла...» и т. д.

А как расправлялись с отдельными арестованными, видно из того, что в дни корниловского выступления 2 сентября,

---

[1]) Участвовали в совещании: делегаты с фронта—от 29 полков; делегаты петроградских заводов, фабрик и мастерских (от 90 заводов) — 103 чел.; заводские организации—11 чел.; партийные организации—4; кронштадтские морские части—21; пехота, артиллерия и технические войска Кронштадта и его фортов—14; заводы Кронштадта и окрестностей Петрограда—12.

И. Комитет Могилевского Губернского Совета Кр. Д-тов послал заявление в следственную комиссию по делу Корнилова с просьбой немедленно освободить председателя И. Комитета прапорщика Гольдмана, с.-р., арестованного по приказанию Корнилова. Гольдман, по его показаниям, к этому времени просидел уже 42 дня на хлебе и воде, терпя издевательства и постоянные угрозы расстрела за то, что, будучи председателем Могилевского И. К. С. Кр. Д., боролся против контр-революционной политики союза офицеров.

Нечего и говорить, какой отклик встречали репрессии и политика Временного правительства непосредственно в рабочих кварталах Питера. Везде перевыборы рабочих представителей кончались провалом меньшевиков и выбором большевиков. Падали последние твердыни оборончества. На огромный Обуховский завод, где раньше безраздельно господствовали оборонцы, в августе они уже не могли показываться. Один за другим все крупные заводы выносили резолюции протеста против политики репрессий и арестов.

Между тем, правительство Керенского взяло твердый курс и по вопросам внешней политики, и от туманных намеков декларации 8 июля быстро перешло к делу. В ноте к союзникам от 18 июля оно объяснило разгром наших армий «преступной» агитацией большевиков и сделало следующее заявление: «На фронте приняты все меры для восстановления боеспособности армии. Вступая в четвертый год войны, страна будет делать все нужные приготовления для дальнейшей кампании. Временное отступление наших армий не помешает им, преобразованным и обновленным, в нужный час вновь двинуться вперед во имя защиты России и завершить победно великое дело, за которое они вынуждены бороться».

А в конце июля Терещенко сделал от имени Временного правительства заявление союзникам, что «Стокгольмская конференция есть дело партий». Это заявление имело своим последствием то, что союзные правительства решили не выдавать паспортов тем, кто намерен ехать на эту конференцию. Таким образом, в вопросе о войне Временное правительство решительно стало на незамаскированный империалистический путь. Над всякими разговорами о борьбе за мир даже путем невинной Стокгольмской конференции была поставлена точка.

В то же время на местах Временное правительство стремится через комиссаров, им назначенных, также осуществить режим контр-революции. Посылаются циркуляры, требующие от местных комиссаров борьбы с советами и проведения политики центра. Каково же было политическое лицо этих комиссаров,—показал их съезд 4 августа. «Социал-Демократ» по поводу его пишет: «140 кадетов, земцев-помещиков, съехались поговорить о том, как водворить на местах твердую, решительную и единую революционную власть... Через съезд губернских комиссаров контр-революция протягивает на места свои щупальцы»...

Далее под давлением партии к.-д., казаков и с согласия В. Ц. И. К. Временное правительство откладывает созыв Учредительного собрания до 28 ноября и поощряет преследования профсоюзов. То и дело то один союз, то другой выселяется из занимаемого им помещения.

В эти же месяцы саботаж промышленников выливается в определенную систему, зафиксированную как съездом промышленников, так и съездом к.-д. В начале августа союз металлистов получает сведения, что эвакуируются следующие металлические заводы: «Новый Парвиайнен», «Аэроколесный», «Русско-французский», «Манталь», «Забайкина», «Шрейдера», «Лейбовиц», «Шпигель», «Пулемет», «Рессора». Все эвакуированные заводы или не берут рабочих из Петрограда совсем, или берут их небольшую часть. В Донбассе к началу августа закрыто 77 предприятий, и к концу августа промышленниками подготовляется массовое закрытие предприятий—локаут. В Московской губернии такой же массовый локаут текстильных предприятий был назначен промышленниками на конец августа. В конце же августа назревает всероссийская жел.-дор. забастовка вследствие невозможно низкой заработной платы у железнодорожников.

Такова была политика Временного правительства и объективное положение вещей в июле—августе 1917 года.

Манифест Р. С.-Д. Р. П., изданный от имени съезда партии большевиков, происходившего в эти месяцы, так писал об этом периоде: «...Передав власть в руки контр-революции и предав революцию, вожди мещанства, эсеры и меньшевики, стали подписывать почти все контр-революционные меро-

приятия правительства. Красный флаг свободы спущен. На его место взвился черный флаг смертной казни. Расстрелы солдат и рабочих, цензура, судебная клевета, контр-разведка, аресты, восстановление ненавистных царских статей против политических преступлений, грязная охранная клевета—все прелести старого режима пущены в ход новым правительством «спасения революции»,—правительством, арестующим революционеров и выпускающим царских министров и провокаторов...

«Формула «мир без аннексий» сдана в архив, и вместо нее появилась милюковско-гучковская «война до полной победы»...

«Но рано торжествует контр-революция свою победу. Пулей не накормить рабочих. Казацкой плетью не отереть слезы матерей и жен. Арканом и петлей не высушить моря страданий. Штыком не успокоить народов. Генеральским окриком не остановить развала промышленности.

«Работают подземные силы истории. В самых глубинах народных масс назревает глухое недовольство...

«Уже съезжаются финансисты всех стран на тайные съезды, чтобы обсудить общий вопрос о надвигающейся грозе. Ибо они уже слышат железную поступь рабочей революции. Ибо они уже видят неотвратимое.

«В эту схватку наша партия идет с развернутыми знаменами. Она твердо держала их в своих руках. Она не склонила их перед насильниками и грязными клеветниками, перед изменниками революции и слугами капитала. Она впредь будет держать их высоко, борясь за социализм, за братство народов. Ибо она знает, что грядет новое движение и настает смертный час старого мира.

«Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи! Стойко, мужественно и спокойно, не поддаваясь на провокацию, копите силы, стройтесь в боевые колонны. Под знамя партии, пролетарии и солдаты! Под наше знамя, угнетенные деревни!»

ГЛАВА III.

Подпольная работа корниловцев.

Наступление, начатое Керенским в июне, кончилось разгромом в начале июля. Однако, оно сослужило большую службу и союзным империалистам, и правым партиям в России. Союзным империалистам оно сослужило службу тем, что немцы принуждены были перебросить большие части войск с западного на восточный фронт. Правые же партии получили повод, играя на патриотических чувствах мелкой и крупной буржуазии, начать поход против всех солдатских комитетов, возникших в первые месяцы революции и требовать введения на фронте и в тылу железной дисциплины. Поход этот выразился сначала в ряде тенденциозных телеграмм о фронте, которые посылала ставка. Солдаты клеймились в них, как трусы и шкурники. Так, одна из подобных телеграмм сообщает: «На протяжении сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов с ружьями и без них,—здоровых, бодрых, потерявших всякий стыд, чувствующих себя совершенно безнаказанными»... Отмечалось геройское поведение лишь офицеров.

Даже оборонческая газета «Известия» так пишет по поводу этих сообщений ставки [1]): «Между тем, русское общество и до сих пор продолжает оставаться в заблуждении, будто русская революционная армия—скопище трусов, и это заблуждение попрежнему питается официальными сообщениями с фронта, тенденциозно искажающими действительный ход событий... В то время, как армия доблестно сражается и

---

1) См. „Известия“ от 23 авг. 1917 г.

гибнет за дело революции, какая-то темная клика, необычайно близкая к высшим командным кругам, творит чудовищное провокационное дело... Россия в праве требовать, чтобы ей открыли всю правду о нашем июльском отступлении»...

Одновременно вся буржуазная и черносотенная печать, выходившая тогда в десятках газет различных наименований, также дружно обрушилась на солдат и их комитеты.

Оборонческая с.-р. газета «Дело Народа» пишет[1]: «Уличная пьяная сволочь», «смрадная рвань столичных подонков», «подлая армия предательства», «трусы», «изменники», «предатели» и т. д., и т. д. Как вы думаете, кто и о ком говорит в таком «несдержанном» тоне?»—спрашивает газета.—«Это—ставший теперь обычным тон, в котором буржуазная печать говорит о русских солдатах»...

«Известия» от 22 июля пишут: «Широко развившаяся за последнее время кампания против армейских организаций пытается опереться на недавние трагические события на фронте... Вся контр-революционная нечисть и буржуазно-либеральная «оппозиция» с пеною у рта накинулись на армейские организации, делая их виновными в трагедии фронта»...

По этой же линии—шельмования солдат и восхваления доблести черносотенного тогда в огромном большинстве офицерства—шла и политика м-ра-председателя Временного правительства Керенского. 8 июля он издает приказ № 28 по армии и флоту, где пишет: «Из донесений, полученных мною о событиях, происходящих на юго-западном фронте, и в частности о горестных событиях 11-й армии, я считаю своим долгом вновь отметить неизменно доблестное поведение лиц командного и офицерского состава, свидетельствующее о преданности их свободе, революции и беззаветной любви к родине. Приказываю восстановить в войсках дисциплину, проявляя революционную власть в полной мере, не останавливаясь для спасения армии перед применением вооруженной силы. Разложение армии недопустимо»...

23 августа появляется не менее знаменитый его приказ, который в следующих словах говорит о геройстве офицера: «С первых дней революции приходилось ему переживать ума-

---

[1]) См. „Дело Народа" от 15 авг. 1917 г.

ление своих прав, приходилось переживать много несправедливых нареканий, много незаслуженных оскорблений и недоверия... Офицерство кровью своею на поле брани доказало верность родине и революции... Не меньшее мужество проявили и те офицера... которые боролись с теми, кто,... прикрывая свою трусость идейными лозунгами, внес развал и измену в ряды армии»... Приказ кончается заявлением: «Власть окажет всяческую поддержку офицерству... История воздаст должное этим героям-борцам»...

Вместе с печатной «пропагандой» буржуазные партии начали предъявлять Временному правительству и угрозы, и конкретные требования через своих ставленников. 7 июля Корнилов принял командование юго-западным фронтом. И как главнокомандующий, послал Временному правительству телеграмму. Указывая на беспорядочное бегство отступающих войск, он говорит: «Это бедствие... или будет снято революционным правительством, или, если оно не сумеет этого сделать, неизбежным ходом истории *будут выдвинуты другие люди*[1])... Необходимо немедленное... введение смертной казни и учреждение полевых судов на театре военных действий... Я заявляю, что если правительство не утвердит предлагаемых мною мер, то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия главнокомандующего»... На этой же телеграмме стояла приписка комиссара юго-западного фронта Б. Савинкова: «Я, с своей стороны, вполне разделяю мнение ген. Корнилова и поддерживаю высказанное им от слова до слова». 11-го июля комиссар юго-западного фронта Савинков и комиссар 8-й армии Филоненко прислали телеграмму на имя м-ра председателя, военного м-ра и верховного главнокомандующего, где требуют введения «смертной казни» на фронте. В этот же день союз офицеров армии и флота разослал телеграмму Временному правительству и по полкам, где требует от Временного правительства немедленного введения по телеграфу смертной казни на фронте и настаивает «на восстановлении полной власти, авторитета и дисциплинарных прав начальников всех степеней, не ограничиваемых безответственными коллегиаль-

---

[1]) Курсив мой.—В. В.

ными учреждениями». В случае непроведения этих мер союз снимает ответственность от имени офицерства за дальнейшие события.

И 12 июля в ответ на эти требования Временное правительство выносит единогласно следующее постановление: «Установить в отношении военнослужащих на театре военных действий «смертную казнь» через расстреляние, как высшее наказание, за нижеследующие преступления: военную и государственную измену, побег к неприятелю, бегство с поля сражения, самовольное оставление своего места во время боя и уклонение от участия в бою, подговор, подстрекательство или возбуждение к сдаче, бегству или уклонению от сопротивления противнику, сдачу в плен без сопротивления, самовольную отлучку с караула в виду неприятеля, насильственные действия против начальников из офицеров и из солдат, сопротивление исполнению боевых приказаний и распоряжений начальника, явное восстание и подстрекательство к нему» и т. д. 31 июля смертная казнь была распространена на флот.

Петроградский Совет Р. и С. Д. по поводу этого постановления всеми голосами против 4-х [1]) принял 18 августа резолюцию протеста, где говорит: «...Введенная под предлогом борьбы с преступниками смертная казнь при новом режиме все яснее вырисовывается, как мера устрашения солдатских масс в целях порабощения их командным составом, что введение смертной казни на фронте служит в глазах всех деятелей контр-революции лишь вступлением к ее установлению, как обычной меры репрессии во всей стране, что дезорганизации армии с успехом можно противодействовать не зверскими мерами репрессий, а исключительно последовательно проводимой демократизацией и воодушевлением армии сознанием, что они защищают родину и революцию. Петроградский С. Р. и С. Д. постановляет протестовать против введения смертной казни на фронте, как против меры, могущей быть использованной с контр-революционной целью, и требовать от Временного правительства ее отмены».

---

[1]) „Русская Воля“ пишет, что „поданные вместе с Церетелли за сохранение смертной казни 3 голоса принадлежат Дану, Чхеидзе и Либеру“.

Политической партией, которая возглавляла в те дни реакцию, являлась партия к.-д.; реальной же силой, на которую она опиралась, был весь высший генералитет, во главе со ставкой, и офицерский состав армии. И те, и другие были верной опорой еще царизма. Февральская революция произвела в этой среде лишь незначительные перемещения; и этот контр-революционный аппарат остался почти целиком в нетронутом виде.

Разгром июньского наступления и усиление реакции после июльской демонстрации побудили эти круги выступить активно на политическую арену. 16 июля в ставке состоялось совещание, на котором присутствовали: Керенский, Терещенко, верховный главнокомандующий Брусилов, начальник его штаба Лукомский, ген. Алексеев, Рузский, главнокомандующий северного фронта Клембовский, главнокомандующий западного фронта Деникин, его начальник штаба Марков, адмирал Максимов, ген. Величко, Романовский и Савинков. Цель совещания: о стратегических последствиях прорыва и дальнейшая военная политика. И здесь генералы единодушно предъявили Временному правительству ряд требований, которые, в случае их осуществления, означали бы полный контр-революционный переворот, с фактической передачей власти в стране военному командованию.

Требования эти были оглашены на заседании Деникиным и состояли из следующих пунктов: «1) Сознание своей ошибки и вины Временного правительства, не понявшего и не оценившего благородного и искреннего порыва офицерства, радостно принявшего весть о перевороте и отдающего несчетное число жизней за родину. 2) Петрограду, совершенно чуждому армии, не знающему ее быта, жизни и исторических основ ее существования, прекратить всякое военное законодательство. Полная мощь верховному главнокомандующему, ответственному лишь перед Временным правительством. 3) Изъять политику из армии. 4) Отменить «декларацию» в основной ее части. Упразднить комиссаров и комитеты, постепенно изменяя функции последних. 5) Вернуть власть начальникам. Восстановить дисциплину и внешние формы порядка и приличия. 6) Делать назначения на высшие должности не только по признакам молодости и реши-

мости, но, вместе с тем, по боевому и служебному опыту. 7) Создать в резерве начальников отборные, законопослушные части трех родов оружия, как опору против военного бунта и ужасов предстоящей демобилизации. 8) Ввести военно-революционные суды и смертную казнь для тыла войск и гражданских лиц, совершающих тождественные преступления».

Корнилов на этом совещании не присутствовал, но прислал телеграмму, тождественную с требованиями, оглашенными Деникиным. Вместе с тем, генералы и офицерство начали искать себе «вождя». Брусилов, бывший тогда верховным главнокомандующим, не отвечал этим требованиям, так как держал себя лойяльно по отношению комитетов и Могилевского совета. И вот на сцену появляется будущий герой контрреволюции ген. Корнилов. Белогвардейские легенды пытаются окружить имя Корнилова всевозможными воинскими доблестями. Однако, по свидетельству Станкевича [1]), «судьба не дала ему (Корнилову) возможности доказать свои стратегические таланты: отступление из Галиции выявило его личное, бесспорное мужество, как и бегство из плена; лавры взятия Галича оспаривал у него, и, повидимому, не без оснований, Черемисов. Несомненно, слабой стороной Корнилова была неспособность, неумение наладить административную сторону дела, подобрать себе сотрудников: его ближайшие сотрудники в Петрограде постоянно жаловались на его неспособность работать и руководить делом, на тяжелый характер и даже мелочность; а, между тем, выбор помощников зависел от него самого. При старом строе он не мог двинуться дальше дивизионного командира и потерял кредит в революционных кругах после командования гарнизоном в Петрограде» [2]).

Выдвинул Корнилова Керенский; 30 июня он произвел его в полные генералы, а 7 июля назначил главнокомандующим юго-западного фронта. И вот здесь, с первых же шагов своей деятельности, Корнилов показал себя решитель-

---

[1]) Станкевич—комиссар северного фронта, см. его „Воспоминания 1914—1919 гг.“, стр. 227, 224.

[2]) Тут имеется в виду демонстрация 18 апреля.

ным и активным контр-революционером. Условием своего вступления на эту должность он поставил введение смертной казни на фронте. По вступлении тотчас издал приказ, требовавший, «не колеблясь», применять «огонь пулеметов и артиллерии» по бегущим солдатам. Повел решительный поход против всех общественных и партийных организаций, издав 16 июля приказ, где требует: «1) Всем воинским чинам, начиная с генерала и кончая солдатом, вне зависимости от положения, занимаемого ими в различных общественных и партийных организациях, немедленно явиться в свои части. Срок для этого определяю до 1-го августа 1917 г. Всем начальникам отдельных частей срочно донести мне по команде обо всех отсутствующих в части на 1-е августа, какими бы причинами это отсутствие ни вызывалось. 3) Все не явившиеся в части в указанный выше срок будут мною преданы суду, как изменники и предатели»...

18 июля издал приказ, где требовал: «1) воспретить всякого рода митинги в сфере боевых действий и, в случае попыток собрать таковые, считать их незаконным сборищем и рассеивать оружием; 2) означенное запрещение считать боевым приказом, не подлежащим никакому обсуждению, не исключая и комитетов». Решительно присоединился к требованию генералов на заседании в ставке 16 июля и т. д.

Все это вызвало огромное удовлетворение в среде офицерства и генералитета. «Вождь» был найден, и 18 июля Корнилов постановлением Временного правительства был назначен верховным главнокомандующим. Керенский, нуждавшийся в «бравом» генерале, который не остановился бы перед тем, чтоб кровью и железом расправиться с рабочими и солдатами, был также доволен своим выбором.

Деникин, один из активных участников корниловского заговора, пишет[1]): «Но когда генерал Корнилов был назначен верховным главнокомандующим, все искания прекратились. Страна—одни с надеждой, другие с враждебной подозрительностью—назвала имя диктатора... Началось паломничество в губернаторский дом в Могилеве. Пришли в числе других представители офицерского союза, во главе с Ново-

---

1) Деникин. Очерки русской смуты, т. 2.

сильцевым, и принесли Корнилову свое желание работать для спасения армии. Появились делегаты казачьего совета и союза георгиевских кавалеров. Приехал из Петрограда представитель «республиканского центра», обещая поддержку влиятельных кругов, стоящих за группой, и предоставил в распоряжение Корнилова военные силы петроградских организаций [1]). Прислал гонца в комитет офицерского союза и генерал Крымов с запросом, «будет ли что-нибудь», и в зависимости от этого—принимать ли ему 11-ю армию, предложенную мною, или оставаться во главе 3-го корпуса, который, по его словам, «пойдет, куда угодно»... Ему ответили просьбой оставаться во главе корпуса.

Условием принятия должности верховного главнокомандующего Корнилов поставил: «полное невмешательство в мои оперативные распоряжения и поэтому в назначение высшего командного состава... распространение принятых за последнее время мер на фронте и на все те местности тыла, где расположены пополнения армии; принятие моих предложений, переданных телеграфно верховному главнокомандующему на совещании ставки 16 июля» [2])... В ответ на эти требования Временное правительство ответило принципиальным согласием, но, не спросясь Корнилова, назначило главнокомандующим юго-западного фронта Черемисова. Корнилов тотчас потребовал его смещения, и Временное правительство согласилось.

Таким образом, Корнилов получил в свое полное распоряжение назначение и увольнение всего командного состава. О том, как использовал он это право, Керенский сообщает следующее [3]): «Он немедленно стал продвигать и восстанавливать в должностях людей наиболее старых традиций... Началось генеральное уничтожение всех командующих, сочувственно относившихся к войсковым организациям». Действительно, 28 июля Корнилов назначил главнокомандующим юго-западного фронта Деникина, и 17 августа в газетах появилась резолюция Исполнительного Комитета юго-западного

---

1) Деникин. Очерки русской смуты, т. 2, стр. 29.

2) Те же, что были оглашены ген. Деникиным.

3) Керенский. Дело Корнилова, стр. 11—12.

фронта, где последний пишет: «С момента вступления ген. Деникина на пост главнокомандующего юго-западного фронта, сразу выразилось явно отрицательное отношение штаба к выборным войсковым организациям, что проявилось в целом ряде ограничительных и запретительных толкований прав комитетов. Обнаружилось также неодинаковое отношение главнокомандующего юго-западного фронта к командному составу. Лица, нарушающие завоеванные революцией права, пользуются одобрением, а лица, находящие необходимым согласованную работу с выборными организациями, подвергаются «опале». Таковы были первые решительные шаги признанного «вождя» контр-революционного генералитета и офицерства, шаги, которым охотно шло навстречу Временное правительство.

И высший генералитет, и офицерство в своей массе являлись «надпольем» реакции. Кроме него существовало еще «подполье», тесно связанное с первым: это—ряд тайных обществ, которые начали образовываться еще с мая 1917 года. Эти общества существовали легально под фирмой беспартийности. Внешняя цель их была патриотическая защита родины. Они носили соответственные названия. Так, из петроградских обществ мы знаем: военную лигу, республиканский центр, союз георгиевских кавалеров, союз воинского долга, союз чести родины, союз добровольцев народной обороны, добровольческую дивизию, батальон свободы, союз спасения родины, организацию духа [1]), общество 1914 года, общество государственной карты, руководимое графом Сумароковым и Пуришкевичем, «Экономический клуб»—организацию, возглавлявшуюся П. Н. Крупенским и др.

Наиболее деятельным из них была военная лига. Она активно выступала уже в июне. 17 июня она выпускает воззвание к солдатам, где призывает их не участвовать в демонстрации 18 июня и ругает большевиков «гнусными изменниками» и «сознательными предателями». Листки эти разбрасывались с грузовых автомобилей, разъезжавших весь

[1]) Последняя сильно субсидировалась правительством; так, 5 июня в бюро Ц. К. Совета обсуждался вопрос о постановлении военного министра выдать этой организации субсидию в 200.000 р.

день по городу. 16 июня военная лига в знак сочувствия постановила преподнести прогнанному Черноморским флотом Колчаку адрес. 21 июня военная лига организует патриотическую манифестацию во главе с духовенством перед зданием военного штаба и союзными посольствами. 28 июня военная лига постановила вести дальнейшую работу в полном контакте с союзом офицеров армии и флота. 29 июня главный совет «военной лиги» постановил: 1) образовать при «военной лиге» комитет по организации добровольческих рот «военной лиги»; 2) в комитет этот включить представителей от обществ: а) единение, честь родины и порядок, б) армия чести, в) союз воинского долга, г) добровольцев народной обороны, д) организация кн. Мещерского и др.; 3) поручить президиуму: а) войти в соглашение с подлежащими властями о формировании добровольческих рот первоначально в районе северного фронта, как наиболее близкого и потому удобного для наблюдения».

Просьба о разрешении формировать эти роты была послана тогда же военному министру, и 2-го июля начальник кабинета военного министра, по приказанию военного министра, сообщил, что формирование добровольческих рот военной лиге разрешено, но не в пределах Петроградского округа, а в районе, подчиненном верховному главнокомандующему. После июльской демонстрации главный совет военной лиги послал военному министру письмо, где сообщает, что «почитает существенно важным, чтобы возмущения некоторых войсковых частей Петроградского гарнизона 3, 4 и 5 сего июля были заклеймены в наиболее широкой форме... Необходимо, чтобы армия и флот, до последних рядовых, точно знали об именах этих изменников. Главный совет военной лиги обращается с ходатайством о предоставлении ему права находиться постоянно в курсе производящегося расследования, для облегчения возможности всем гражданам России точно знать имена всех изменников и предателей»...

Внутри перечисленных обществ в июне начали образовываться группы, практически приступившие к подготовке переворота. По поводу этих кружков Деникин пишет: «Эти кружки, в которые вовлекались и военные училища, были

непримиримо настроены к Совету и враждебно к правительству... Вряд ли будет ошибкой считать, что большое число участников петроградских организаций принадлежало к правым кругам... Внутри организаций с самого начала создавалась нездоровая атмосфера. Несерьезная фронда, выносившаяся некоторыми на улицу и в залы киевских и петроградских ресторанов»[1])... Центром заговорщических групп и Деникин, и Керенский считают «Республиканский Центр». Деникин по поводу деятельности этой группы пишет[2]): «В конце июня в Петрограде в числе многих других образовалась политическая группа под названием «Республиканский Центр». Состав ее был немногочисленным и чрезвычайно пестрым... При приеме в организацию «никого не спрашивали, во что веруешь; достаточно было заявления о желании борьбы с большевизмом и о сохранении армии». Первоначально руководители Республиканского центра ставили себе целью помощь Временному правительству, создав для него общественную поддержку путем печати, собраний и проч.; потом, убедившись в полном бессилии правительства, приступили к борьбе с ним, участвуя в подготовке переворота. Интеллектуальные силы и влияние группы были невелики, но она имела одно большое преимущество перед всеми другими—обладала некоторыми денежными средствами. Их давала крупная денежная буржуазия, небольшая по числу, как определяет один из организаторов «центра», но очень влиятельная, довольно замкнутая. Буржуазия эта подняла тревогу (в июльские дни), когда обнаружилась слабость Временного правительства, и предложила «Респ. Центру» первую денежную помощь, чтобы уберечь Россию... от очевидной тогда для них, надвигавшейся опасности большевизма. Лично представители этой банковской и торгово-промышленной знати стояли вне организации, опасаясь скомпрометировать себя в случае неудачи. Отсутствие партийной нетерпимости и деловая программа и в особенности известные средства дали возможность «Респ. Центру» объединить много мелких, главным образом, военных петроградских организаций».

---

[1]) Деникин. Очерки русск. смуты, т. 2, стр. 26.

[2]) Там же, стр. 27.

«Речь» по поводу этого объединения сообщает: «31 июля состоялось собрание правлений следующих обществ: Военная лига, Союз георгиевских кавалеров, Союз воинского долга, Союз честь родины, союз добровольцев народной обороны, Добровольческая дивизия, Батальон свободы, Союз спасения родины, Общество 1914 года и Республиканский центр. На собрании было решено объединиться и в этом направлении предпринять шаги. В прениях некоторые ораторы указывали, что советы Р. и С. Д. даже больше повинны в боевых неудачах армии, чем Ленин и др. Раздавались призывы к более энергичному способу защиты родины, к жертвам во имя этой защиты, при чем некоторые ораторы употребляли весьма решительные выражения. Все резкие предложения были встречены шумными аплодисментами. Кроме того, постановлено послать приветственную телеграмму верховному главнокомандующему ген. Корнилову».

«Таким путем,—пишет Деникин,—к концу августа активных участников военной секции числилось до 4-х тысяч человек. Сколько их было в действительности, вероятно, никто не знал. Внутренняя организация этих отделов оставалась попрежнему чрезвычайно слабой. Тем не менее, значение их сильно переоценивалось как самими участниками, так и теми, кто предполагал воспользоваться их силами».

По воспоминаниям другого участника тайных обществ Винберга [1]), «военным отделом республиканского центра руководил сперва полковник ген. штаба Д., а после его отъезда полк. ген. штаба Дю-Симетьер. Первоначальный план республиканского центра должен был держаться более осторожной политики и постепенно, с возрастающей интенсивностью распространять свое влияние, усиливаясь и численно, и количественно, не ограничиваясь Петроградом, но охватывая и все крупные центры России». Два обстоятельства, по словам Винберга, изменили эту первоначальную медлительную тактику. Во-первых, «к концу июля выяснился уже предстоящий крах как самого Керенского, так и всего его бездарного правительства. Во-вторых, выяснилось опасное по-

---

1) Винберг—председатель „союза воинского долга". См. его книгу „В плену у обезьян" (записки контр-революционера), ч. I. Киев. 1918 г.

ложение Риги. Все эти данные ставили республиканский центр перед альтернативой: или держаться своей осторожной политики, и, выжидая, опоздать с делом спасения России, или, повинуясь стечению обстоятельств, ускорить свое выступление. Ко второму решению, кроме всего остального, склоняли центр и военные элементы, входившие в его состав и представляемые в большинстве случаев офицерами ген. штаба. Такому же решению—действовать энергично—соответствовала общая обстановка, заключавшаяся в падении рекламного престижа Керенского»...

«Вся сумма этих данных,—говорит Винберг,—повлияла на председателя республиканского центра Николаевского и его помощника Финисова, и, главным образом, на могущественных и влиятельных, но анонимных руководителей «центра», и было решено приступить к активным действиям в тесном единении и согласии с ген. Корниловым, который был предназначен на роль диктатора. Было условлено, что в Петрограде примет в свои руки власть, по приходе своем во главе назначенного в столицу специального корпуса, ген. Крымов, известный как выдающийся боевой генерал, с железной энергией, твердой решимостью и пламенной любовью к родине. До появления Крымова приехал в Петроград полковник ген. штаба Сидорин, как представитель Корнилова в республиканском центре, при чем он, при полном содействии Дю-Симетьера, должен был руководить выступлениями офицеров в Петрограде, согласованными с действиями подходящих к столице войск Крымова»...

Правые тайные общества подобного же типа существовали не только в Петрограде. О существовании одной из таких родственных организаций на юго-западном фронте Деникин сообщает следующее[1]): «Есть основание предполагать, что возникшая по инициативе генерала Крымова на юго-западном фронте офицерская организация, охватившая, главным образом, части 3-го конного корпуса и киевский гарнизон (полки гвардейской кавалерии, училища, технические школы и т. д.), имела первоначальной целью создание из Киева центра будущей военной борьбы. Генерал Крымов

[1]) Деникин. Очерки русской смуты, стр. 25.

считал фронт конченным, и полное разложение армии—вопросом даже не месяцев, а недель. План его, повидимому, заключался в том, чтобы, в случае падения фронта, итти со своим корпусом форсированными маршами к Киеву, занять этот город и, утвердившись в нем, «кликнуть клич»...

«3-й конный корпус входил в состав юго-западного фронта. При том составе чинов высшей военной иерархии, который имел место до июля [1]), такой совершенно обособленный план действий, с расчетом только на себя и на свои силы, был единственно возможным. После 8-го июля, т.-е. с назначением главнокомандующим юго-западного фронта генерала Корнилова, узкие рамки всего предприятия имели шансы раздвинуться до фронтового масштаба»...

Керенский по поводу работы подпольных групп, подготовлявших заговор, пишет [2]): «С несомненностью выяснилось одно—целью переворота не было восстановление низвергнутой династии, а, следовательно, где-то должен был подготовляться какой-то преемник Временного правительства»... И далее: «Все время от 3 июля по 27 августа можно разделить на три периода—сначала кустарная работа отдельных кружков и объединение главных из них в одно целое, затем организация сил и средств для попытки использовать московское совещание и, наконец, решительная попытка насильственного захвата власти под видом борьбы с большевиками. Цель движения—военная диктатура».

Одновременно с появлением и работой тайных обществ ими печатается ряд прокламаций. 13 июня «Известия» сообщают, что в иногородний отдел Петроградского совета поступают ряд резолюций и писем от солдат с фронта. Последние в них негодуют на то, что фронт забрасывается черносотенными прокламациями, в которых солдаты натравливаются на рабочих, призываются верить офицерам и генералам и пр.

Образцом «литературы» этих черносотенных обществ может служить следующее. Днем 12 июля В. Ц. И. К. получил сообщение от одного наборщика, что у них в типографии набирается черносотенная прокламация. На ме-

---

[1]) Главнокомандующим юго-западного форнта был тогда Брусилов, которому заговорщики не доверяли.—В. В.

[2]) Керенский. Дело Корнилова, стр. 51.

сто немедленно были командированы 2 члена В. Ц. И. К. вместе с офицером, уполномоченным штабом. Была действительно найдена прокламация, которая гласила: «Сейчас нет власти, она кем-то украдена. Кто этот вор, который предал и разрушает Россию? Власть захватил Ц. К-т. и С. Р. и С. Д. Они назначают министров. Кто же эти минстры? Большая часть их приехала с каторги. Таковы—Церетелли, Чернов, Некрасов. Главным своим распорядителем они выбрали Керенского. Керенский хорошо говорит, он человек храбрый, но помните, что он главный среди каторжан. Он согласен с ними во всем. В виду беспорядков правительство вызвало с фронта войска. Но правительство в России—это разбойники. Отдавая пришедшим войскам приказания, они захватили в свои руки эти войска. Родное казачество... да всколыхнется ваше русское сердце. Собирайте от полка по 6 депутатов и присылайте их 12 июля, к 4 час. дня»... (место собрания не указано, видимо, его собирались писать от руки). Воззвание было заказано в числе 500 экз. и, видимо, предназначалось для раздачи по рукам «доверенным» лицам.

Кроме того, по показаниям Керенского [1]), «появился целый ряд газет, которые тогда начали травлю Временного правительства и лично меня. Это были все органы сторонников сильной власти: «Живое Слово», «Народная Газета», «Новая Русь», «Вечернее Время» и т. д.». Газеты эти в массе отправлялись на фронт, и в результате мы имеем там следующие инциденты: Действующая армия. Общее собрание крестьянских секций 18 Сиб. стр. дивизии 1-го августа «единогласно постановило обратиться к представителям буржуазных партий с убедительнейшей просьбой прекратить бесплатную массовую присылку литературы их направления. Собрание признается, что присылаемая литература бесплодно уходит на кипячение котелков с чаем, и считает своим нравственным долгом указать на бесполезность для них траты такой большой суммы денег»...

«Наконец,—пишет Деникин [2]),—организующую работу вел главный комитет офицерского союза. С первых же дней су-

---

[1]) Керенский. Дело Корнилова.

[2]) Деникин. Очерки русской смуты, т. 2, стр. 28.

ществования комитета[1]) в составе его образовался тайный активный коллектив, к которому впоследствии примкнул весь состав комитета. Не задаваясь никакими политическими программами, комитет поставил себе целью подготовить в армии почву и силу для введения диктатуры—единственного средства, которое, по мнению офицерства, могло еще спасти страну. Завязывались оживленные сношения с советом союза казачьих войск, военными организациями и политическими партиями. Хотя комитет отражал в полной мере настроение фронтового офицерства, организация последнего подвигалась крайне слабо... Таким образом, когда настало время действовать, комитет имел в своем моральном активе широкое сочувствие всего офицерства, а в реальном—только добрую волю своих членов».

Председателем главного комитета союза офицеров был полковник Новосильцев (член партии к.-д.), почетным председателем и политическим вдохновителем был ген. Алексеев. Главный комитет союза пребывал в ставке—в Могилеве, прибегал в своей работе к содействию официальных лиц и штабов, назначал своих доверенных (представителей) при штабах фронтов и армии; вел черные списки политически разномыслящих с ним офицеров, рассылая собственные следственные комиссии, обращался с одобрениями и порицаниями, и т. д. Так, например, «15 июля по всей армии, с надписями штабов «для срочного исполнения и донесения штабу армии просимых сведений», разослана телеграмма: «Главный комитет союза офицеров просит телеграфировать список офицеров-большевиков, указав, какие части, для занесения на черную доску. Ставка, 15 июля. Главкомитет». А 20 августа верховный главнокомандующий требует, чтобы начальники штабов армии сообщали списки офицеров-большевиков главному комитету союза офицеров при ставке.

В своей газете главный комитет союза офицеров армии и флота ведет усиленную агитацию «к борьбе без пощады всеми средствами с офицерами-большевиками». От лица комитета газета «объявляет открытую угрозу по адресу офицеров-большевиков»...

---

[1]) Союз офицеров возник в июне 1917 г.

Лукомский в своих воспоминаниях пишет следующее по поводу союза офицеров [1]): «Еще при генерале Брусилове Могилевский совет рабочих депутатов добивался расчистки якобы образовавшегося в ставке контр-революционного гнезда. С этими требованиями Могилевский совет обращался не только к генералу Брусилову, но и к комиссару Временного правительства, бывшему в ставке,—Елачичу. Но последний... дальнейшего хода этому делу не давал».

Свои отделения союз офицеров армии и флота имел и в Питере, и в Москве, и в Киеве, при штабах армий, корпусов, дивизий и в отдельных частях войск. С тайными петроградскими обществами он был тесно связан. Надо полагать, что из этих кругов «подполья» шли, начиная еще с июня, поиски лица, которое могло бы стать во главе переворота—быть военным диктатором. Об этих поисках и упованиях Деникин пишет [2]): «Первоначально неясные надежды, не облеченные еще ни в какие конкретные формы, как среди офицерства, так и среди либеральной демократии, в частности к.-д. партии, соединялись с именем ген. Алексеева. Это был еще период упований на возможность законопреемственного обновления власти. Ибо трудно себе представить лицо, менее подходящее по характеру, чем ген. Алексеев, для выполнения насильственного переворота. Позднее, может-быть, и одновременно, многими организациями делались определенные предложения адмиралу Колчаку во время пребывания его в Петрограде. В частности «Республиканский центр» находился в то время в сношениях с адмиралом, который принципиально не отказывался от возможности стать во главе движения. По словам Новосильцева, которому об этом говорил лично адмирал, доверительные разговоры на эту тему вел с ним и лидер к.-д. партии». Разговоры с Колчаком к.-д. и военных организаций велись в начале июня, так как в это время «Маленькая Газета» [3]),—орган правых военных организаций, подняла кампанию за Колчака. 13 июня газета крупным

---

[1]) Лукомский был начальником штаба верховного главнокомандующего при Брусилове и Корнилове. См. его „Воспоминания“, стр. 45—46 и стр. 221 тома I. Берлин. 1922 г.

[2]) Деникин. Очерки русской смуты, т. 2.

[3]) Издание Алексея Суворина.

шрифтом помещает воззвание редакции, где зовет народ к немедленному выступлению. Воззвание пишет: «Пусть все, сердце которых жжет боль об армии, будут завтра на улице! Пусть кн. Львов уступит место председателя в кабинете адмиралу Колчаку. Это будет министр победы. Колчак сумеет грозно поднять русское оружие над головой немцев»... и т. д.

Милюков в своей «Истории» умалчивает о своей роли в переговорах с Колчаком, но не отрицает, что существовали попытки к замене Временного правительства Колчаком. Говорит только, что эта замена мыслилась тогда «в ином порядке, чем порядок переговоров и соглашений с органами революционной демократии». Однако, авантюра с Колчаком кончилась неудачей, так как Керенский командировал его в составе одной военно-морской миссии в Америку.

Видимо, кое-какие группы правых пытались одно время обратиться с предложением военной диктатуры даже к Керенскому. В своих показаниях он пишет [1]): «Еще в июне—июле изредка кой-какие господа ко мне заявлялись с разными предложениями организации власти. Мне даже были прямые предложения диктатуры». Об этих предложениях знал и В. Н. Львов, ибо перед выступлением Корнилова он говорил про Керенского: «Он не хотел быть диктатором,—так мы его ему дадим».

Но к августу Керенский уже потерял огромную долю своего авторитета в буржуазных и правых кругах. Прежде всего провалилось наступление, затем он потерял прежнее влияние на массы; «пламенные» речи его на фронте не встречались уже более энтузиазмом, солдаты звали его «кликушей». Очевидно, что, получив 22 июля в свои руки неограниченную власть, он не сумел проявить той энергии и быстроты в проведении контр-революционного переворота, какой требовал момент по мнению буржуазии. Началась быстрая мобилизация буржуазных кругов и офицерства вокруг Корнилова. Барановский [2]) в августе говорил Керенскому: «Сейчас атмосфера в ставке убийственная, вас там совершенно не выносят». «В конце июля,—пишет Керен-

1) Керенский. Дело Корнилова, стр. 103.

2) Барановский—начальник канцелярии Керенского.

ский [1]),—я уже получил точные сведения об офицерском заговоре, который готовился и который имел опорные пункты в Петербурге и в ставке... Главный комитет союза офицеров выделял из своей среды активных заговорщиков, его же члены были агентами конспирации на местах; они же давали и легальным выступлениям союза нужный им тон» (стр. 43). Заговор имел в виду диктатуру Корнилова, и, желая избавиться от соперника, Керенский начал подумывать об удалении Корнилова.

30 июля Савинков [2]) вызвал из ставки Филоненко [3]) и сообщил ему, «что положение главковерха (Корнилова) пошатнулось... Министр-председатель высказал мысль, что надо искать другого главковерха, и что, в конце-концов, возможно, придется ему самому занять этот пост». Однако, эта попытка Керенского встретила весьма недвусмысленный отпор. Именно, 6 августа совет союза казачьих войск вынес резолюцию, где заявляет: «Генерал Корнилов не может быть смещен... Совет союза... заявляет Временному правительству и народу, что он снимает с себя возложенную на него ответственность за поведение казачьих войск на фронте и в тылу при смене ген. Корнилова. Совет союза казачьих войск заявляет громко и твердо о полном и всемерном подчинении своему вождю герою Л. Г. Корнилову».

7 августа поздно ночью конференция союза георгиевских кавалеров вынесла также резолюцию, где заявляет, что «если ген. Корнилов будет смещен, то союз георгиевских кавалеров немедленно отдаст боевой клич всем кавалерам о выступлении совместно с казачеством». (К этой резолюции присоединились: Московский союз георг. кавалеров, военная лига и др. подобные организации).

7-го же августа главный комитет союза офицеров посылает из ставки телеграмму, где говорит, что «все свои надежды на грядущий порядок возлагает на любимого вождя, ген. Корнилова», что «его имя является, может-быть, последним лучом надежды на светлое будущее России», и что

---

1) Керенский. Дело Корнилова.
2) Савинков—тов. военного министра.
3) Филоненко—комиссар Врем. прав. при верховном главнокомандующем.

«мы готовы всемерно поддержать его в законных требованиях».

Это движение за несменяемость Корнилова было «увенчано» знаменательной резолюцией совещания общественных деятелей, которое происходило в Москве между 6 и 10 августа, и на котором под руководством Милюкова происходила мобилизация сил контр-революционной буржуазии перед государственным совещанием. «Совещание общественных деятелей,—говорилось в резолюции, посланной Корнилову,—приветствует вас, верховного вождя русской армии. Совещание заявляет, что всякие покушения на подрыв вашего авторитета в армии и России оно считает преступным и присоединяет свой голос к голосу офицеров, георгиевских кавалеров и казачества. В грозный час тяжкого испытания вся мыслящая Россия смотрит на вас с надеждой и верой»...

ГЛАВА IV.

Одна программа и два метода контр-революции.

Одновременно с назначением верховным главнокомандующим ген. Корнилова Керенский приблизил к себе и двух комиссаров Временного правительства: комиссара юго-западного фронта Савинкова и комиссара 8-й армии Филоненко. Оба они одновременно с ген. Корниловым требовали введения на фронте смертной казни, являлись решительными сторонниками репрессий на фронте и в тылу и, по мнению Керенского, подходили для подготовляемого им контр-революционного переворота. Тем же указом Временного правительства, которым ген. Корнилов был назначен главнокомандующим, Савинков был назначен управляющим военным министерством [1]), а Филоненко комиссаром Временного правительства при верховном главнокомандующем.

С этого момента эти четыре лица: Керенский, Корнилов, Савинков и Филоненко являлись главными действующими лицами заговора контр-революции. Они должны были выработать план и провести в жизнь режим военной диктатуры. В этом направлении все четверо дружно работали в течение августа, пока нетерпение одной из сторон не сорвало весь план. Деникин, один из самых правых участников военного заговора, и лидер партии к.-д. Милюков, оба горячие сторонники Корнилова, свидетельствуют, что «программа Керенского и Корнилова была одинакова». Милюков пишет [2]):

---

[1]) В августе он же был назначен управляющим морского министерства, с оставлением в занимаемых должностях.

[2]) Милюков. История второй русской революции. Т. I, в. 2, стр. 98.

«Борьба (между Корниловым и Керенским) шла тут, по существу, не столько между двумя программами «революции» и «контр-революции», сколько между двумя способами осуществить одну и ту же программу, в важности и неотложности которой для спасения нации обе стороны были согласны». Деникин также говорит [1]): «В борьбе между Керенским и Корниловым замечательно отсутствие прямых политических и социальных лозунгов, которые разъединяли бы борющиеся стороны».

Действительно, одна и та же программа подавления революции объединяла их обоих, как мы убедимся ниже.

Разделяли их не две программы, а метод, при помощи которого они стремились осуществить одну программу. Корнилов, поддерживаемый офицерством, тайными правыми организациями и субсидируемый промышленниками, требовал немедленного осуществления программы контр-революции. Керенский вместе с Савинковым и Филоненко находили такой путь рискованным, одергивали все время Корнилова и настаивали на постепенности, стремясь самые институты, созданные революцией, использовать против нее. Как на один из типичных примеров, можно указать на институт комиссаров и комитетов в армии. Ставка требовала их полного уничтожения, Керенский и Савинков настаивали на их сохранении, надеясь, что после перехода к власти (т.-е. к военной диктатуре) комиссарами можно назначить людей «верных», а комитеты взять в руки и использовать их бытие, как страховку против солдатских восстаний.

Что представляло из себя «окружение» Корнилова, мы уже видели из предыдущей главы. Теперь посмотрим, что представляли из себя ближайшие помощники Керенского и проводники его идей—комиссары в армии. С двумя комиссарами Филоненко и Савинковым мы уже познакомились по их выступлению в защиту смертной казни. О Филоненко имеется еще следующий протокол общего собрания солдат и офицеров [2]) той воинской части, где он служил до

---

[1]) Деникин. Очерки русской смуты, т. 2.

[2]) Собрание состоялось по поводу его назначения комиссаром Временного правительства при ставке.

революции. «Общее собрание солдат и офицеров 9-го броневого автомобильного дивизиона, обсудив вопрос о поручике М. М. Филоненко, состоящем ныне комиссаром Временного правительства при ставке, постановило:

«Довести до сведения военного министра Керенского, совета Р. и С. Д. и И. К-та съезда советов, что вся предыдущая деятельность Филоненко в бытность его офицером в дивизионе выражалась в систематическом издевательстве над солдатами, для которых у него не было иного названия, как «болван», «дурак» и т. п., в сечении розгами, например, ефрейтора Разина, при чем, будучи адъютантом, применял порку без разрешения командира дивизиона, исключительно опираясь на свое положение, что ему никто не смел перечить в мордобитии, которым он всегда грозил и цинично проповедывал, и самом невозможном оскорбительном отношении к солдатам, на которых он смотрел, как на низшие существа, а потому, принимая во внимание эту деятельность, считаем, что Филоненко не может занимать поста комиссара революционного правительства...» [1]) и т. д.

Что представляли из себя комиссары фронтов и их «управления», достаточно ярко рисует следующее. Комиссаром северного фронта был трудовик В. Б. Станкевич [2]), его помощником был меньшевик-оборонец Войтинский. Задачи их, как комиссаров революции, были контролировать черносотенный командный состав и проводить на фронте «революционную волю» Временного правительства. Действовали они оба и до мятежа, и во время оного в полном контакте с политикой Керенского и К°. Какова была эта политика, показывает следующая выдержка из воспоминаний Станкевича [3]).

«Никто не только в военном министерстве, но, быть-может, и в среде самих комитетов никогда не сомневался, что вообще

---

[1]) Подлинник протокола с подписями и печатью хранится в Моск. арх. Окт. революции. Дело Корн., т. 18, стр. 125.

[2]) В. Б. Станкевич — секретарь трудовой фракции 3-й Гос. Думы, член ИК Петр. Совета, в июле комиссар западного, потом северного фронта, где был 3 месяца. Во время корниловского выступления Станкевич был в Питере и своим заместителем назначил Савицкого, в начале октября назначен комиссаром Временного правительства при ставке верх. главноком.

[3]) В. Б. Станкевич. Воспоминания 1914—1919 гг. Берлин, 1920 г. Изд. И. П. Ладыжникова, стр. 145, 176.

комитеты[1])—только зло. Виленкин, председатель комитета 5-й армии, формулировал свое отношение к комитетам таким образом: «Задача нашего комитета довести армию до такого состояния, чтобы по приказу командующего армией любая часть арестовала без колебаний комитет. Тогда мы, деятели комитета, скажем: наш долг перед родиной выполнен». Но положение таково, что не было полка, который без противодействия комитетов не арестовал бы свое начальство. Поэтому сам командный состав настаивал на создании комитетов, видя в них свое спасение».

По поводу деятельности своих ближайших помощников Станкевич сообщает: «Войтинский к опасности справа относился как к детским бредням. Но с тревогой посматривал налево, особенно в тылу, и в последние дни своего комиссарства носился с идеей какой-то карательной экспедиции с фронта в тыл. Ни разу ни одна мера, ни одно слово не было направлено против командного состава, но не один десяток большевиков был арестован по его почину и при его участии».

«Значительно меньшими фигурами были комиссары в армии. Ходоров, комиссар 5-й армии, социал-демократ, отличался, я бы сказал, чисто-полицейской энергией и ретивостью в усмирении армии и подчинении ее командному составу. В Пскове, в моем «управлении», как громко называлась единственная комната, где работали все мои сотрудники, главную роль играл Савицкий, молодой, энергичный и любящий самостоятельные решения. Случайно в Пскове оказался затерянным в какой-то общественной организации поэт А... Х... Он стал заведывать литературно-агитационным отделом. Между прочим, в круг его обязанностей входило следить за большевистской литературой. Сам плохо понимая, как это случилось, что он, свободный поэт, вдруг превратился в цензора, он все же храбро вооружался красным карандашом и с гневными криками: «Что эти м... м... пишут!» отмечал наиболее резкие выпады большевиков и писал доклады о закрытии тех или иных газет».

---

[1]) Здесь идет речь о ротных, полковых, дивизионных и пр. комитетах, которые являлись первыми революционными ячейками в армии, возникшими стихийно и повсеместно с первых же дней февральской революции.—В. В.

Вполне правильно поэтому на стр. 182 Станкевич делает следующий вывод: «Но мне кажется, что в результате генералы на нас смотрели не как на противников и даже не как на чужих, а как на союзников в общем деле».

Теперь перейдем к тем проектам введения железной дисциплины на фронте и в тылу, которые вырабатывались Корниловым и Керенским, и осуществление которых должно было увенчаться военной диктатурой. Мы помним, что условием своего вступления на должность верховного главнокомандующего Корнилов выставил введение железной дисциплины в армии и распространение смертной казни и др. репрессивных мер фронта на тыл. Правительство дало на это свое принципиальное согласие. «30-го июля,—сообщает Деникин [1]),—на совещании с участием министров путей сообщения и продовольствия, Корнилов высказал взгляд: «Для окончания войны миром, достойным великой свободной России, нам необходимо иметь три армии: армию в окопах, непосредственно ведущую бой, армию в тылу—в мастерских и заводах, изготовляющую для армии фронта все ей необходимое, и армию железнодорожную, подвозящую это к фронту»... «Не касаясь вопроса, какие меры необходимы для оздоровления рабочей и железнодорожной армии, предоставляя разобраться в этом вопросе специалистам», Корнилов считал, однако, что «для правильной работы этих армий они должны быть подчинены той же железной дисциплине, которая устанавливается для армии фронта». Керенский в своих показаниях говорит, что «существо этих мероприятий в известной мере уже вырабатывалось военным министерством и должно было планомерно проводиться в жизнь... Все это у нас уже разрабатывалось. Прибавилось только одно: проекты превратились в требования, которые предъявлялись Временному правительству генералом Корниловым».

Требования Корнилова и его «декларативные» телеграммы Временному правительству усердно поддерживались партией к.-д.; так, «они появлялись в ее газетах раньше, чем попадали на стол министра-председателя» [2]). Далее Родичев на съезде партии к.-д. заявил: «Без утверди-

---

1) Деникин. Очерки русской смуты, т. 2, стр. 17.

2) Керенский. Дело Корнилова, стр. 27.

тельного ответа на условия, поставленные генералом Корниловым, не может быть спасения родины». «Эти слова Ф. И. Родичева,—пишет Милюков[1]),—выражали убеждение, широко распространенное в общественных слоях, противополагавших себя «революционной демократии».

Поощряемый таким образом, Корнилов решил приняться за непосредственное законодательство. Немедленно по вступлении на должность он поручил своему штабу разработать соответственный доклад о реформах в армии, для представления его Временному правительству. Доклад этот был составлен к началу августа полковником Плющик-Плющевским.

В записке, приготовленной для доклада Временному правительству, указывалось на необходимость следующих главнейших мероприятий: введение на всей территории России в отношении тыловых войск и населения юрисдикции военно-революционных судов, с применением смертной казни; восстановление дисциплинарной власти военных начальников; введение в узкие рамки деятельности комитетов и установление их ответственности перед законом.

Керенский по поводу этой записки пишет[2]): «Там был изложен целый ряд мер, в огромном большинстве вполне приемлемых, но в такой редакции и с такой аргументацией, что оглашение ее привело бы к обратным результатам. Во всяком случае, был бы взрыв при опубликовании ее, и сохранить Корнилова главнокомандующим было бы невозможным». Записку эту Керенский не считал возможным огласить на заседании Временного правительства, и когда Корнилов приехал 3 августа с целью огласить свой проект на заседании Временного правительства, то Керенский совместно с Савинковым и Филоненко уговорили Корнилова не представлять записки правительству, а выждать окончания аналогичной работы военного министерства для согласования с ней.

Насколько предполагаемый проект военного министерства мало отличался от духа корниловской записки в военном

---

1) Милюков. История второй русской революции, в. 2, стр. 99.
2) Керенский. Дело Корнилова, стр. 37.

вопросе, видно из сообщения, данного Савинковым в газеты еще 28 июля. В нем он говорит: «Первой задачей моей деятельности по военному м-ву является восстановление в армии железной дисциплины. Для насаждения ее нужен особый и в высшей степени авторитетный аппарат. Аппарат этот будет организован военным министерством в полном согласии со ставкой верховного главнокомандующего... При назначении комиссаров должно быть обращено особое внимание на качество их и определенность их убеждений. Комиссары должны нести ответственность за свою деятельность в том порядке, как эту ответственность несут все военнослужащие. Институт комиссаров будет сосредоточен в военном министерстве, а не в Исполнительном Комитете, а Исполнительному Комитету будет предоставлено право отвода тех или иных лиц. Необходима самая суровая и действительная борьба с разлагающими армию элементами, в роде так-называемых большевистских течений и большевиков. За высшим командным составом остаются исключительно оперативно-боевые обязанности, за войсковыми организациями—все то, что входит в пределы самоуправления армии (хозяйство и быт), за комиссарами — высший надзор за обще-политической жизнью армии».

Таким образом, докладная записка Корнилова на заседании Временного правительства 3 августа прочтена им не была. Был заслушан лишь доклад Корнилова о стратегическом положении на фронте. Во время доклада произошел следующий, типичный для того времени инцидент. Корнилов в своих показаниях пишет о нем следующее: «Когда я коснулся вопроса о том, на каком фронте можно было бы перейти... в наступление, министр-председатель, сидевший со мной рядом, предупредил, что в этом вопросе нужно быть осторожным. Немного спустя, мне была передана записка Савинкова с таким же предупреждением... По окончании заседания из некоторых слов Савинкова мне стало ясно, что предупреждение имело в виду министра Чернова [1]).

Надо заметить, что в то время все трое: Савинков, Керен-

---

1) Показания Савинкова и Керенского об этом же инциденте по существу дела не меняют.

ский и Чернов были членами партии с.-р. Об их взаимоотношениях и Станкевич свидетельствует следующее [1]): «Он (Керенский) видит сам детскую беспомощность комитетов, он ненавидит Чернова».

3-го же августа в Зимнем дворце произошел разговор между Корниловым и Керенским, в котором, по показаниям самого же Керенского, с полной откровенностью велась беседа о шансах на успех переворота с целью провозглашения диктатуры. Так, Керенский пишет [2]): «Я помню еще, как на мой вопрос о диктатуре Корнилов в раздумье ответил: «Что же, может-быть, и на это придется решиться»... И дальше Керенский: «Ваш путь неизбежно приведет к новому избиению офицерства».—«Я это предусматриваю, но зато оставшиеся в живых возьмут, наконец, солдат в руки»,—решительно ответил Корнилов». Что разговоры о диктатуре Керенский вел не только с Корниловым, видно и по воспоминаниям Лукомского, который пишет следующее [3]): «При своих поездках на фронт... Керенский набирался храбрости и со своими спутниками неоднократно обсуждал вопросы о создании твердой власти, об образовании директории или о передаче власти диктатору. А так как большинство этих спутников и приближенных Керенского, в действительности, сердцем были ближе к ставке, чем к нему, то все эти разговоры передавались нам».

К этому времени (к 3 августа), надо полагать, план Корнилова о захвате им лично власти с целью военной диктатуры был уже составлен, так как в первые же дни августа, по сообщению Милюкова [4]), «Завойко [5]) был послан Корниловым с «приказом» ген. Каледину». Керенский тоже уже знал об этом заговоре, сведения о котором, по его показаниям, поступали к нему «еще в конце июля и в самом начале августа» [6]). Не мог он не знать и о том, кто был

---

[1]) Станкевич. Воспоминания, стр. 225.

[2]) Керенский. Дело Корнилова, стр. 52.

[3]) Лукомский. Воспоминания, т. I, стр. 225.

[4]) Милюков. История второй русской революции, т. I, в. 2, стр. 102.

[5]) Ординарец Корнилова, нефтяной делец, во время заговора лицо, очень близкое Корнилову; он обладал „литературным талантом“ и писал Корнилову все его воззвания и декларативные телеграммы.—В. В.

[6]) Керенский. Дело Корнилова, стр. 48 и стр. 69.

главою заговора, так как настойчиво стремился если не спеться с Корниловым, то его удалить. Но Корнилов встречал поддержку не только в правых кругах и среди буржуазии, но и весьма существенную со стороны кадетской части Временного правительства. Керенский об этом говорит так: «Нужно сказать, что часть Временного правительства была совершенно загипнотизирована тогда личностью Корнилова». И в другом месте: «часть Временного правительства была готова пойти на все, что шло из ставки».

Итак, в ночь на 4-е августа Корнилов уехал в ставку, предоставив переработку своей докладной записки военному министерству Керенского. Для обсуждения переработанной записки Корнилов обещал приехать через неделю. Записка была переработана Филоненко совместно с Савинковым. В виду исключительного интереса, который представлял для того времени этот проект, привожу наиболее существенные выдержки из него [1]):

«Спасти положение может только а) самая суровая дисциплина и б) общее упорядочение состояния армий... Необходимо восстановить дисциплинарную власть начальников... Ввести ответственность начальников по суду, как за бездействие, так и превышение власти... Поднять авторитет офицеров и улучшить их материальное положение. Для устранения тех немногих офицеров армии, которые не проникнуты надлежащим воинским духом и пониманием дисциплины, необходимо усилить кару за преступления по должности, бездействие и превышение власти. Озаботиться подбором соответствующего командного состава, не останавливаясь перед решительным удалением всех не соответствующих своему назначению, а в то же время необходимо тщательно пересмотреть списки лиц, удаленных со службы в первый период революции, и вернуть уволенных как по недоразумению, так и вследствие пристрастной аттестации безответственных лиц».

Комиссары. «В настоящее время без комиссаров обойтись в армии нельзя... Комиссары должны являться право-

---

[1]) Подлинник доклада за личными подписями Корнилова, Савинкова и Филоненко хранится в Моск. арх. Окт. рев. Д. К., т. 18, стр. 78.

мочными представителями Временного правительства, а отнюдь не каких-либо общественных, политических и профессиональных организаций, и в качестве таковых должны представлять из себя стройную организацию государственного механизма»...

«Войсковые выборные организации. До сих пор комитеты являлись организациями, совершенно безответственными перед законом, и могли выносить какие-угодно постановления, хотя бы явно противозаконные и вредоносные... Следует помнить, что комитеты, в общем и целом пользующиеся доверием широких солдатских масс, смогут, при правильном направлении их деятельности, послужить могучим средством для внедрения в воинские массы дисциплины и гражданского сознания, обеспечивая своим существованием, символизирующим в глазах массы бытие революции, спокойное отношение к тем суровым мерам, которые необходимы... Нужно установить несменяемость комитетов на время их полномочий... Определить ответственность их по суду за превышение власти, бездействие власти, неисполнение и нарушение обязанностей... Определить точную компетенцию комитетов... Таким образом, сделав их ответственными и перед законом, создать для них альтернативу: либо исполнять свои обязанности и проводить в сознание масс идеи порядка и дисциплины, либо поддаваться безответственному влиянию масс и тогда нести кару по суду».

Тыл армии. «Строжайшая дисциплина должна быть восстановлена на одинаковых для действующей армии и тыла основаниях. Смертная казнь должна быть также распространена на русских подданных, являющихся агентами иностранных держав и занимающихся шпионажем». Железные дороги. «Железные дороги должны быть объявлены на военном положении... в крупных узловых центрах должны быть учреждены военно-революционные суды»... Заводы. «Необходимо теперь же: 1) Объявить все заводы, работающие на оборону, а также угольные копи на военном положении. 2) Решительно воспретить на территории заводов все то, что мешает работать: митинги и всякого рода собрания, за исключением совета старост и правления больничных касс. 3) Категорически потребовать от рабочих исполнения мини-

мального ежедневного количества изделий. 4) Немедленное увольнение на фронт каждого рабочего, не удовлетворяющего условию п. 3. 5) Воспрещение всяких стачек и локаутов на все время войны, с привлечением к уголовной ответственности и обложением высшей мерой уголовной ответственности. 6) Утверждение безапеляционности решений примирительной камеры».

Доклад под видом смертной казни для немецких шпионов вводил смертную казнь в тылу. Однако, 7-го августа рабочая секция Петроградского Совета почти единогласно выносит требование об отмене смертной казни на фронте. Боясь принятием предложенного проекта вызвать взрыв народного негодования, Керенский откладывает его принятие и обсуждение. Тогда начинается энергичный нажим на него его помощников. Прежде всего, 8-го августа Савинков в ответ на отказ Керенского подписать законопроект подает в отставку, заявив, что если Керенский отказывается доложить проект во Временном правительстве, то докладную записку во Временное правительство представит генерал Корнилов, который имеет на это право, как главнокомандующий.

Генерал Корнилов, который получил от своих единомышленников сообщение, что, по сведениям из Петрограда, вопрос об его отставке Керенским решен окончательно, решил в Петроград не ехать. Об этом он предупредил Временное правительство, сославшись на опасное положение на фронте. Однако, Савинков и Филоненко решили настоять на его приезде и 9-го августа они горячо уговаривали его по прямому проводу приехать.

Переговоры эти представляют исторический интерес, так как проливают свет на взаимоотношения и планы заговорщиков, поэтому привожу из них выдержки: «Ваше присутствие завтра совершенно необходимо,—говорил Савинков,—без вашей помощи я не буду в силах отстоять то, что вы и я считаем правильным». «Мои заявления правительству сделаны,—отвечал Корнилов,—и отклонений во взглядах своих я не могу допустить, тем более, что события, которые теперь начинают развиваться на фронтах, еще более подтверждают настоятельную необходимость намеченных мер». (Здесь речь идет о подготовляемой верховным командованием

сдаче Риги немцам, которую Корнилов рассчитывал использовать, как повод для немедленного введения репрессивных мер).

Савинков продолжает настаивать: «Если вы лично не поддержите меня завтра, то дело окончится лишь моей отставкой, которая ознаменует в глазах общественного мнения страны нерешительность Временного правительства, а это может иметь последствия тяжкие и, быть-может, непоправимые для свободы, а значит, и для родины». (Здесь Савинков, видимо, боится преждевременного выступления правых групп, которое, по его мнению, должно было кончиться провалом). Корнилов: «Если завтрашний день должен быть отмеченным изменением нашей политики, то... мое присутствие на фронте безусловно необходимо... Я говорю это вам, учтя даже те данные, которые вам могут быть неизвестны». (Здесь, очевидно, Корнилов подразумевает подготовляемое заговорщиками в ставке военное выступление).

Савинков продолжает противиться «боевым» настроениям генерала: «Не приехав в Петроград, вы сделаете ошибку непоправимую, и то, чего можно достигнуть безболезненно для страны, не будет достигнуто»... Очень характерным в этой беседе было и заявление Корнилову другого представителя «революционной демократии» Филоненко: «Если завтра... Б. В. (Савинков.—В. В.) и я уйдем», то «вы, оставшись на поле деятельности, не имея нас рядом, будете роковым и неизбежным образом возбуждать подозрение даже в широких кругах, и тогда дело без ужасного столкновения не обойдется... *Наша политическая окраска для вас тот щит в бою, который так же необходим, как и меч*»[1]).

В результате переговоров Корнилов согласился приехать 10-го августа для доклада проекта Временному правительству. Однако, Керенский, узнав о настоянии Савинкова, послал без ведома последнего Корнилову телеграмму, где писал: «Временное правительство вас не вызывало, не настаивало на вашем приезде и не берет за него никакой на себя ответственности в виду стратегической обстановки». На

[1]) Курсив мой.—В. В.

вокзале Корнилова встретили Савинков и Филоненко и вручили ему переделанный ими доклад. Корнилов, взяв его, прямо поехал к Керенскому. Об его посещении Керенский пишет в своих показаниях следующее: «Прибыл он и вошел ко мне с пулеметами... Впереди ехал автомобиль с пулеметами. Текинцы внесли два мешка с пулеметами и положили в вестибюле... Затем взяли, когда стали уезжать».

Произошла беседа между Корниловым и Керенским. Последний настоял, чтоб доклад, подписанный Корниловым, Савинковым и Филоненко, на общем заседании Временного правительства не оглашать, ограничившись его обсуждением в частном совещании «триумвирата»: Некрасова, Терещенко и Керенского. Свои настояния Керенский мотивировал тем, что он лично с докладом плохо знаком. Вечером, на заседании «триумвирата», было установлено, что первый корниловский проект более приемлем, что «правительство соглашается на предложенные меры, вопрос же об их осуществлении является вопросом темпа правительственных мероприятий, что же касается... милитаризации железных дорог, заводов и фабрик, работающих на оборону, то до обсуждения этого вопроса, в виду его сложности и слишком резкой постановки в докладе, он подвергнется предварительному обсуждению в подлежащих специальных ведомствах» [1].

Таким образом, триумвират решил на полном заседании Временного правительства, которое предполагалось 11 августа, обсудить первый доклад Корнилова от 3-го августа, и Корнилов уехал 10-го же в ставку.

Между тем, нажим на Керенского продолжался. 11-го августа, утром, к Керенскому явился Кокошкин с заявлением, что если сегодня же не будет принята программа генерала Корнилова, то к.-д. выйдут из Временного правительства. В ответ Кокошкин получил обещания, которые дали ему возможность не настаивать на своей немедленной отставке.

Заседание Временного правительства от 11-го августа было посвящено обсуждению записки Корнилова от 3-го августа и вопроса о государственном совещании. По первому во-

---

[1]) Показания Корнилова следств. комиссии.

просу Временное правительство приняло первую записку Корнилова и нашло возможным признать применение тех или иных мер, указанных в записке, до смертной казни в тылу включительно, но проводить их в жизнь лишь по обсуждении в законодательном порядке отдельно каждой данной конкретной меры. В духе принятых постановлений Керенский должен был сделать сообщение от лица Временного правительства на государственном совещании, Корнилов же, по постановлению этого же заседания, должен был выступить с докладом о положении на фронте, о состоянии армии, о стратегическом положении и т. д.

Итак, соглашение между членами правительства по вопросу о корниловских «требованиях» состоялось. К.-д. в отставку не ушли. На поддержку Савинкова, сгоряча подавшего в отставку, выступил Корнилов. 11 августа он послал Керенскому телеграмму, где писал: «До меня дошли сведения о том, что Савинков подал в отставку. Считаю долгом доложить свое мнение, что оставление таким крупным человеком, как Борис Викторович, рядов Временного правительства не может не ослабить престижа правительства в стране, и особенно в такой серьезный момент. При моем выступлении на московском совещании 14-го августа я нахожу необходимым присутствие и поддержку Савинковым моей точки зрения, которая, вследствие громадного революционного имени Бориса Викторовича и его авторитетности в широких демократических кругах, приобретает тем большие шансы на единодушное признание...» и т. д.

И тотчас после московского совещания Савинков сообщает печати, что Корнилов и он вошли с Керенским в соглашение, и в ближайшем будущем появится закон «об упорядочении тыла». А Филоненко об этом достигнутом соглашении сообщает еще откровеннее: «17-го августа было получено известие, что Савинков и я сохраняем свои посты, и что министром-председателем в принципе принята программа, изложенная в докладе, представленном ген. Корниловым, Савинковым и мной во Временное правительство» [1]).

В то же время и ставка, и Временное правительство друж-

---

[1]) Показания Филоненко следственной комиссии. Арх. Окт. революции.

но продолжают проводить в жизнь свою реакционную политику. Так, 9-го августа начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Лукомский разослал циркулярную телеграмму, где требует не допускать стрельбы вверх в качестве угрозы за неисполнение приказа, а стрелять в солдат. «За стрельбу вверх начальников, допустивших ее, привлекать к ответственности, как за неисполнение боевого приказа».

Идет также и мобилизация военных сил в ставке на случай переворота. 12-го августа Корнилов издает приказ о сформировании 4-х полков георгиевских кавалеров в Пскове, Минске, Киеве и Одессе. «Полки объединить в георгиевскую бригаду, ее подчинить непосредственно мне, управление 6-й бригады поместить в Могилеве». В это же время, 7-го августа, Корнилов отдает распоряжение о передвижении к Петрограду 3-го конного корпуса, во главе которого стоял генерал Крымов, и который являлся одной из надежных военных частей заговорщиков [1]).

Лукомский, начальник штаба в ставке и один из активных участников корниловского выступления, но не осведомленный в тот момент о деталях заговора, так описывает свой разговор с Корниловым по поводу вызова 3-го корпуса [2]): «6-го или 7-го августа генерал Романовский [3]) доложил мне, что генерал Корнилов просит меня отдать распоряжение о сосредоточении в районе Невель—Н. Сокольники—Великие Луки 3-го конного корпуса с туземной дивизией (кавалерийской). Выбранный район сосредоточения конницы был очень хорош на случай, если б ее надо было бросить на Петроград или на Москву». Не зная цели сосредоточения этих войск, Лукомский отправился к Корнилову и поставил ему вопрос о доверии к себе. В ответ Корнилов сообщил Лукомскому, что вызов 3-го корпуса и дивизии вызывается тем, что по его сведениям, в конце августа в Петрограде произойдет выступление большевиков [4]).

Далее, по словам Лукомского, он сказал следующее:

1) См. главу II.

2) Лукомский. Воспоминания, т. I, стр. 222, 223, 228.

3) Романовский—ген.-квартирмейстер при ставке.—В. В.

4) Выступление большевиков хотели симулировать тайные петроградские общества. Об этом см. главу VII.

«Я убежден, что слизняки, сидящие в составе Временного правительства, будут сметены, а если чудом Временное правительство останется у власти, то при благосклонном участии таких господ, как Черновы, главари большевиков и Совет Раб. и Солд. Депутатов останутся безнаказанными. Пора с этим покончить. Пора немецких ставленников и шпионов, во главе с Лениным, повесить, а Совет Раб. и Солд. Деп. разогнать, да разогнать так, чтобы он нигде и не собирался. Вы правы. Конный корпус я передвигаю, главным образом, для того, чтобы к концу августа его подтянуть к Петрограду, и если выступление большевиков состоится, то расправиться с предателями родины, как следует. Руководство этой операцией я хочу поручить генералу Крымову. Я убежден, что он не задумается, в случае, если это понадобится, перевешать весь состав Совета Р. и С. Д.».

Лукомский заявил после этого, что пойдет с Корниловым до конца. Войска были вызваны, и к 13 августа в Могилев приехал командир 3-го конного корпуса, генерал Крымов и в своих руках сосредоточил непосредственное руководство войсками, прибывающими в петроградский район.

По словам Лукомского, детали вооруженного выступления корниловцев вырабатывали полковник Лебедев и капитан Роженко.

Полковник Лебедев, состоявший при корниловском штабе для поручений, говорит о войсках, направленных на Петроград, в своих показаниях следующее[1]): «Предполагалось занять Петроград неожиданно силами 3-го конного корпуса, командиром которого был Крымов. Начало движения частей этого корпуса по направлению к Петрограду относится, насколько мне известно, к половине августа сего года. Раньше же этот корпус стоял отчасти на румынском, отчасти на юго-западном фронте. Состоял корпус из 3-х дивизий[2]): Уссурийской (состоявшей из четырех казачьих, или вернее, конных полков), 1-й Донской дивизии (состоящей

---

[1]) Показания Лебедева следств. комиссии. Моск. арх. Октябрьской революции. Д. К., т. XXV, стр. 25.

[2]) 3-й конный корпус с присоединением к нему Кавказской туземной дивизии разворачивался в армию, командовать которой должен был ген. Крымов, а на его место командира 3-го корпуса Корнилов 26 авг. назначил ген. Краснова.

из 3-х донских казачьих полков и одного оренбургского и туземной Кавказской дивизии, которая состояла из 6 полков малого состава. Командующий Уссурийской конной дивизией генерал Губин показывает [1]), что его дивизия действительно прибыла и стояла в Великих Луках до 26 августа, а командир туземной Кавказской дивизии Багратион сообщает [2]), что его дивизия прибыла на ст. «Дно» 23-го августа. Между прочим, последний говорит, что «боевая сила моей дивизии выражалась цифрою 1.350 людей», и переброска ее на север началась 10 и 11-го августа.

Такова была военная подготовка к перевороту Корнилова. Надо полагать, что Керенский о ней знал, рассчитывая только использовать эти войска в своих целях, так как одновременно он принимает энергичные меры для обезоружения Петрограда со стороны революции. Особенной угрозой для правых заговорщиков в Петрограде в то время являлся Кронштадт и его гарнизон. Кронштадт с 13-го мая 1917 г. вынес постановление, что единственною властью в нем является Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Несмотря на все бешенство буржуазии, он все время твердо отстаивал свои позиции, и так как в нем было огромное количество войск, прекрасно вооруженных, то Керенский просто решил ликвидировать Кронштадт, как крепость, якобы из «стратегических соображений». В то время Петроградский военный округ с крепостью Кронштадт подчинялся главнокомандующему войсками Петроградского военного округа, который, в свою очередь, был подчинен военному министру (тогда Керенскому). И вот 7-го августа штаб морского министерства представляет доклад Керенскому, где испрашивает его принципиального согласия на следующее: «1) крепость Кронштадт, как таковую, упразднить; 2) вывести все излишние воинские части с острова Котлина на материк; 3) сформировать Красногорский крепостной район, куда и перенести центральное управление всей тыловой позицией, в том числе и тех фортов Кронштадта, кои будут признаны подлежащими сохранению».

---

1) Там же, стр. 34, 35.

2) Там же, стр. 41, 44.

В докладе указывалось, что все эти мероприятия «были одобрены верховным главнокомандующим генералом Корниловым во время последнего его приезда в Петроград» [1]). Далее, в случае согласия военного министра, доклад предполагал образовать в военном министерстве комиссию, на которую возложить детальную разработку вопросов, связанных с осуществлением изложенных пунктов. На докладе Керенский собственноручно написал: «Согласен. А. Керенский. 8-го августа» [2]). Таким образом, подготовлялась величайшая провокация, которую при этом ее участникам удалось сохранить в тот момент в совершенной тайне.

Что разоружение Кронштадта имело целью обезоружить революционный Петроград, видно из того, что оно подгонялось к концу августа,—к тому времени, когда Керенским и Корниловым, видимо, приурочивался контр-революционный переворот [3]). Действительно, посылая для доклада Корнилову копию постановления Керенского с просьбой отдать срочное распоряжение об упразднении Кронштадта, морской генеральный штаб писал 19-го августа: «В виду *известных вам обстоятельств* [4]), является необходимым немедленно выполнить меры, указанные в пунктах 1-м и 2-м доклада (упразднение крепости и вывод гарнизона на материк). Почему считаю долгом просить вас настоять на незамедлительной отдаче соответствующих распоряжений ставки».

Однако, по свидетельству Керенского [5]), «каждая попытка вывести артиллерию вызывала там, в Кронштадте, прямо ярость толпы». Далее Керенский пишет: «Сдача Риги несколько отрезвила кронштадтцев, и в то время, как Корнилов давал задачу Крымову (в дни корниловского выступления. В. В.), они уже отдавали орудия».

К сожалению, я не имею здесь возможности, за недостат-

---

[1]) Очевидно, 3 августа.—В. В.

[2]) Доклад полностью я привожу в приложении; подлинник доклада с личною надписью Керенского хранится в Петроградск. Ист.-Revол. Архиве.

[3]) См. главу VI о расформировании и выводе из Петрограда 23—25 августа революц. полков.

[4]) Курсив мой.—В. В.

[5]) *Керенский*. Дело Корнилова, стр. 84.

ком места, подробно остановиться на борьбе Кронштадта с попытками Керенского его разоружить. Привожу здесь лишь телеграмму, которой ответила ставка на просьбу морского штаба:

«Телеграмма от Угенкварверха. По 1-му делопроизводству «23» августа 1917 г. Служебные заметки: шифровать. Главкопетр. Копия Военмину, Главкосеву и Наморштаверху. Согласно указаний Военмина крепость Кронштадт должна быть упразднена, и все излишние воинские части с острова Котлина должны быть выведены на материк при чем выполнение этих указаний возложено на меня точка Для выполнения сего предписываю первое немедленно вывести из Кронштадта три крепостных пехотных полка разоружив их и направив для работ по укреплению позиций по указанию Главкосева точка Если бы среди этих полков обнаружилось неподчинение отданному приказанию о разоружении и выводе из Кронштадта приказываю применить оружие и затем рассортировать виновных предать суду а из остальных составить команды которые немедленно отправить для работ как указано выше второе крепость Кронштадт объявить упраздненной и для ее ликвидации составить комиссию из представителей от вашего штаба от ГАУ от штаба крепости и от штаба Комбалтфлота третье в Кронштадте оставить лишь батареи на Рифе форте Обручеве и на южном фарватере четвертое указанные в пункте третьем батареи и укрепления на Ино и на Красной горке включить в состав тыловой морской позиции и подчинить Комбалтфлоту пятое для обслуживания сохраняемых батарей оставить необходимый состав из кронштадтских артиллерийских полков шестое Ликвидационной комиссии выяснить какие части и учреждения не представляется возможным вывести без ущерба для дела седьмое все что может быть выведено из Кронштадта должно быть выведено немедленно восьмое для несения караульной службы назначить один из наиболее твердых полков петроградского гарнизона девятое крепостные управления временно до ликвидации оставить сократив личный состав до пределов строгой необходимости десятое скорейшему исполнению этого приказания придаю особо важ-

ное значение и неисполнение его буду рассматривать как неисполнение боевого приказания одиннадцатое о принятых вами мерах и ходе эвакуации Кронштадта ожидаю донесения точка 3 августа 1917 г.»[1]).

Такова была совместная деятельность по ликвидации революции двух кандидатов в «бонапарты»—Керенского и Корнилова в первые дни августа.

---

[1]) Телеграмма хранится в Петр. Ист.-Револ. Архиве.

ГЛАВА V.

Государственное совещание.

Из предыдущих глав мы видели, что оборонческие партии с.-р. и меньшевиков, попустительствуя всей контр-революционной политике Временного правительства, 21-го июля формально отреклись от какого бы то ни было контроля над ним Советов. Тем самым влияние Советов и В. Ц. И. К. начало быстро падать. Керенский сознательно игнорирует Петроградский Совет и В. Ц. И. К., не появляясь на их заседаниях. Это вызывает тревогу даже среди некоторых меньшевиков. Так, на заседании бюро В. Ц. И. К. 4-го августа Богданов выступает с докладом, где говорит: «Мощь Совета ослабляется. Правительство ведет какую-то непонятную политику, не выполняет принятых на себя обязательств... Юстиция действует односторонне: вся твердость власти применяется к большевикам, а реакционные элементы получают послабление. Освобождают сановников, выпускают провокаторов... Раньше комиссары снабжались двойными мандатами, теперь правительство рассылает своих полномочных комиссаров»...

Церетелли тогда же постарался замять это выступление, заявив: «Политика правительства теперь действительно внушает сильные опасения и связывает нас по рукам и ногам, но всякие агрессивные меры с нашей стороны сейчас чрезвычайно опасны, и единственной нашей задачей должно быть стремление вдохнуть в правительство живые силы и энергию».

Вместе с падающим влиянием Советов растет влияние временного комитета Государственной Думы, и Керенский начинает перед ним заискивать. Так, 12-го июля Временное

правительство постановило в ближайшем будущем созвать в Москве государственное совещание. На другой же день Керенский посетил Родзянко, председателя Государственной Думы, и пригласил Государственную Думу принять в этом совещании участие. В ответ Родзянко указал, что правительство должно до совещания сформироваться, и поставил непременным условием участия Государственной Думы в государственном совещании—участие временного комитета Государственной Думы в формировании этого правительства. И действительно, как мы видели из I главы, формирование Временного правительства произошло при непосредственном участии временного комитета Государственной Думы.

Все буржуазные партии, начиная с кадетов и кончая Пуришкевичем, единодушно выступали на заседаниях временного комитета Государственной Думы, требуя «твердой и сильной власти». Какие настроения царили на этих заседаниях, и какие речи там произносились, видно хотя бы из следующих 2-х заседаний. 18 июля состоялось частное совещание членов Государственной Думы. Присутствуют: Пуришкевич, Балашев, Шидловский, Львов, Милюков, Родичев и другие. Выступает Масленников, он говорит: «Население бездельничает и думает лишь о том, как бы лучше содрать или кого бы обобрать... Наша доблестная армия превратилась в скопище трусов... Благодаря Думе, действительно, совершилась революция, но в этот великий трагический момент истории к революции примазалась кучка сумасшедших фанатиков, проходимцев и предателей, назвавших себя Исполнительным Комитетом С. Р. и С. Д... И я рекомендую: просить председателя вызвать всех членов Государственной Думы не на частное, подпольное где-то заседание, а на настоящее заседание Государственной Думы. Потребовать, чтобы сюда явилось все правительство целиком и доложило о состоянии страны. И тогда уже Государственная Дума укажет этому правительству, что делать, как и кем это правительство пополнить и заменить». Пуришкевич выступает с поддержкой Масленникова. Родзянко заявляет, что разделяет точку зрения говоривших, но находит, что еще психологический момент активного выступления Государственной Думы не наступил, и предлагает пока созвать

расширенное частное совещание Государственной Думы. В духе выступавших ораторов собрание принимает воззвание, которое поддерживает горячо Милюков от имени кадетов.

Второе заседание состоялось 20 августа. На нем выступает по поводу московского совещания с большой речью Пуришкевич и требует: 1) немедленного введения военной диктатуры, 2) ареста Советов, 3) предания суду Временного правительства, 4) назначения повсеместно генерал-губернаторов, 5) сформирования полиции, вместо милиции.

Стенограммы этих и подобных заседаний временного комитета Государственной Думы печатались бесплатно в государственной типографии, в количестве 200 тысяч экземпляров каждое. В этой же типографии с начала революции и до конца августа печатались за государственный счет и брошюры, издаваемые временным комитетом, в числе 200—300 тысяч экземпляров каждая. При этом использован был весь аппарат типографии, ее экспедиция и право на бесплатную внеочередную отправку до 10 пудов в день. Таким образом, временный комитет Государственной Думы был легальным центром контр-революции, который существовал на средства государства. Десятки резолюций со всех концов России, от всевозможных организаций, ежедневно поступавших в газеты, требовали разгона этого черносотенного гнезда, однако, оно не только продолжало существовать в июле—августе 1917 г., но влияние его все усиливалось. Естественно, что временный комитет Государственной Думы поддерживал самую живую связь со всеми правыми организациями, а Родзянко, его председатель, в первых числах августа ходатайствовал перед Калединым о зачислении его в донское казачество. В свою очередь, малый войсковой круг в Донской области постановил войти в блок с кадетами при выборах в Учредительное собрание.

Но как ни старалось Временное правительство гальванизировать Государственную Думу, все же она была политическим мертвецом в глазах даже обывателя. И вот, чтобы создать подобие народного представительства с правым большинством, которое санкционировало бы политику Временного правительства, и в то же время, чтоб окончательно эмансипироваться от какой бы то ни было, хотя бы и персональ-

ной, зависимости от Советов, Временное правительство решило созвать в Москве государственное совещание. Состав этого совещания был определен приблизительно в 2.000 членов. От Исполнительного Комитета Р. и С. Д. приглашалось 100 членов и по стольку же от Совета Крестьянских Депутатов и от фронта. Этим 300 членам противополагались 300 членов Государственной Думы всех четырех созывов. Остальные 400 членов первой тысячи приглашались от городских и земских самоуправлений. Затем 120 членов от торгово-промышленных организаций, 100 от сельскохозяйственных обществ и организаций землевладельцев, 100 от университетов и высших учебных заведений, 150 членов от рабочих профессиональных организаций, 75 от трудовых интеллигентских организаций, 300 членов от кооперативов и 80 от национальных организаций. Срок созыва был назначен 12-го августа.

Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. в резолюции от 8-го августа по поводу государственного совещания писал: «...1) Для закрепления своего влияния и своих позиций контр-революционная буржуазия стремится создать сильный общероссийский центр, объединить свои силы и выступить во всеоружии против пролетариата, против демократии. Этой цели и призвано служить созываемое на 12-е августа московское совещание. 2) Московское совещание, составленное в преобладающем большинстве из представителей таких учреждений свергнутого революцией строя, как царская Государственная Дума, являющаяся гнездом контр-революции, из представителей многочисленных организаций крупнейшей буржуазии, имеет своей задачей подделать общенародное мнение и ввести тем самым широкие массы в обман. В то время, как самим созывом московского совещания организуется центр контр-революционной буржуазии, Советы, солдатские, крестьянские комитеты систематически низводятся до роли простых придатков империалистического механизма. 3) Вследствие этого московское совещание имеет своей задачей санкционировать контр-революционную политику, поддержать затягивание империалистской войны, встать на защиту интересов буржуазии и помещиков, подкрепить своим авторитетом преследование революционных рабочих и крестьян. Та-

ким образом, московское совещание на деле является заговором против революции, против народа».

И еще ярче цель созыва государственного совещания была обрисована в воззвании Ц. К-та (большевиков) от 12-го августа. Воззвание гласит: «Собрать совещание из купцов и промышленников, помещиков и банкиров—членов царской Думы и прирученных уже меньшевиков и эсеров с тем, чтобы, объявив это совещание «общенациональным собором», добиться от него одобрения политики империализма и контр-революции, переложения тягот войны на плечи рабочих и крестьян,—вот где «выход» для контр-революции. Контр-революции нужен свой парламент, свой центр, и она его создает».

Что созыв государственного совещания имел целью организацию общероссийского центра контр-революционной буржуазии, не отрицает и сам Керенский, который созывал это совещание. В своих показаниях он пишет: «Московское совещание вообще—чрезвычайно важный этап в развитии движения за утверждение в России военной диктатуры. Это пролог к 27 августа. Здесь русская республиканская реакция окончательно осознает себя... Здесь производится подсчет сил, здесь объединяются те общественные круги, которые идейно и материально питают это движение. Здесь сильно увеличивается круг активных конспиративных работников, здесь, наконец, впервые был представлен России ее будущий диктатор Корнилов»...

Партия большевиков постановила в день открытия государственного совещания провести в Москве всеобщую стачку. «Социал-Демократ» [1]), призывая к стачке рабочих, писал: «Пусть не работает ни один завод, пусть станет трамвай, пусть погаснет электричество, пусть окруженное тьмой будет заседать собрание мракобесов контр-революции». Однако, от уличных манифестаций партия большевиков решила воздержаться, воззвания ее гласили: «Мы призываем товарищей воздержаться в этот день от уличных демонстраций и митингов... Никаких манифестаций, никаких поводов к тому, чтобы гг. участники совещания могли преждевременно по частям пустить кровь рабочим... Да здравствует всеобщая

---

1) Орган московского Комитета большевиков.

стачка, наше первое грозное предостережение, предостережение пролетариата гг. контр-революционерам и их пособникам!»

Петроградская конференция фабрично-заводских комитетов, районный совет Петроградской стороны, соединенное собрание правлений 41 профсоюза в Москве и проч. присоединились к резолюции Центрального Комитета и звали также от своего имени пролетариат Москвы к забастовке. В то же время по фабрикам началась кампания протеста. И в день открытия совещания «Социал-Демократ» печатает длинные списки фабрик и заводов, вынесших резолюции протеста против государственного совещания. Относительно поведения большевистских делегатов на государственном совещании партией было решено: «Предложить всем товарищам—делегатам на совещании немедленно организовать все революционные элементы вокруг требования последовательной революционной демократии и, огласив декларацию, в которой необходимо разоблачить как контр-революционный характер совещания, так и предательскую политику буржуазных партий и покрывающих их вождей меньшевиков и социал-революционеров, демонстративно покинуть совещание».

Прежде чем выступить на государственном совещании, представители крупнейшей буржуазии и все партии контр-революции решили сговориться на частном совещании. И вот в Москве 8-го августа было созвано «частное совещание общественных деятелей». Номинальным и почетным главой этого совещания был Родзянко, но фактически вдохновляли его и им руководили кадеты. В тесном контакте с этим совещанием была и ставка, и весь генералитет. Керенский по поводу этого совещания пишет [1]): «Совещание общественных деятелей, возглавляемое Родзянкой, было тем центром, где был произведен смотр войскам, где были установлены идейные цели развивающегося движения [2]), и где все окончательно было подготовлено к штурму Временного правительства на всероссийском совещании. У руководителей движения была такая уверенность в успехе, что неко-

1) Керенский. Дело Корнилова, стр. 71.
2) Движение, имевшее целью установление диктатуры.

торые весьма реальные политики решились принять участие в составлении такой резолюции, о которой уже через три дня [1]) им не хотелось больше вспоминать».

Частное совещание общественных деятелей открылось в 2 часа дня 8-го августа. Присутствовало до 300 человек. Доступ на совещание был только по приглашениям. При входе тщательный контроль. Заседания закрытые, и представители печати не допускаются. В числе участников: Рябушинский, Третьяков, ряд руководителей московских и петроградских банков, крупные финансовые деятели. Присутствуют также члены Государственной Думы, с Родзянко во главе, представители партии кадетов: Милюков, Шингарев, Маклаков, Кишкин, Коновалов, а также генералы: Алексеев, Брусилов, Каледин, Юденич и проч. Председателем собрания выбран Родзянко. Первым заслушивается доклад Трубецкого о политическом моменте. В прениях выступают: Бубликов, Гальперин, Велихов, Хвостов, Чаянов, Устинов, Крапоткин, Шидловский, Ильин и друг. В середине прений совещание приветствует депутация союза георгиевских кавалеров, что вызывает бурную овацию. По окончании прений была выбрана комиссия из 35 человек для выработки резолюции совещания.

Вечернее заседание посвящено военным вопросам. Выступали с докладами: Грузинов, Кузьмин-Караваев, Саввич, Брусилов, Каледин. Но центральным пунктом собрания была большая речь Алексеева, которую, по предложению Милюкова, собрание решило опубликовать [2]). Во время вечернего же заседания совещание приветствовала казачья депутация от совета казачьих войск.

На второй день совещания общественных деятелей была принята известная телеграмма ген. Корнилову (см. главу III), где говорится, что «вся мыслящая Россия смотрит на вас с надеждой и верою», и заслушаны доклады об экономическом и финансовом состоянии России. И на третий день принята общеполитическая резолюция. Выдержки из нее: «Доблестная наша армия обессилена полным исчезновением дис-

[1]) После всеобщей стачки московского пролетариата.

[2]) Речь опубликована отдельной брошюрой не была, так как Алексеев повторил ее на государственном совещании.

циплины и подчинения, место которых заняла гибельная зависимость армии от выборных военных организаций, присвоивших себе право решения по всем вопросам военного дела... В стране нет власти, ибо органы на местах исчезли в первые дни революции... В стране нет суда... Народности Российского государства предъявляют требования, далеко превышающие их действительные нужды»... Затем идет призыв к правительству: «Немедля и решительно порвать со служением утопиям... Пусть в войсках будут восстановлены дисциплина и полнота власти командного состава... Пусть центральная власть, единая и сильная, покончит с системою безответственного хозяйничанья коллегиальных учреждений в области государственного управления... Пусть требования отдельных народностей введены будут в законные и справедливые пределы». К резолюции принята поправка о том, что Учредительное собрание должно быть созвано в Москве.

После этого оглашается резолюция по военному вопросу. В ней требуется: «Полная отмена полковых комитетов, уничтожение института комиссаров на фронте, восстановление в его прежнем виде значения корпуса офицеров, пересмотр декларации прав солдата, возвращение начальникам дисциплинарной власти» и т. д. Резолюция передана для переработки, в виду возникших прений. В заключение собрание выбрало постоянное бюро, которое в дальнейшем являлось легальным центром контр-революции. В состав бюро вошли: Бердяев, Белорусов, Голяшкин, Грузинов, Губонин, Евдокимов, Кишкин, Коган, Кузьмин-Караваев, Кутлер, Львов, Лурье, Маклаков, Милюков, Нарожницкий, Новосильцев, Родзянко, Рябушинский, Саввич, Сахаров, Смирнов, Струве, Третьяков, Шаховский, Шидловский, Шингарев, Шульгин и по 2 представителя от земского и городского союзов.

Многие правые круги рассчитывали, очевидно, что на государственном совещании произойдет правительственный переворот. Так, 6-го августа малый войсковой казачий круг на Дону выработал даже наказ своим делегатам на государственное совещание, где требует, «чтобы Временное правительство было или выбрано московским совещанием, или назначено временным комитетом Государственной Думы».

«В это же время,—пишет Керенский,—происходили частые поездки в ставку как представителей различных организаций, так и частных лиц, шли совещания на некоторых московских квартирах и т. д. Одним словом, кое-что подготовлялось более реальное на случай, если уверенность в успехе движения за «сильную власть» оправдается на государственном совещании». Кое-что реальное—это были казачьи части, которые, по приказанию Корнилова, стягивались в это время к Москве и Петрограду.

Командующий в то время Московским военным округом полковник Верховский в своих показаниях следственной комиссии об этих войсках говорит следующее: «Еще в Петрограде Савинков, а потом Лукомский спрашивали меня, не имею ли я чего против расквартирования в Москве одного казачьего полка на время государственного совещания». Верховский ответил, что согласен его расквартировать лишь в Московском округе. Но во время совещания было получено известие «о движении на Москву одного из казачьих полков, который и был мною остановлен в Можайске, а затем отправлен, после совещания, в Каширу».

Таким образом, 7-й Оренбургский казачий полк экстренно был вызван с фронта и направлен в Москву с ведома управляющего военным министерством Савинкова. Керенский, в то время военный министр, в своих показаниях говорит, что полк шел без его ведома. Насколько последнее верно, судить пока трудно, во всяком случае, странно допустить, чтоб министр не знал о подобных распоряжениях, которые давал его же управляющий делами. Вероятнее, что Керенский, интриговавший, чтоб получить диктатуру в свои руки, рассчитывал первоначально использовать этот полк для своих целей на случай выступления рабочих. Об этом же говорит и та специфическая охрана государственного совещания, которую ввел Керенский. Охраняли государственное совещание исключительно юнкерские школы. Вот что писал «Социал-Демократ» в те дни об охране государственного совещания: «Керенский уже дал полк. Верховскому подробную инструкцию об организации охраны гор. Москвы и помещений, где будет происходить совещание. Вот какие героические меры понадобились для того, чтобы заставить страну выслушать

истомившихся молчанием контр-революционеров. Огражденное штыками будет заседать государственное совещание. Дело пролетариата показать, что ни штыками, ни карами ему не заткнуть рта»...

Однако, в дни государственного совещания правые круги взяли определенно курс на Корнилова. Среди юнкеров московских училищ, высшим командованием велась агитация о том, что юнкерам, может-быть, придется пожертвовать своей жизнью, и указывалось на возможность диктатуры Корнилова. Деятельность же «высокого собрания» сопровождалась шумной «внепарламентской работой» реакционеров. Москва была наводнена листками, где давались различные биографические данные о генерале Корнилове, и читатели приглашались «спешить на помощь» своему «вождю». «Республиканский центр», черносотенное общество «За Россию» и прочие «патриоты» выползли на свет божий и монополизировали под свои прокламации чуть ли не все стены домов.

Газета московских большевиков «Социал-Демократ» писала: «Слухи о заговоре генералов и буржуазии против Советов и против некоторых членов Временного правительства настолько определенны и настойчивы, что сомнениям не остается места. «Враги» готовы приступить к решительным действиям».

Все это вызвало тревогу Керенского, и меньшевистский Московский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов был поставлен в известность о предполагаемых выступлениях. Военные власти совместно с Московским Советом, при участии В. Ц. И. К., приняли меры по охране города и учреждений. К этим приготовлениям были привлечены и московские большевики. Перед этим 1½ месяца солдатским массам в Москве было запрещено устройство митингов и собраний, и ораторов-большевиков к ним не пускали. На этот раз некоторые воинские части были приведены в боевую готовность, и Московский Совет на три дня (12—16 августа) разрешил и просил большевиков провести митинги среди солдат против возможного выступления правых.

В эти же дни из Финляндии, по приказанию ставки, а быть-может, и не без ведома Керенского, к Петрограду приближался 1-й кавалерийский корпус князя Долгорукого, состоящий

из 5 кубанских казачьих полков. 14 августа, на заседании В. Ц. И. К. в Петрограде Синани делал доклад о положении в Петрограде. Он говорил, что за последнее время поступали частые сведения о готовящихся выступлениях. Выступление связывали с военной диктатурой Корнилова при содействии союза армии и флота и друг... Все эти сведения за исключением сообщения о самовольно появившихся из Финляндии неизвестно с какою целью 5 кубанских полках,—были слухи, но Временное правительство и военный отдел В. Ц. И. К. приняли все меры предосторожности; была усилена связь с районными советами, усилена охрана Смольного института, обращено исключительное внимание на телеграф, приняты меры против выступления военной лиги, члены В. Ц. И. К. объезжали полки. По их донесениям, тревогу внушают Павловское и Владимирское военные училища и гарнизон Петропавловской крепости. Павловское училище настроено против Совета, комиссары были приняты высокомерно, и преобладает реакционный элемент, при чем именно эта реакционная часть и оказалась сейчас вооруженной. В Петропавловской крепости гарнизон очень слаб (состоит из 2-х рот самокатчиков, совершенно бессознательных)» [1]).

Таким образом, мы видим, что в дни государственного совещания заговорщики, во главе с Корниловым, рассчитывая на пассивность солдатских и рабочих масс, решили произвести контр-революционный переворот. Для них, естественно, чрезвычайно выгодно было бы, если бы в это время часть рабочих выступила с уличной манифестацией, так как это был бы предлог для казачьих частей и юнкерских школ начать кровавую баню. Партия большевиков чрезвычайно верно учла эту опасность, и «Рабочий и Солдат», орган питерских большевиков, обратился с рядом воззваний к пролетариату, призывая его ни в коем случае не устраивать уличных демонстраций и митингов. Однако, номер газеты от 10-го августа, где были эти воззвания, был тотчас провокаторски конфискован Временным правительством.

Однако, надежды контр-революционных заговорщиков на

[1]) Революционный гарнизон был выведен из Петропавловской крепости после июльской демонстрации.

пассивность рабочих потерпели неожиданное разочарование. Пролетариат Москвы ответил всеобщей стачкой в день открытия государственного совещания. Несмотря на то, что Московский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов 364 голосами против 304 вынес решение против однодневной забастовки, рабочие массы пошли за призывом партии большевиков. В день открытия государственного совещания забастовало огромное большинство московских рабочих. Бастовало около 400 тысяч. Трамваи не ходили, фабрики стояли. На заводах шли митинги, где выносились большевистские резолюции протеста против государственного совещания. Во многих резолюциях требовался немедленный разгон совещания. Демонстраций не было. «Пролетарий» [1]), говоря о забастовке рабочих в Москве, язвительно спрашивал оборонцев и других участников совещания: «Что же, опять бежать? Из Петрограда в Москву, а из Москвы куда?»

Демонстрация московских пролетариев была столь внушительна, что пришлось оставить всякую попытку опереться на совещание для провозглашения диктатуры. Между тем, приехавшая на государственное совещание делегация В. Ц. И. К. поспешила келейно расправиться с теми большевиками, которые входили в ее состав. Еще на заседании В. Ц. И. К. 10-го августа была принята инструкция его бюро, которая гласила: «1) члены делегации В. Ц. И. К. не имеют права выступать на совещании ни от своего имени, ни от имени тех или иных фракций, без согласия президиума В. Ц. И. К.; 2) члены делегации В. Ц. И. К. не могут давать никаких подписей под заявлениями на московском совещании тех или иных групп, без согласия президиума В. Ц. И. К.; 3) в делегации В. Ц. И. К. имеют право участвовать только те группы и лица, входящие в состав В. Ц. И. К., какие признают первые 3 пункта; 4) лица и группы, принадлежащие к В. Ц. И. К. и входящие в состав его делегации, нарушившие эти постановления, лишаются немедленно же своих мандатов», и т. д.

Когда делегация В. Ц. И. К. приехала в Москву, ей стало известно, что большевики, члены ее, решили вы-

[1]) Орган петроградских большевиков.

ступить на государственном совещании со своей декларацией и затем, в виде протеста, покинуть заседание. В ответ бюро делегации постановило: лишить их права быть на государственном совещании. Большевики апеллировали ко всей делегации. В своей резолюции фракция большевиков писала: «Мы считаем лишение нас мандатов вопиющим нарушением наших прав, как представителей наиболее активной части пролетариата и как членов В. Ц. И. К. Мы считаем, что если такое решение будет принято и всей делегацией В. Ц. И. К., делегация В. Ц. И. К. превратилась бы из делегации В. Ц. И. К. во фракционное собрание с.-р. и меньшевиков».

В ответ фракция получила за подписью Чхеидзе извещение, что она не может быть допущена на заседания государственного совещания, так как отказывается свое поведение на съезде согласовать с постановлением большинства делегации. Таким образом, большевики на совещание не были допущены и свою декларацию сдали в президиум совещания, но оглашена она не была.

Декларация гласила: «Смертельная опасность грозит делу революции: помещики и буржуазные партии готовят рабочим, солдатам и крестьянской бедноте кровавую расправу, собираются восстановить неограниченное угнетение и насилие над народными массами, целиком вернуть власть себе... Правительство призывает отъявленных контр-революционеров на государственное совещание в Москву, обеспечивает им там подавляющее большинство, собирается окончательно договориться с ними, и открыто опереться на них в дальнейшей своей работе... Московское совещание для контрреволюционных палачей—удобнейшая возможность столковаться, удобнейшая ширма для организации всероссийского контр-революционного заговора... Всеобщая забастовка московского пролетариата выражает мысль и волю всего сознательного пролетариата России, разгадавшего игру контр-революции. Боевому кличу мобилизовавшейся буржуазии рабочий класс противопоставит свой лозунг: пролетарско-крестьянскую революцию»... Под декларацией стояли подписи всех делегатов-большевиков, выбранных разными организациями на государственном совещании, и большевиков, членов делегации В. Ц. И. К.

Государственное совещание открылось 12 августа, в 3 часа дня, речью Керенского. Первая половина его речи была посвящена намекам и предупреждениям в сторону правых заговорщиков и попутно угрозам большевикам. «Временное правительство,—говорил Керенский,—созвало вас сюда, граждане... не для обсуждения программных вопросов и тем паче не для попыток, откуда бы они ни исходили... колебания власти... Пусть знают все, кто раз уже пытался поднять вооруженную руку на власть народную... что эта попытка будет прекращена железом и кровью. Пусть еще больше остерегаются те посягатели, которые думают, что настало время, опираясь на штыки, низвергнуть революционную власть. Те, что боялись и потому молчали, теперь идут с оружием в руках, а другие на своих собраниях осмеливаются произносить против верховной власти государства Российского слова, за которые они, как за оскорбление величества, были бы раньше поставлены за пределы досягаемости. И здесь, в попытках открытого нападения или скрытых заговоров,—здесь предел нашему терпению. И всякий, кто пройдет эту черту, тот встретится с властью, которая в своих репрессиях заставит преступников вспомнить, что было в старину самодержавие. Я... поставлю предел стремлениям использовать великое несчастье русское... и какие бы и кто бы мне ультиматумы ни предъявлял, я сумею его подчинить воле верховной власти и мне, верховному главе ее».

Вторая часть речи содержала в себе изложение корниловской программы, принятой накануне Временным правительством. «Все лучшие силы... торжество русской революции связывали с торжеством нашим на фронте... И говоря об армии... я должен... засвидетельствовать... великую любовь, которую питает Временное правительство к погибающему за родину офицерству. Мы хотим и мы добьемся, чтобы никто не смел считать Российское государство на втором месте среди мировых государств».

«Я, как военный министр, внес во Временное правительство частичное восстановление смертной казни... Все, чем возмущаются нынешние возродители армии, все проведено до меня, помимо меня и их руками... и комиссары, и комитеты, и дисциплинарные суды будут сохранены, но все получит те

формы, которые нужны для армии... Я должен... засвидетельствовать одно: что со времени моего вступления в военное министерство, ни одна мера, которая могла бы разрушить силу армии или авторитет командного состава, не прошла... Вся армия... должна являться образцом дисциплинированности и подчинения младших старшим, а всех—власти верховной»...

За Керенским с докладами от своих министерств выступили: министр внутренних дел Авксентьев, министр торговли и промышленности Прокопович и министр финансов Некрасов. Причем министр внутренних дел «социалист» Авксентьев в тон Керенскому взывал к твердой власти: «Временное правительство... должно во внутреннем строительстве... поставить во главу угла идею государственности, идею порядка... Временное правительство... должно обладать сильной властью».

Затем, заслушав приветствие московского городского головы Руднева (социалиста-революционера и горячего сторонника православной церкви), «высокое собрание» прервало свое заседание.

И вот 13-го августа в Москву приехал герой белогвардейских мечтаний, генерал Корнилов. Приезд его был инсценирован, как приезд высочайшей особы. На вокзале Корнилов был встречен почетным караулом из сборной роты юнкеров, ротой женского батальона, 15-й Оренбургской сотней, неизвестно кем назначенными из комендантск. управления, оркестром музыки, многочисленными делегациями от правых буржуазных организаций и офицерства, осыпан цветами, приветствуемый кликами «ура». Офицеры понесли его на руках к автомобилю. Родичев на вокзале в своем горячем обращении к Корнилову говорил: «Вы теперь символ нашего единства. На вере в вас мы сходимся все, вся Москва. И верим, что во главе обновленной русской армии вы поведете Русь к торжеству над врагом, и что клич «да здравствует генерал Корнилов!»,—теперь клич надежды,—сделается возгласом народного торжества». И закончил: «Спасите Россию, и благодарный народ увенчает вас!..» Миллионерша Морозова упала перед ним на колени [1]). Разъезжал Корни-

[1]) Деникин. Очерки русской смуты, т. 2, стр. 31.

лов по Москве с огромной свитой и, прежде всего, отправился помолиться у Иверской, как это делали обычно высочайшие особы. Кроме лиц «официальных», среди которых любопытно отметить московского городского голову с.-р. Руднева, Корнилова встречали: казачий атаман Каледин, кадет Родичев, Мансырев (правый кадет), Ханенко (крупный промышленник). 13 августа Корнилов обедал с Калединым и принял в своем вагон-салоне: Милюкова, Юренева, двух банковских тузов—королей русского финансового капитала: Вышнеградского и Путилова. Оба представителя банков сделали Корнилову доклад о финансовых затруднениях страны... Из других гостей генерала Корнилова интересно отметить Пуришкевича. Был у кандидата в диктаторы и еще докладчик по иностранным делам, Аладьин, только-что приехавший из-за границы...

О своих переговорах по поводу выступления на государственном совещании сам Корнилов сообщает следующее [1]: «11 августа я получил телеграмму министра почт и телеграфов с приглашением принять участие в совещании. 13 августа я приехал в Москву и тотчас командировал ген. штаба полковника Пронина к министру почт и телеграфов для наведения справки, когда назначено время моего выступления в совещании. По докладу полковника Пронина, Никитин заявил, что речи представителей правительства уже закончились, 14-го будут говорить только представители Думы и общественных организаций, выступления же моего не предвиделось; о дальнейшем мне было предложено лично переговорить с министром-председателем. Вечером 13-го ко мне приехал министр путей сообщения Юренев с заявлением, что, по постановлению Временного правительства, я могу выступить в совещании 14 августа, но могу касаться только стратегического положения на фронте. Вечером я переговорил по телефону с министром-председателем, который заявил мне, что члены правительства уже коснулись в своих речах всех вопросов, касающихся жизни армии, потому выступление мое по тем же вопросам не признается желательным,

---

[1]) Показания Корнилова следственной комиссии, стр. 13. Петрогр. Историко-Революционный Архив.

в особенности нежелательно расхождение по этим вопросам со взглядами правительства. Я доложил, что я не считаю возможным, выступая перед представителями всей страны, ограничиться изложением только сведений о стратегическом положении страны, а считаю безусловно необходимым ознакомить страну с истинным состоянием ее вооруженных сил и указать, что необходимо, чтобы поднять их боеспособность. Я доложил, что не позволю себе никаких резкостей и нападок, поэтому прошу предоставить мне свободу в выборе темы речи. Определенного ответа А. Ф. Керенский мне не дал. 14-го августа я выступил на совещании с речью».

При появлении Корнилова на государственном совещании 14-го августа правая часть залы устраивает ему овацию. Вслед затем появляются члены правительства, во главе с Керенским, меньшевистская часть собрания устраивает им овацию при молчании правой. Первыми на заседании выступают члены Государственной Думы: Набоков, Семенов, Головин и известный клеветник Алексинский. Набоков требует уничтожения Советов, требует от лица Государственной Думы отложить решение земельного вопроса до Учредительного собрания и довести войну до полной победы. Он говорит, что вдохновителем наступления был Керенский, и «этого история ему не забудет»... Здесь зал устраивает Керенскому овацию. «Почетный мир должен быть результатом победы России и ее союзников». Выражает уверенность, что Корнилов приведет Россию к победе. Остальные 3 представителя Государственной Думы так же храбро бренчат оружием и требуют войны и победы.

Затем с речью выступает Корнилов, которому опять правая часть зала устраивает овацию. Он в тоне донесений ставки рисует развал армии. Говорит: «В наследие от старого режима свободная Россия получила армию... эта армия была боеспособной, стойкой и готовой к самопожертвованию. Целым рядом законодательных мер эта армия была превращена в обезумевшую толпу»... и т. д. Требует восстановления «железной дисциплины». О комитетах говорит: «Я не являюсь противником комитетов... но я требую, чтобы деятельность их протекала в круге интересов хозяйственного и внутреннего быта армии, в пределах, которые должны быть

точно указаны законом, без всякого вмешательства в область вопросов оперативных и выборов начальников... Меры, принятые на фронте, должны быть приняты также и в тылу. Разницы между фронтом и тылом относительно суровости необходимого для спасения страны режима не должно быть... нельзя допустить, чтобы порядок в тылу был последствием потери нами Риги, и чтобы порядок на ж. д. был восстановлен ценою уступки противнику Молдавии и Бессарабии».

«Социал-Демократ» о речи Корнилова тогда же писал: «Требование возвращения к старым, ненавистным солдатской массе, порядкам,—таково содержание речи Корнилова... И генерал пугает: если этого не будет сделано, Рига будет сдана, и дорога на Петроград открыта. Что это—предупреждение или угроза? Тарнопольское поражение сделало Корнилова главнокомандующим, сдача Риги может сделать его диктатором. А до восстановления порядка—война: ведь, генерал знает, что лучшим средством успокоения недовольных частей была отправка их на позицию. Теперь он хочет это средство применить ко всей России. Война задушит революцию»...

Керенский же был доволен выступлением Корнилова, он находил, что «по существу директивы Временного правительства от 11-го августа в речи Корнилова были выполнены, и все острые углы, как, например, смертная казнь в в тылу, были обойдены» [1].

Затем, после речей 4-х представителей православного духовенства, с речью выступил Каледин, который предъявил программу действий военной клики, собирающейся стать у власти. Он приветствует «решимость правительства освободиться от давления партийных, классовых организаций» и говорит далее: «Сохранение родины требует, прежде всего, доведения войны до победного конца в полном единении с нашими союзниками... пораженцам не должно быть места в правительстве... Для спасения родины мы намечаем следующие меры: 1) армия должна быть вне политики. Полное запрещение митингов и собраний с партийной борьбой

---

[1]) Керенский. Дело Корнилова, стр. 65.

и распрями; 2) все советы и комитеты должны быть упразднены как в армии, так и в тылу, кроме полковых, ротных, сотницких и батарейных, при строгом ограничении прав и обязанностей в области хозяйственных распорядков; 3) декларация прав должна быть пересмотрена. В дополнении к декларации указаны обязанности. Дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами. Тыл и фронт—единое целое, обеспечивающее боеспособность армии. Все меры, необходимые для укрепления дисциплины на фронте, должны быть применены в тылу; 4) дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены. Вождям армии должна быть предоставлена полная мощь. Расхищению государственной власти центральными и местными комитетами и советами должен быть немедленно и резко поставлен предел. Необходимо принять самые строгие меры к прекращению самочинных действий всевозможных комитетов, нарушающих твердый порядок землепользования... местом созыва Учредительного собрания должна быть Москва»...

Вслед за бравым казачьим генералом выступил Чхеидзе и огласил декларацию «революционной демократии», т.-е. меньшевиков и с.-р. В декларации были сданы ряд существенных позиций по сравнению даже с пресловутой декларацией Временного правительства от 8-го июля. В декларации 8-го июля был пункт о скорейшем достижении мира. В декларации, оглашенной Чхеидзе, об этом не было сказано ни слова. Пункт об урегулировании земельных отношений в декларациях 8-го июля определенно указывал цель такого регулирования—обеспечение перехода земли к крестьянству. В московской декларации этот пункт содержит только упоминание о недопустимости захватов земель. В области финансовых реформ в московской декларации появилось упоминание о налогах на предметы потребления, чего в прежних декларациях не было.

Большевистская резолюция [1]) об этой декларации говорила: «Платформа так-называемой «революционной демократии», оглашенная Чхеидзе на московском совещании, обнаружила

[1]) Оглашенная на заседании Петроградского Совета 21 августа.

ее полное политическое банкротство. Она есть прямой отказ даже от платформы Всероссийского Съезда Советов, формулировавшего требование мира без аннексий и контрибуций. Так-называемая «революционная демократия» пошла на позорные уступки, продиктованные желанием заключить «честный союз» с непримиримыми врагами рабочих и крестьян. От ее имени Церетелли протянул руку [1]) буржуазно-помещичьим партиям, вошел с ними в новую сделку и взял на себя обязательство борьбы с «левой опасностью».

А Милюков по поводу декларации писал [2]): «Платформа 8-го июля была переработана в несомненном расчете на то, что «демократические» элементы «буржуазии» смогут ее принять». Итак, оборонцы и здесь сдали свои позиции контрреволюции. Канторович в «Дне» писал в те дни: «Я не боюсь признать, что демократия на совещании отступила. Отступила в полном порядке, сохранив весь свой боевой аппарат. Но именно потому, что она сильна, она должна была и смелость имела отступить»... «Пролетарий», газета петроградских большевиков, по этому поводу иронизирует: «Для чего нужна демократии сила?—Для отступления. Для чего нужна демократии смелость?—Для отступления»... Но зато декларация вызвала ликование черносотенцев и, захлебываясь от удовольствия, «Новое Время» 17-го августа писало, что «в декларации оборонцев отсутствует та формула, которая так бесконечно нам опротивела за последние месяцы. Еще в апреле нельзя было пройти по городу двух кварталов, чтобы не услыхать разговоров о «без аннексий и контрибуций». Эта формула в буквальном смысле подавляла собой всю русскую жизнь. Никакое выступление Совета Рабочих Депутатов без этих сакраментальных слов не представлялось даже мыслимым. В московской декларации их нет»...

Еще постыднее декларации вел себя на заседании «высокого собрания» Церетелли. В своей первой речи он выступил на защиту демократических организаций. Он говорил: «Нельзя еще убрать эти леса, когда здание свобод-

---

[1]) См. ниже.

[2]) Милюков. История второй русской революции, в. 2, стр. 117.

ной революции («Пролетарий» к этому месту метко добавлял: «Читай: контр-революции») еще не достроено. И во второй речи: «Разложение армии новой власти удалось остановить настолько, что наша революционная армия перешла в наступление». Указывает, что Совет Рабочих и Солдатских Депутатов признал сейчас необходимость существования «независимой власти» и на провозглашенных в декларации основаниях ее поддерживает. «Здесь говорили, чтобы самую основу большевизма признать вредной, но это уже сделано, уже проведен исключительный закон. Я вам говорю, революция была неопытна в борьбе с левой опасностью». (Бурные аплодисменты справа). В награду за свои специфические речи Церетелли был всенародно награжден пожатием руки крупнейшего московского промышленника Бубликова, тем самым наглядно увековечившего союз болтливой мещанской партии оборонцев с контр-революцией.

Затем на этом же заседании, 14-го августа, среди многих выступлений «убежденных монархистов» и им сочувствующих, как Шульгин, Гучков, Маклаков и прочие, а также различных групп, в роде присяжной адвокатуры и георгиевских кавалеров, следует отметить выступление лидера кадетской партии Милюкова.

В своей речи последний говорит: «Своей победой революция обязана... Государственной Думе» (смех слева), что коалиционное правительство совершило ряд капитуляций перед «утопизмом социалистических партий». Особенно долго он останавливается на «циммервальдизме» Временного правительства во внешней политике после его ухода, указывает «на капитуляцию Врем. правительства перед крайними требованиями национальностей. Правительство продолжает колебаться... Доклад верховного главнокомандующего только-что подтвердил недостаточность мероприятий морального воздействия, и мы желали бы, чтобы требования специалистов и знатоков, признающих необходимыми другие меры, указанные верховным главнокомандующим, не служили предметом подозрений и словесных угроз до увольнения, а предметом серьезного и внимательного обсуждения и немедленного исполнения»... Далее он выражает сомнение в том, что Вре-

менное правительство сумеет «восстановить порядок». В заключение Милюков заявляет, что партия кадетов поддержит Керенского, «дальнейшее же зависит от того употребления, какое правительство сделает из этой поддержки»...

Заседание государственного совещания 15 августа было посвящено заслушанию длинного ряда представителей мелких национальностей и мелких групп, в роде еврейского демократического объединения. На нем же выступали и 3 политических покойника: Брешко-Брешковская, Плеханов и Кропоткин. При чем Плеханов призывал, совсем немарксистски, к единению имущих классов с революционной демократией. Обращаясь к меньшевикам и с.-р., он говорил: «Избегайте изоляции от торгово-промышленных классов». Кропоткин же говорил: «Если бы немец победил, последствия этого будут для нас... ужасные!» Из речей правых ораторов следует еще отметить выступление генерала Алексеева,—почетного председателя главного комитета союза офицеров при ставке. Он высказался против приказа № 1, комиссии Поливанова, комитетов, комиссаров и призывал «энергично провести» те меры, которые уже указывал генерал Корнилов.

Заслушав еще ряд ораторов, «высокое собрание» закончилось громким скандальчиком в духе «офицерских нравов». Кто-то из казачьих офицеров обругал во время речи говорившего от казачьей секции Петроградского Совета прапорщика Нагаева «германской маркой». Но после этого патриотического поступка мужество покинуло героя и, спрятавшись за спины своих сотоварищей, других офицеров, он так и не решился назвать своего имени, несмотря на упорные вызовы Керенского. Происшествие доставило большое удовольствие оборонческой части собрания, и на этом инциденте, после нескольких заключительных слов Керенского, государственное совещание закрылось.

На заседании 16 августа центральный комитет партии кадетов обсуждал вопрос о государственном совещании. Большинство участников заседания сошлось на том, что московское совещание дало максимум того, чего можно было ожидать. А «Биржевые Ведомости» писали: «Ближайшим

результатом работ московского совещания... явилась возможность заключить на заграничном рынке 5-миллиардный государственный заем. Заем будет реализован на американском рынке»... Таким образом, на помощь окрепшей после государственного совещания коалиции Керенского—Милюкова—Церетелли шли американские миллиардеры, заинтересованные в том, чтобы, обуздав вконец русскую революцию, тем самым подорвать на Западе растущее революционное движение.

ГЛАВА VI.

Выступление Корнилова.

В дни государственного совещания, по словам Милюкова, «русская общественность разделялась на 2 группы: сторонников решительного оздоровления армии и восстановления ее боеспособности по программе генерала Корнилова и противников его программы. Я знал, что вокруг этого вопроса шла затяжная борьба и среди членов Временного правительства». Об этой же борьбе между двумя методами контр-революции рассказывает и Верховский [1]): «В ставку я приехал 25 августа, в комиссию по сокращению численности армии,— сообщает он.—В ставке тогда я виделся только с Прониным, Сахаровым, Романовским, Лукомским, Корниловым и Филоненко. Разговор со всеми этими лицами, кроме Филоненко, имел приблизительно одну и ту же тему—о восстановлении боеспособности армии. Намечались тогда две линии: постепенные воспитательные меры, подбор комсостава, усиление деятельности организаций и т. д. Этот путь всеми упомянутыми лицами признавался слишком медленным. Вторая линия—это было предложение быстрых и решительных мер, подавление всякого сопротивления силой оружия и т. д. С генералом Лукомским я по поводу этого второго взгляда говорил подробнее и указывал ему, что такими решительными мерами всю Россию покорить нельзя, на что он возражал, что в этом и нет надобности, так как достаточно покорить несколько главных центров. Такой же разговор с Корниловым закончился его вопросом: «Как я отнесусь к диктатуре, если таковую объявит Временное правительство?»

---

[1]) Показания Верховского следственной комиссии.

Таким образом, если ставка была сторонницей «быстроты и натиска», то сторонниками постепенности были Керенский, Савинков и их окружение, к которому принадлежал и Верховский. Так, Станкевич рассказывает, что в конце августа он наезжал в Питер и «видел у него (у Керенского) Кокошкина и Сорокина и ряд других лиц, толкавших в одном и том же направлении—принятия записки Корнилова в качестве правительственной программы. Со Степуном [1]) у меня был весьма интересный разговор. Он доказывал мне, что Керенский слаб, нерешителен; что, вечно колеблясь сам, он только мешает другим. Я же убеждал его в необходимости примирения. Иллюстрируя фактами из жизни фронта, я доказывал, что хотя поворот в сторону сильной власти нужен, но он невозможен вне условий постепенности и осмотрительности; я соглашался с общим направлением политики Савинкова, но при условии, что она будет проводиться под руководством Керенского, который шире, всесторонне воспринимает русскую жизнь и не даст совершить недопустимо крутой поворот, гарантирует против авантюр» [2]).

Однако, сторонники решительного переворота, как мы уже знаем, не ограничивались разговорами. Они составили заговор о захвате власти с целью установления военной диктатуры Корнилова. К моменту государственного совещания заговор настолько созрел и встретил столь сочувственное отношение со стороны всех буржуазных кругов, что только могучее движение московского пролетариата заставило заговорщиков отложить попытку государственного переворота в дни совещания.

После совещания конспиративная деятельность правых заговорщиков пошла усиленным темпом. Об их заговоре знал и Керенский, но интриговал и выжидал, так как заговорщиков поддерживали весьма влиятельные буржуазные круги и партии. Действительно, хотя, по справедливому замечанию Деникина, «в таком деликатном вопросе редко оставляются документальные следы», мы все же имеем достаточно и свидетельств, и документальных следов, показывающих близкую связь

---

[1]) Начальник политического отделения.

[2]) Станкевич. Воспоминания, стр. 220—221.

тайных правых офицерских обществ с партией кадетов и с русской крупнейшей буржуазией. Так, не называя фамилий, Деникин сообщает следующее [1]): «Один человек, чисто-военный (из среды заговорщиков.—В. В), пишет: «Русские общественные круги, в частности кадеты, обещали нам свою полную поддержку. Мы были у Милюкова и Рябушинского. И та, и другая группы обещали поддержку у союзников, в правительстве, печати и деньгами»... Далее тот же Деникин рассказывает [2]), что в дни государственного совещания Корнилов с Алексеевым сговаривались о том, кто из них должен стать во главе переворота в качестве будущего диктатора. В вагоне Корнилова, по словам Деникина, произошел следующий знаменательный разговор между Корниловым и Алексеевым: «Михаил Васильевич [3]), придется опираться на офицерский союз,—дело ваших рук [4]). Становитесь вы во главе, если думаете, что так будет лучше»,—говорил Корнилов. «Нет, Лавр Георгиевич, вам, будучи верховным, это сделать легче».

Таким образом, уже из этого сообщения, помимо тех фактов, о которых я буду говорить ниже, видно, что ген. Алексеев был одним из руководителей и одним из активных участников заговора. Конечно, он был вполне в курсе тех сношений, которые вели с кадетами, промышленниками и с членами Временного правительства заговорщики. И вот 12-го сентября 1917 г., когда выступление Корнилова было подавлено, и сам Корнилов с несколькими ближайшими участниками заговора сидел в тюрьме, генерал Алексеев обращается с письмом к Милюкову [5]). Он пишет: «Многоуважаемый Павел Николаевич... Помощь ваша, других общественных деятелей, всех, кто может что-либо сделать, нужна скорая, энергичная и широкая... Усилия лиц, составляющих правительство, сводятся к тому, чтобы убедить всю Россию, что события 27—31-го августа являются мятежом и авантюрой кучки мятежных генералов и офицеров, стремившихся сверг-

[1]) Деникин. Очерки русской смуты, т. 2, стр. 33.

[2]) Там же, стр. 29.

[3]) М. В. Алексеев.

[4]) Ген. Алексеев был почетным председателем и вдохновителем союза офицеров.—В. В.

[5]) Письмо было перехвачено и впоследствии опубликовано.—В. В.

нуть существующий государственный строй и стать во главе управления... а потому кучка эта подлежит быстрому преданию самому примитивному из судов—суду военно-революционному—и заслуженной смертной казни. В этой быстроте суда и в этих могилах должна быть скрыта вся истина—действительные цели движения, участие в деле членов правительства... Неужели не настало время громко вопиять об этом и разъяснить русскому народу, в чем же заключается дело Корнилова? Думаю, что это долг честной печати. Дело Корнилова не было делом кучки авантюристов. Оно опиралось на сочувствие и помощь широких кругов нашей интеллигенции... Выступление Корнилова не было тайною от членов правительства. Вопрос этот обсуждался с Савинковым, Филоненко и через них—с Керенским... Участие Керенского бесспорно. Почему все эти люди отступили, когда началось движение, почему они отказались от своих слов, я сказать не умею... Участники видимые объявлены авантюристами, изменниками и мятежниками. Участники невидимые или явились вершителями судеб и руководителями следствия, или отстранились от всего, отдав около 30-ти человек на позор, суд и казнь.

«Вы до известной степени знаете, что некоторые круги нашего общества не только знали обо всем, не только сочувствовали идейно, но, как могли, помогали Корнилову... Я не знаю адресов гг. Вышнеградского, Путилова и других. Семьи заключенных офицеров начинают голодать. Для спасения их нужно собрать и дать комитету союза офицеров до 300.000 р. Я настойчиво прошу их притти на помощь. Не бросят они на произвол судьбы и голодные семьи тех, *с которыми они были связаны общностью идеи и подготовки*[1]).

«Нужно сказать, что если честная печать не начнет немедленно энергичного разъяснения дела... тогда генерал Корнилов вынужден будет широко развить перед судом всю подготовку, все переговоры с лицами и кругами, их участие, чтобы показать русскому народу, с кем он шел, какие истинные цели он преследовал, и как в тяжкую минуту он, по-

---

[1]) Курсив мой.—В. В.

кинутый всеми, с малым числом офицеров предстал пред спешным судом».

Мы видим, что письмо не только указывает на кадетов и крупнейших промышленников, как на круги, на которые опирался заговор, но и прямо угрожает их разоблачением, если правительство и кадеты не примут меры по реабилитации Корнилова. Угрозу генералам не пришлось приводить в исполнение, так как эти меры, как мы увидим далее, были энергично приняты Временным правительством, вплоть до выпуска Корнилова с его сообщниками из тюрьмы во время октябрьских событий. Поддержка заговора кадетами и промышленниками заключалась в подстрекательстве, финансировании, поддержке всех шагов заговорщиков путем печати, укрывательства и тому подобного. На баррикады же вместе с корниловцами буржуазия и члены партии кадетов, как таковые, конечно, итти не собирались. Так же относилась к предстоящему выступлению и Государственная Дума. «Председатель ее говорил о бессилии Думы в деле борьбы, но, вместе с тем, и о возможности гальванизировать ее и привлечь к организации власти в случае успеха» [1]).

Отдельные, наиболее горячие заговорщики из господ офицеров, видимо, пытались привлечь к более активному участию буржуазию, привыкшую чужими руками таскать из огня каштаны, в надвигавшихся событиях. Но в этих случаях они встречали отпор и весьма недоверчивое, осторожное отношение. Об одной из таких попыток рассказывает С. И. Шидловский в своих воспоминаниях. «Около этого времени (государственного совещания, В. В.), — говорит он [2]),—группа молодых офицеров из ставки пожелала переговорить совершенно конфиденциально с некоторыми из более видных членов Думы, было устроено совершенно тайно небольшое собрание, на котором офицера заявили, что они уполномочены Корниловым довести до сведения Думы, что на фронте и в ставке все готово для свержения Керенского, и что только нужно согласие Государственной Думы на то, чтобы весь замышляемый переворот велся от ее имени и,

---

1) Деникин. Очерки русской смуты, т. 2, стр. 32.

2) С. И. Шидловский. Воспоминания, ч. 2.

так-сказать, под ее покровительством. Члены Думы отнеслись к этому предложению с большой осторожностью, стали подробно расспрашивать офицерство о том, что организовано да как, и после продолжительного допроса пришли к единогласному заключению, что все это поставлено до такой степени несерьезно, что участия в этом они принимать не могут».

Очевидно, об этом же совещании пишет и Деникин[1]): «8 или 9 августа в Москву к находившемуся там Новосильцеву приехал из ставки капитан Роженко и попросил его собрать общественных деятелей, чтобы поставить их в известность относительно назревавших событий[2]). На квартире видного кадетского лидера состоялось собрание влиятельных членов Думы и политических деятелей. Роженко доложил об общем положении армии, о трениях между генералом Корниловым и Керенским, о возможности смещения Корнилова с поста верховного, чему он решил не подчиниться из патриотических побуждений; говорил о предстоящем восстании большевиков и о подходе к Петрограду конного корпуса, которому предстоит ликвидировать большевиков, советы и, может-быть, выступить против правительства. Доклад своею легкостью произвел на всех тягостное впечатление... Было ясно, что сочувствуют делу все, но никто не верит в успех»... и т. д.

С более серьезными представителями заговора, чем «горячие» гг. офицеры, в роде Роженко, которому, судя по примечанию Деникина, даже Новосильцев, председатель главного комитета союза офицеров при ставке, не доверял, члены Государственной Думы и кадеты вели себя, наверно, гораздо более откровенно. В этом смысле прав Чернов, который пишет[3]): «В таком вопросе, как поддержка заговора, много значит личность того, кто ведет эти переговоры. Достаточно малейшего сомнения в его осторожности или умении держать язык за зубами,—и человек будет встречен

---

[1]) Деникин. Очерки русской смуты, т. 2, стр. 31.

[2]) Новосильцев до сих пор предполагает, что инициатива командировки Роженко исходила не от Корнилова, а от „политического окружения“. (Примеч. Деникина).

[3]) „Воля России“, 1923 г., февраль. Виктор Чернов. „Подполье“ и „надполье“ в подготовке корниловского движения“, стр. 33.

холодно и уйдет с впечатлением, что делу не сочувствуют. В частности, если петербургская промышленная группа «избегала» представителей офицерского союза, то это могло быть просто потому, что она уже помогала заговору через «республиканский центр» и не нуждалась во втором соединительном звене; понятно, что об этой причине своего «воздержания» говорить она не считала нужным».

Во всяком случае, очевидно, что Корнилов с офицерством и военными обществами являлись не случайной и самостоятельной группой, а являлись оружием всей контр-революционной буржуазии. В случае успеха они были бы достаточно вознаграждены, в случае провала связь с ними скрывалась. О том, что толкнуло Корнилова на путь авантюры, Деникин говорит [1]): «Кроме проявления официальных и деловых отношений, сумма впечатлений, утверждавших верховного главнокомандующего в его намерениях, слагалась и другим путем: множество личных разговоров, из которых одни известны, другие станут достоянием гласности, третьи унесены с собою в могилу собеседниками,—разговоров, веденных с ответственными представителями общественных и политических групп или от их имени,—создавало иллюзию широкого, если не народного, то общественного движения, увлекавшего Корнилова роковым образом в центр его». Неудивительно, что люди чувствовали иногда некоторые угрызения совести. «В. Маклаков говорил Новосильцеву: «Передайте генералу Корнилову, что, ведь, мы его провоцируем, а особенно М. [2]). Ведь, Корнилова никто не поддержит, все спрячутся»...

После всего сказанного очень важным является вопрос: знала ли о заговоре Корнилова до его открытого выступления партия большевиков? В целом на вопрос нам придется ответить отрицательно. Партия, почти загнанная в подполье, дружно и беспощадно преследуемая со стороны коалиционного правительства и советского большинства, она, несомненно, не имела фактических данных о заговоре. И, несмотря на это, с конца июля и в начале августа и газета

---

1) Деникин. Очерки русской смуты, т. 2, стр. 33.

2) Очевидно, Милюков.—В. В.

Ц. К. в Петрограде [1]), и «Социал-Демократ», орган московских большевиков, непрестанно твердили о заговоре контр-революции. В блестящих статьях они осмеивали партии оборонцев и предупреждали рабочих о грозящей опасности. Верный марксистский революционный анализ даже тех небольших легальных отзвуков заговора, которые появлялись открыто, позволял большевикам уже в начале августа без ошибки предугадывать надвигающиеся события [2]). В результате мы видим, что еще 17 июля заседание представителей районных советов в Петрограде приняло резолюцию, которая предлагает Исполнительному Комитету «проявить активность и решительность в выяснении ячеек контр-революционной организации и настаивать перед Временным правительством на принятии решительных мер для борьбы с контр-революцией справа». Но бороться с контр-революцией совершенно не входило в виды Временного правительства, и подобные резолюции клались под сукно.

Иногда сами солдатские массы случайно находили следы каких-то таинственных приготовлений. Так, 17 августа, вечером, солдаты 2-го пулеметного полка, расположенного в «Стрельне», узнали, что в одной из квартир, в районе расположения полка, устроен тайный склад оружия. Возбужденные солдаты большой толпой собрались у квартиры. Полковой адъютант, при попытке обыска квартиры, оказал им сопротивление, за что был избит кем-то из присутствующих, после чего толпа произвела обыск. В квартире оказалось оружие разных видов и форм: около 40 ружей русского, японского и немецкого образцов, берданки, винчестеры, шашки, незначительное количество патронов, два легких полутурадюймовых траншейных орудия и некоторое количество снарядов к ним. Крайне взволнованная толпа солдат усмотрела в этом склад оружия, принадлежащего

[1]) „Рабочий и Солдат", была закрыта в августе, вместо нее выходила газета „Пролетарий", тоже закрыта в августе, и вместо нее выходила газета „Рабочий".

[2]) Михаил Степанович Ольминский, бывший в то время членом редакции „Социал-Демократ", сообщил мне, что эта кампания газеты, открыто предупреждавшая рабочих о готовящемся заговоре еще задолго до выступления Корнилова, после этого выступления вызвала в широких рабочих массах горячие симпатии и доверие к газете и партии.—В. В.

контр-революционерам, и намеревалась произвести обыск и в других квартирах, но прибыли члены В. Ц. И. К. и уговорили солдат дальнейших обысков не производить и разойтись по домам. Таким образом, стихийные попытки раскрыть заговор встречали сопротивление и со стороны послушных Временному правительству оборонцев.

* * *

Однако, имущие классы и их непосредственное орудие— ставка вели крупную игру, они не останавливались в эти месяцы ни перед какими видами предательства. К самым грязным страницам последнего относится, несомненно, преступная игра ставки с солдатскими жизнями при прорыве на юго-западном фронте в начале июля и преднамеренная сдача Риги немцам в августе. Прорыв немцами юго-западного фронта 6—7 июля и взятие Тарнополя являются пока-что исторически темным местом. Цензура того времени не пропускала в печать сообщений с мест, и в газетах печатались лишь лживые сообщения ставки, льющие поток обвинений на солдат. Однако, позднее в газетах стали появляться сообщения об этих событиях несколько иного рода.

Так, в середине августа в меньшевистских газетах появилось письмо Центр. Исполн. Комитета румынского фронта к Временному правительству и В. Ц. И. Комитету с протестом против лживых сообщений ставки о фронте. Выдержки из письма: «...События последних недель вынуждают Ц. И. К. возвысить свой голос и обратиться к вам, через ваше посредство ко всей революционной России. Ежедневно в Центральный Исполнительный Комитет прибывают ходоки из действующей армии. Возмущенными и негодующими словами они требуют прекращения этой травли против армии, которая, начиная со времени тарнопольской катастрофы, стала чуть ли не ежедневным явлением в буржуазной печати. Сообщения собственных корреспондентов с фронта ограничиваются лишь указанием на доблесть офицерского состава. Малозначащий отказ роты или какой-либо другой мелкой войсковой части раздувается в печати и превращается в событие угрожающих размеров. Официальные сообщения ставки ограничиваются кратким, ничего не говорящим указанием на происходящие бои на определенном участке фрон-

та и лаконически отмечают лишь, что атаки неприятеля отбиты. В этой системе раздувания мелких эпизодов неудач и умаления, а иногда совершенного замалчивания невероятных подвигов русской армии румынского фронта мы видим тенденциозность, а потому считаем своим долгом через вас, гг. министры и члены Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, протестовать перед всей Россией и требовать самой широкой огласки боевой деятельности русских войск на румынском фронте. Приезжающие к нам товарищи из окопов единодушно свидетельствуют о героических усилиях и невосхвалимой доблести, с которой наши солдаты сражаются на румынском фронте. Целый ряд цифровых данных о потерях подчеркивают колоссальный процент убитых солдат и офицеров. N-я дивизия потеряла три четверти своего состава убитыми и ранеными, X-я дивизия—приблизительно столько же... Члены Румчерода, пробывшие все время последних боев на фронте, приводят множество фактов, подтверждающих данные, сообщаемые корпусными и армейскими комитетами. Наши товарищи, члены В. Ц. И. К. Кукушкин и Лордкипанидзе, вернувшиеся с фронта, в категорической форме заявляют о сверхъестественных усилиях высочайшей доблести, проявляемой солдатами и офицерами в неравной борьбе с «кулаком» Макензена. Нередко роты, сведенные до 50 штыков, стойко защищают позицию роты... Ц. И. К. Румчерода, приводя настоящие сведения, просит принять все зависящие от вас меры, дабы, во-первых, официально перед всей Россией установить доблесть и беззаветную храбрость солдат румынского фронта; во-вторых, прекратить в печати травлю солдат, которые ежедневно тысячами гибнут в ожесточенных боях, защищая революционную Россию; в-третьих, обратить внимание на сообщения из ставки и сообщения из «авторитетных источников», которые, подчеркивая доблесть офицерства, как бы умышленно умаляют преданность солдат делу защиты революции и их высокий героизм, проявляемый в боях»...

И, наконец, 16 августа в эсеровской оборонческой газете «Дело Народа» появились уже и прямые разоблачения... Было напечатано письмо одного из комиссаров юго-западных армий, где он писал о прорыве и сдаче Тарнополя следую-

щее[1]): «...Каждый раз неизменно выяснялось, что сеяли страх, распространяли вздорные сведения о близости, о многочисленности неприятеля, о том, что через час-два на нас выпустят удушливые газы,—только бывшие фараоны... Идут ротами, дорога широкая. И вдруг столбы пыли... Впереди задержка, которой никто объяснить не может... Роты останавливаются. Навстречу летят автомобили, гудят, и вот они уже совсем близко, и крики: «Назад!.. назад!.. Австрийцы!» Кто кричит, кто в автомобилях, не разглядеть,—так несутся... И готово. Еще никто не сообразил, где австрийцы, кто предупреждает, а уже прут обратно... Не успели опомниться, — второй автомобиль. Опять крики: «Австрийцы! Австрийцы! Позиции сданы! Газы! Скорей, скорей назад! Назад!..» И бегут... Около двадцати таких автомобилей мы насчитали без номеров. Семь поймали, и, конечно, оказались в них совершенно чужие нашим полкам, посторонние люди»...

Тов. Ленин тогда же писал по поводу этих разоблачений[2]): «В июле этого года русские войска очистили Тарнополь и Черновицы. Наймиты буржуазной печати в один голос обвиняли в этом солдат и нашу партию. И что же? Выясняется, что отступление было спровоцировано, что измена была разыграна, как по нотам, по заранее обдуманному, рассчитанному плану. При чем определенно указывают на некоторых генералов, организовавших автомобили, шнырявшие по армии и приказывавшие солдатам отступать. Кто решится сказать, что контр-революционеры—краснобаи, не ведающие, что творят?!» и т. д.

Однако, если картина предательства со стороны ставки при прорыве на юго-западном фронте еще мало освещена, то преднамеренная сдача Риги Корниловым уже теперь не вызывает никаких сомнений.

«21-го августа, — гласит правительственное сообщение,— ночью наши войска оставили Ригу; в 10 часов утра в город вступили немцы». Официальные донесения из ставки в этот день и бюллетени верховного главнокомандующего о сдаче Ри-

[1]) Тарнополь—первоклассная база на юго-западном фронте, с громадным количеством запасенных в ней тогда снарядов и продовольствия, стоимостью до 3-х миллиардов.—В. В.

[2]) Статья „Полоса провокации", „Пролетарий" от 22 августа 1917 г.

ги изображали последние бои там, как паническое и беспорядочное бегство всей русской армии, как продолжение июльских событий под Тарнополем, и лили привычные потоки грязи на солдат. И в этот же день, по недосмотру цензуры, в «Известиях» и других газетах появилось следующее донесение помощника комиссара при главнокомандующем армиями северного фронта, члена В. Ц. И. К. меньшевика-оборонца Войтинского: «19-го августа, под прикрытием ураганного огня, противнику удалось переправиться на правый берег Двины. Наши орудия не могли помешать переправе, так как большая часть орудий, прикрывающих район переправы была подбита противником. Наш плацдарм засыпан снарядами, бомбами с удушливым газом. Войска принуждены были отступить на 5 верст от Двины, на фронте протяжением 10 верст. Для восстановления положения Двины двинуты свежие войска. Перед лицом всей России свидетельствую, что в этой неудаче нашей армии не было позора. Войска честно исполняли все приказания командного состава, переходя местами в штыковые атаки и идя навстречу верной смерти. Случаев бегства и предательства войсковых частей не было. Представители армейских комитетов со мной в районе боев».

На другой день тоже успели проскочить в печать донесения Войтинского, который писал: «...Наши части отходят с боем, будучи не в состоянии удержаться долго на позициях. Нет ни бегства, ни отказа от исполнений приказа», и сообщение председателя армейского комитета Кучина, писавшего: «Принимаются все меры к ликвидации перехода немцев через Двину. Настроение солдат удивительное. По свидетельству членов комитета и офицеров, стойкость такая, какой не было никогда раньше. Армейский комитет работает по всему фронту и в центре в полном контакте с командиром».

Донесения Войтинского и Кучина с места боев были неожиданностью для Временного правительства, они противоречили донесениям ставки, и правительство тотчас наложило на них в дальнейшем цензурный запрет. А в том, что оно прозевало появление в печати опубликованных донесений, оно сочло нужным извиниться перед союзными державами и 23-го августа послало следующую секретную те-

леграмму от министра иностранных дел послам в Париже, Лондоне, Вашингтоне, Токио и посланнику в Стокгольме [1]):

«Петроград, 23 августа 1917 г., № 3972. Потеря Риги не явилась неожиданностью, и о возможности ее предупреждал на московском совещании генерал Корнилов... Относительно поведения наших войск сведения противоречивы. Представители войсковых комитетов и комиссары всячески подчеркивают доблесть войск, левая печать начала кампанию против верховного командования, якобы намеренно преувеличивающего дезорганизацию войск, с целью оправдания суровых мер при водворении дисциплины... Правительство примет меры, чтобы устранить впредь такое вредное расхождение сообщений»...

Станкевич же сообщает в своих воспоминаниях [2]), что «Корнилов заявил на собрании бывших тогда в ставке представителей комитетов, что предает суду Войтинского и Парского за то, что те не дают правильной картины о положении в армии, т.-е. не взваливают вину на солдат...» и еще по поводу этих сообщений [3]): «Но, ведь, мне даже в штабе армии, где были лица, заведомо ищущие возможности свалить вину на солдат, не могли сообщить ни одного конкретного факта неисполнения не только боевого, но вообще какого бы то ни было приказа».

«Падение Риги,—пишет Станкевич [4]),—вообще было весьма замечательным фактом, совершенно еще не выясненным в военной литературе. О предполагаемом наступлении противника я слышал с первого дня моего приезда на фронт: и главнокомандующий, и командующий армией, и в комитете, все постоянно об этом говорили». И, однако, еще за месяц перед падением Риги, от «ворот в Ригу»—Икскюльского предмостного укрепления, загораживавшего немцам тот путь, по которому они сделали прорыв фронта у Риги, по приказанию Корнилова были оттянуты войска. Далее и сам Станкевич, заподозреть которого во враждебном отношении к верховному

---

1) Опубликована „Правдой“ от 17/30 ноября 1917 г., № 132.

2) Станкевич. Воспоминания, стр. 212 и 207.

3) Там же, стр. 207.

4) Там же, стр. 202.

командованию, с которым он шел все время нога в ногу, никак нельзя, пишет [1]): «Кроме того, были своеобразные «заскоки»—встретили, напр., свеженькую дивизию с новыми винтовками... Но оказалось, что винтовки японские, и дивизия не обучена пользоваться ими, да и патронов не было соответствующих». И далее: «Решающим моментом нашей неудачи штаб армии и командир 43-го корпуса считали то, что дивизия, стоявшая налево от места переправы немцев, не двинулась своевременно в атаку. Дивизией командовал генерал Скалон». Однако, впоследствии Станкевич получил письменный материал, «недвусмысленно указывавший на то, что в критическую минуту генерал Скалон, имея приказ командира корпуса начать наступление, не сделал этого» [2]).

Тов. Ленин тогда же писал [3]): «Еще в марте говорили о плане некоих генералов сдать Ригу, при чем это не удалось им сделать по «независящим обстоятельствам».

«Теперь дошла очередь до Риги. Телеграф принес известие о сдаче Риги. Наймиты буржуазной печати принялись травить солдат, якобы бегущих в беспорядке. Контр-революционная ставка поет в один голос с «Вечерним Временем», стараясь взвалить вину на революционных солдат.

«А между тем, телеграммы Войтинского, помощника комиссара под Ригою, не оставляют сомнения в том, что на солдат клевещут...

«А ставка все говорит о бегстве полков, клевеща на солдат.

«А буржуазная печать все продолжает петь об «измене» на фронте.

«Не ясно ли, что контр-революционные генералы и буржуазная печать, клевеща на солдат, исполняют какой-то план? Не ясно ли, что этот план, как две капли воды, похож на другой план, разыгранный у Тарнополя и Черновиц?»

Действительно, этот план был, как две капли воды, похож на ту кампанию, которую буржуазия через печать подняла в июле, и которая помогла им провести смертную казнь и

---

1) Станкевич. Воспоминания, стр. 206.

2) Там же, стр. 211.

3) „Полоса провокации". „Пролетарий" от 22 августа 1917 г.

другие репрессии. Газеты всех сортов, начиная от самых черносотенных и поповских и кончая «либеральными», подняли теперь вой вокруг сдачи Риги, клевеща на солдат и требуя репрессий.

Какова была эта кампания, видно из следующей резолюции, принятой на заседании рабочей секции Петроградского С. Р. и С. Д. 23 августа по вопросу о прессе: «Рабочая секция С. Р. и С. Д., обсудив вопрос эсеров о контр-революционной прессе, считает необходимым обратить внимание В. Ц. И. К. и П. И. К. на нижеследующее: 1) что за последнее время из ставки верховного главнокомандующего продолжают усиленно распространяться лживые и клеветнические сообщения о бегстве наших войск, на деле геройски умирающих, на рижском фронте; 2) что точно такие же сведения распространяются и некоторыми чинами генерального штаба; 3) что вся буржуазная пресса, в особенности «Русь» и «Живое Слово», ведут систематическую, беззастенчивую, преступную травлю нашей армии; 4) что последнее поражение снова использовывается контр-революцией с целью нанести удар революционным завоеваниям солдат и рабочего класса. Исходя из всего вышеизложенного, рабочая секция предлагает В. Ц. И. К. и П. И. К. принять необходимые меры для ограждения умирающей на полях сражения армии от похода контр-революции и ее прессы».

Одновременно Корнилов стал требовать у Керенского проведения в жизнь своей докладной записки от 10 августа, со смертной казнью в тылу и милитаризацией железных дорог и заводов, требовать введения военного положения, передачи всех войск С.-Петербургского округа в распоряжение верховного главнокомандующего, и т. д. «Еще в Москве,—пишет Милюков [1],—Корнилов указал в своей речи тот момент, дальше которого он не хотел отлагать решительные шаги для спасения страны от гибели и армии от развала». Этим моментом было предсказанное им падение Риги. Этот факт, по его мнению, должен был вызвать такой же прилив патриотического возбуждения, как тот, который был налицо, но прошел не использованным для внутренней политики после

[1]) Милюков. История второй русской революции, т. I, в. 2, стр. 17.

краха русского наступления в начале июля [1]). Теперь, как Корнилов лично мне говорил при свидании в Москве 13-го августа, он этого случая пропускать не хотел, и момент открытого конфликта с правительством Керенского представлялся в его уме уже совершенно определившимся, вплоть до заранее намеченной даты,—27 августа».

А 25 августа Корнилов при личном свидании со Львовым открыто говорил ему: «Передайте Керенскому, что Рига взята вследствие того, что мои предположения, представленные Временному правительству, до сих пор им не утверждены. Взятие Риги вызывает негодование всей армии. Дальше медлить нельзя. Необходимо, чтобы полковые комитеты не имели права вмешиваться в распоряжения военного начальства, чтобы Петроград был введен в сферу военных действий и подчинен военным законам, а все фронтовые и тыловые части были подчинены верховному главнокомандующему», и т. д.

Приведенные заявления достаточно ясно показывают, что Рига была сдана преднамеренно. Еще определеннее говорит об этом опубликованная большевиками [2]) среди секретной переписки министерства иностранных дел Керенского следующая телеграмма: «(Перевод с итальянского). Барон Фашиатти барону Соннино в Риме. Яссы, 22 августа (4-го сентября) 1917 г. Диаманди телеграфировал Братиану из ставки, где он теперь находится, пользуясь прямым проводом между ставкой и русским командованием в Румынии, чтобы передать ему разговор с ген. Корниловым. Генерал ему сказал, что не нужно придавать большого значения взятию Риги. Генерал прибавил, что войска оставили Ригу по его приказанию и отступили потому, что он предпочитал потерю территории потере армии. Генерал Корнилов рассчитывает также на впечатление, которое взятие Риги произведет в общественном мнении, в целях немедленного восстановления дисциплины в русской армии».

---

1) Здесь мы имеем достаточно циничное признание самого Милюкова, что „крахи на фронте“ входили в план контр-революционеров, а также и то, как они их намеревались использовать.—В. В.

2) „Правда“ № 203, 1917 г.

«Правда» писала тогда об этой телеграмме: «Документ, который мы печатаем, подтверждает чудовищную провокацию Корниловых и Милюковых на фронте. Они сдали Ригу, они расстреливали солдат немецкими пулеметами [1]), чтобы добиться повсеместного распространения смертной казни. Программа Корнилова и кадетов—это программа предательства, измены, палачества, неслыханного лицемерия и провокации. Вот истинная физиономия врагов народа!».

Надо предположить, что преднамеренная сдача Риги делалась не без ведома и Временного правительства, в особенности его руководящей группы, в лице Керенского, Терещенко, Некрасова, ибо иначе трудно было бы понять то чувство удовлетворения, с которым Терещенко сообщал об этом союзным послам в приводимой ниже телеграмме [2]). Тем более, что и цели сдачи Риги оцениваются им в ней совершенно одинаково с Корниловым.

Телеграмма Терещенко послам в Париже, Лондоне, Вашингтоне, Токие и Стокгольме (после взятия Риги):

«Взятие Риги произвело громадное впечатление в стране и значительно усилило наблюдавшийся ранее процесс отрезвления. Вопрос о боеспособности армии волнует всех, и можно наблюдать в демократических организациях поворот в сторону патриотизма и сознания надвигающейся опасности. Доказательством этого является последнее заседание С. Р. Д. и организаций петроградского гарнизона [3]). Направление правительства, в связи с опасностью продвижения германцев, получает еще больше определенности и силы... В отношении военной программы совместная работа военного министерства и ставки вполне налажена... Цель правительства Керенского—прекратить во что бы то ни стало то фактическое состояние перемирия, которое весной позволяло переброску войск неприятеля с нашего фронта на французский фронт,—вполне достигнута... Здесь нет ни в правительстве,

---

[1]) Надо заметить, что у Риги было тогда особенно много латышских полков, сплошь большевистских и поэтому особенно ненавистных буржуазии.—В. В.

[2]) Опубликована Советским правительством в № 186 „Правды“, 1917 г.

[3]) Здесь, очевидно, имеется в виду заседание представителей петроградского гарнизона от 23 августа, на котором они согласились на вывод из Петрограда всех революционных войск.—В. В.

ни в ответственных кругах, не исключая демократически настроенных, никаких сомнений и колебаний относительно будущего направления нашей политики в смысле продолжения всеми средствами войны в полном согласии с союзниками. Терещенко».

В ответ на эту телеграмму Керенский получил от союзников следующее сообщение: «Секретная телеграмма поверенного в делах в Париже. 23 августа (5 сентября) 1917 г., № 889. Срочная. Сватиков просит передать министру-председателю и министру иностранных дел: «Считаю долгом донести Временному правительству, что на прощальной моей аудиенции у президента республики Пуанкаре был очень взволнован взятием Риги... Он сказал: «Мы от души желаем Керенскому в его энергичных усилиях восстановить порядок — военный и административный — самыми крутыми мерами»...

В связи с тайной провокаторской деятельностью правых организаций надо считать и ряд пожаров, происшедших один за другим в те самые дни, когда заговорщики работали по сдаче Риги, высылке из Петрограда революционных войск и подвозу туда казаков. Пожары начались 11 августа, когда на Малой Охте, в Петрограде, в течение 3-х часов пламя уничтожило 4 завода с громадными запасами снарядов до тла. Снаряды, погибшие при пожаре, стоили 1.000.000 руб. Материалов для изготовления снарядов погибло свыше, чем на 300.000 руб. Сгорели заготовленные дрова, стоимостью около 150 тыс., здания заводов. «Случайно ли произошел взрыв, или это было умышленно,—пишут газеты,—не выяснено». Рабочие и пожарные, по словам главнокомандующего, проявили необычайный героизм при тушении пожара.

14 августа в Казани сгорели пороховой завод и склады; пожар сопровождался взрывами, пожар и взрывы продолжались до 15 и 16 августа. (Корнилов в своем воззвании к казакам от 28 августа пишет, что в Казани во время пожаров взорвалось около миллиона артиллерийских снарядов и погибло 12 тысяч пулеметов). 16 августа в Петрограде сгорел завод Вестингаузен, изготовлявший шрапнели и снаряды, а также тормозы «Вестингауза». Убытки были огромны. По мнению членов завкома, имеются признаки поджога. Из

провинции поступали такие же сведения. А 18 августа в Москве пылала Прохоровская мануфактура.

Корниловцы, устраивая пожары, видимо, надеялись демонстрировать анархию в стране и использовать их так же, как Ригу, но только для введения репрессий в сторону рабочих. В этом смысле пожары использовал Корнилов и в своем первом мятежном против Керенского воззвании, и в своих показаниях следственной комиссии. Рига и пожары—это две причины, которые, по его словам, толкнули его на выступление. При чем в своих показаниях он пугает, что им «были получены сведения о покушении на уничтожение наших заводов в Одессе и готовящихся покушениях на другие наши заводы и фабрики, работающие на оборону»...

В дни корниловского выступления «Петербургское Телеграфное Агентство» писало всем, всем: «Несомненно, что мятежники имели намерения провоцировать в Петрограде беспорядки, между прочим, даже и путем пожаров. Пожары заводов стоят в связи с мятежным заговором».

План захвата власти у правых заговорщиков был таков. Часть корниловцев, членов тайных обществ, должны были инсценировать в Петрограде 27 августа мнимое выступление большевиков. Другая часть заговорщиков, с подготовленными офицерскими дружинами и юнкерскими училищами, вмешаться вооруженною силою и, действуя совместно с пришедшей в Петроград кавалерией и должным подойти к моменту выступления корпусом ген. Крымова, захватить власть. Предполагалось арестовать часть членов Врем. правительства, Советы, разгромить рабочие организации и большевиков, произвести казни и проч. Для этой цели еще задолго до выступления в Петрограде была организована корниловская контр-разведка, во главе которой стоял полковник Гейман. Город им был разбит на 8 участков, и в каждом участке был свой начальник. Задача контр-разведки была узнавать настроение рабочих. Винберг (монархист, активный участник заговора) пишет [1]): «Еще до появления

---

[1]) Винберг. В плену у „обезьян", стр. 98—108.

Крымова приехал в Петроград полковник ген. штаба Сидорин, как представитель Корнилова в «республиканском центре», при чем он... должен был руководить выступлениями офицеров в Петрограде, согласованными с действиями подходящих к столице войск Крымова... Решительный день должен был наступить тогда, когда корпус ген. Крымова... подойдет к Петрограду. К этому времени находившиеся в Петрограде офицеры-заговорщики, заранее распределенные по группам, должны были каждой группой исполнить заранее намеченную задачу: захват броневых автомобилей, арест Временного правительства, аресты и казни наиболее видных и влиятельных членов Совета и т. п.».

Деникин о приготовлении к выступлению свидетельствует [1]): «В половине августа при посредстве членов офицерского союза началась тайная переброска офицеров из армии в Петроград; одни направлялись туда непосредственно по двум конспиративным адресам, другие—через ставку, имея официальным назначением обучение бомбометанию... Тогда же, на секретном заседании в Могилеве, под председательством Крымова, выяснялся вопрос о вооруженном занятии Петрограда, составлялся план и распределялись роли между участниками. Полковник С. [2]) уверенно заявил, что у него решительно все готово... Киевской организации было указано по частям перебрасываться в Петроград, куда должны были собираться и могилевские «бомбометатели». По отношению ко всем им С. также успокоил совещание. Впоследствии оказалось, что для приезжающих не было ни указаний, ни квартир, ни достаточных средств».

В архивах следственной комиссии по делу Корнилова имеются несколько десятков опросов пойманных «бомбометателей». Из их показаний видно, что за несколько дней до выступления Корнилова, из ставки, по распоряжению Лукомского, были посланы во все полки требования о присылке офицеров в ставку для изучения последних способов «бомбометания». По словам капитана генерального штаба Роженко, принимавшего приезжающих в ставку «бомбомета-

---

[1]) Деникин. Очерки русской смуты, т. 2, стр. 41.

[2]) Дю-Симетьер или Сидорин.—В. В.

телей», было вызвано из полков разных фронтов в Петроград под разными предлогами более 3-х тысяч офицеров. Приезжавшим в ставку офицерам пояснялось, что бомбометание—это фикция, а они должны немедля отправляться в Петроград, где подготовляется разгром большевиков, разгон Советов и арест некоторых членов Временного правительства. Роженко и Пронин[1]), принимавшие офицеров, прибавляли при этом, что офицера посылаются в Петроград по обоюдному соглашению Корнилова с Керенским. Офицерам, командируемым в Петроград, предлагалось держать свою командировку в секрете и являться по прибытии не в штаб округа и не к коменданту, а по частным адресам. Адреса были даны на генерала Федорова, полковника Сидорина, хорунжего Кравченко, полковника дю-Симетьера, на начальника управления воздушного флота полковника Яковлева и на союз георгиевских кавалеров. Другим офицерам говорили, что их встретят на вокзале. Между прочим, одна партия офицеров в 40 человек, получившая в свое распоряжение целый вагон, приехала 27 августа, уже во время начавшегося выступления Корнилова, и не найдя никого по указанным адресам, отправилась к полковнику Яковлеву, прося его указать ночлег. Так как у них не было соответствующих удостоверений для гостиниц, то, по словам приехавших, Яковлев предложил им переночевать в домах терпимости, что последние и сделали и наутро, не получив дальнейших указаний, отправились во-свояси. Таким образом, мы видим, что жалобы Деникина на неустройства, были справедливы.

День выступления—27-е августа был выбран потому, что он совпадал с полугодовщиной революции, и заговорщики рассчитывали, что в этот день будут какие-нибудь рабочие демонстрации, что облегчило бы им вызов нужных беспорядков. Тесную связь с подготовлявшимся выступлением кадетской партии показывает, между прочим, то, что, начиная с 19 августа, «Русское Слово», «Русские Ведомости», «Речь» и ряд других кадетских и более правых газет непрерывно твердят о назначенном на 27 августа большевиками выступлении. Поведение же буржуазных газет в день

[1]) Тов. председателя главного комитета союза офицеров.

27 августа было таково, что «Рабочий»[1]) писал: «Особенно показательны буржуазные газеты от 27 августа. Господа контр-революционеры прямо жаждут, прямо призывают «беспорядки», они прямо взыскуют мятежа. Они разжигают страсти до последней степени... Опять в городе появляются таинственные автомобили, опять возникают случаи стрельбы с чердаков»...

Непрерывные заявления и предупреждения в печати о якобы готовящемся выступлении большевиков носили столь провокационный характер, что Исп. Ком. Совета Р. и С. Д., петроградский совет профсоюзов и центральный совет фабрично-заводских комитетов выпустили 26-го августа следующее воззвание: «Товарищи и граждане, по городу распространяются слухи, что готовятся какие-то демонстрации. Говорят, что на 27-е августа назначено выступление рабочих на улицу. В контр-революционных газетах пишут о готовящейся на 28-е августа резне. На заводы являются люди в солдатской форме и призывают рабочих к вооруженным выступлениям. Мы, представители рабочих и солдатских организаций, заявляем: эти слухи распускают провокаторы и враги революции. Они желают вызвать массы солдат и рабочих на улицу и в море крови потопить революцию. Мы заявляем: ни одна политическая партия рабочего класса и демократии не призывает ни к каким выступлениям. Пролетарии и гарнизон Петрограда не поддадутся провокации и сумеют достойно ответить на призыв контр-революции». «Рабочий», орган Ц. К. большевиков, сделал 26-го августа следующее заявление: «Темными личностями распускаются слухи о готовящемся выступлении и ведется провокационная агитация, якобы от имени нашей партии. Ц. К. призывает рабочих и солдат не поддаваться на провокационный призыв к выступлению и сохранить полную выдержку и спокойствие».

Люди в «солдатской форме», призывавшие рабочих на улицу 27-го августа, были членами тайных военных обществ—корниловцами.

В. Н. Львов сообщил Милюкову, что у него произошел

---

[1]) Орган Ц. К. большевиков.

в Оренбурге с Дутовым в январе 1918 года следующий разговор. Львов спросил у Дутова: что должно было случиться 28-го августа 1917 года? Дутов ответил мне буквально следующее: «Между 28-м августа и 2-м сентября под видом большевиков должен был выступить я» [1]).

Тут мы забежим несколько вперед и посмотрим, что получилось у заговорщиков. Мы увидим, что Корнилов осуществил свои намерения: третий корпус к 27-му августа был около Петрограда. Однако, заговорщики не выступили. Винберг в своих воспоминаниях объясняет неудачу так [2]): «Несмотря на неумелость в ведении заговора,—говорит он,—на многие неблагоприятные обстоятельства, сыгравшие роковую роль, заговор до последнего момента мог бы увенчаться успехом, если бы не трусость и нечестность петроградских руководителей... Все в те первые два дня приближения корпуса Крымова (очевидно, 27-го и 28-го августа) было подготовлено так, что можно было без большого риска начать действовать. Но Гейман самую решительную ночь провел в «Вилла-Родэ», а Сидорин и дю-Симетьер именно тогда, когда от них все ждали решительного сигнала, последних распоряжений,—исчезли бесследно, и нигде их нельзя было найти» [3]).

Деникин тоже жалуется: «Руководители организации в Петрограде устраивали непрестанные заседания, но так как местом для них избирались обыкновенно наиболее посещаемые рестораны («Аквариум» и «Вилла-Родэ»), то эти заседания мало-по-малу утрачивали деловой характер, обращаясь в товарищеские пирушки». Дутов говорил: «Я бегал в «Экономический клуб» [4]) звать выйти на улицу, да за мною никто не пошел».

Далее Винберг пишет, что предназначенные на организацию суммы, были некоторыми крупными участниками дела попросту присвоены или прокучены. «В. Н. Львов по поводу этой подробности вспомнил в мае 1921 г. в беседе

---

1) Милюков. История второй русской революции, т. I, в. 2, стр. 171.

2) „В плену у обезьян", стр. 104—107.

3) Как оказалось, кто-то из них,—Деникин не называет его фамилии, а пишет просто „С",—скрылся в Финляндию, похитив около полутораста тысяч.—В. В.

4) Одни из тайных обществ, см. главу III.

со мной,—пишет Милюков[1]),—про один эпизод, рассказанный ему лицом, участвовавшим в передаче денег офицерским организациям. Лицо это должно было передать офицерам очень значительную сумму. Но, приехав в назначенное место, оно застало «заговорщиков» в таком состоянии опьянения, что передать им денег не решилось». Как видим, чистотой нравов заговорщики не отличались.

Однако, Керенский со своей стороны сделал все возможное, чтобы облегчить им осуществление их черного дела. Так, 24 августа постановлением министров военного и внутренних дел закрыт «Пролетарий», орган Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (большевиков). Выпущенный вместо него «Рабочий» пишет (26 августа):

«Мы хотим отметить одно странное совпадение. Каждый раз наши газеты закрывают в одном определенном случае, когда они призывают рабочих не поддаваться на провокацию. «Правда» была закрыта, когда она, после июльских дней, призывала рабочих и солдат к прекращению демонстрации. «Рабочий и Солдат» был закрыт, когда в статье: «Что будут делать питерские рабочие в день 12 августа?», призывал не устраивать в этот день уличных выступлений. И, наконец, «Пролетарий» закрыт на другой день после того, как в связи с прорывом рижского фронта он призывал рабочих и солдат к выдержке и спокойствию[2]). Что же это значит? Чья рука так заботливо не дает рабочим знать, что партия предостерегает их от провокации? Чья же эта провокаторская рука?».

24-го августа, по приказанию Керенского, были выведены из Петрограда 4 самых революционных полка[3]). 25-го августа правительство Керенского имело наглость потребовать от солдатской секции Петроградского Совета одобрения этой меры и разрешения на вывод еще оставшихся в городе

---

[1]) Милюков. Ист. вт. русск. рев., т. 2, в. 2, стр. 259.

[2]) О планах корниловцев газета не знала.

[3]) Состав войск в Петрограде на заседании Временного правительства 19 августа решено было изменить, отправив на фронт все полки, которые приняли участие в восстании 3—5 июля... и заменить их более надежными частями, прежде всего кавалерией, которая уже начала приходить в столицу, по пути в Финляндию.

3-х революционных полков. Капитан Кузьмин, отличившийся по усмирению солдат еще в июльские дни, заявил на заседании секции, что «согласно распоряжению штаба, эти полки решено послать на фронт, чтобы они возложенными на них задачами загладили свое участие в событиях 3—5 июля». Представители некоторых полков выражали свое удивление, почему выводятся полки в полном составе, и видели в этом контр-революционный шаг со стороны командного состава. Но председатель собрания попросил секцию не входить в критику боевых приказов ген. Корнилова. Далее, капитан Кузьмин назвал полки, участвовавшие в событиях 3—5 июля, контр-революционными (в зале поднимается шум) и заявил: «Здесь говорили о приходе дикой дивизии. Мне об этом ничего не известно. Здесь указывали на приход кавалерии. Да, она нужна. В том, что кавалерия появилась здесь, виноваты только вы, так как пехотные части несут плохо охрану. Почему вы думаете, что кавалерийские части обязательно контр-революционные?» Выступавшие затем ораторы, меньшевики и с.-р., снова потребовали от секции не входить в обсуждение боевых приказов. Резолюция, принятая собранием, подчеркивала необходимость немедленного выполнения всех боевых приказов. Таким образом, правительство Керенского получило одобрение своей провокации.

Однако, выступление Корнилова подействовало отрезвляющим образом даже на меньшевистскую солдатскую секцию. На ее заседание 8 сентября были допущены и выслушаны представители высланных полков. Все в один голос они подтвердили издевательства, которым подвергало их правительство Керенского. Представитель гвардейск. Московского полка Чигин рассказывает, в каких ужасных условиях находился высланный полк на позициях: без хлеба, с большим количеством больных и неспособных к труду. Представитель гренадерского полка Криволапов заявляет, что их эшелон гнали с места на место без еды и без обоза. Представитель 1-го запасного полка Ананьев говорит также о мытарствах своего полка, пережитых им после событий 3—5 июля.

После обсуждения была принята следующая резолюция: «Общее собрание солдатской секции Р. и С. Д., обсудив

вопрос о распылении полков Петрограда, признает, что в Петрограде фактически было произведено расформирование ряда полков, не вызываемое соображениями стратегическими. Вывод некоторых полков носил характер недопустимой огульной кары полков, из которых часть полков принимала участие в событиях 3—5 июля. Приказ о выводе остатков 7-ми полков был отдан накануне корниловского восстания и грозил оставить Петроград без защиты в случае натиска корниловских войск. В виду этого солдатская секция признает, что эти полки не должны были в полном составе выводиться из Петрограда; отправление маршевых рот или рабочих команд должно производиться только по соображениям военной необходимости и с согласия совещания при главнокомандующем; части полков, выведенные без военной необходимости, должны быть возвращены в Петроград. Вместе с тем собрание настаивает на реорганизации штаба Петроградского военного округа в полном согласии с солдатской секцией».

Таковы были подпольные приготовления корниловцев, странным образом тесно согласованные с поведением Керенского в эти дни.

* * *

Как мы помним из V главы, 17-го августа Керенский решил принять записку Савинкова, Корнилова, Филоненко от 10 августа о введении в тылу смертной казни, военно-революционных судов и пр. и поручил Савинкову образовать междуведомственную комиссию для разработки соответственного законопроекта. Комиссия эта была образована под председательством ген. Апушкина и с представителем от министерства юстиции. И Савинков тогда же послал телеграмму Корнилову о том, что разработка мероприятий, требующихся для восстановления дисциплины в армии, заканчивается, и что он в ближайшие дни приедет в Могилев для окончательного согласования вопросов с Корниловым, после чего все намеченное будет немедленно утверждено Временным правительством.

Далее, после падения Риги Корнилов требовал от Керенского подчинения всех войск Петроградского округа и в том числе Петрограда ему. Это означало бы полную воен-

ную зависимость Временного правительства от верховного главнокомандующего. На это Керенский пойти не мог и настаивал на независимости Петрограда в военном отношении от ставки, рассчитывая иметь в своем распоряжении определенное количество вооруженной силы. Однако, требование Корнилова встретило большую поддержку. Филоненко из ставки по прямому проводу убеждал Савинкова принять это требование Корнилова. Он говорил: «О петроградском гарнизоне, или, вернее, армии Петроградского округа, я могу вас заверить, что подчинение его главковерху поставлено исключительно и вполне добросовестно только по соображениям стратегическим и, в частности, настоятельно вызывается обстановкой на рижском фронте. Какой-либо политической подкладки или даже рассмотрения вопросов с точки зрения общего оздоровления армии здесь нет, так как повторяю, преследуются цели только стратегического характера»... За требование Корнилова решительно высказалась и кадетская часть Временного правительства.

Керенский отлично понимал, что это требование угрожает непосредственно ему, и наотрез от него отказался, согласившись лишь на подчинение Корнилову войск округа. Он пишет [1]: «Я поставил себе... цель сохранить самостоятельность правительства, цель, которую мотивировал во Временном правительстве тем, что в виду острого положения вещей, невозможно правительству отдавать себя совершенно в распоряжение ставки—в смысле командования вооруженными силами... Мы были бы тут скушаны... Петербург, как политический центр, должен быть экстерриториален, т.-е. в военном отношении не зависеть от ставки. За принятие этого плана я около недели вел борьбу, и, в конце-концов, удалось привести к единомыслию всех членов Временного правительства и получить формальное согласие от Корнилова». В результате 24-го августа в ставку была послана следующая телеграмма: «Весьма срочно, секретно, ставка. Главковерх. В ваше полное подчинение передается весь район Петроградского военного округа, за исключением города Петрограда с прилегающими к нему окрестностями, по следующей линии»... (Далее идет перечисление границ и подпись; «Керенский»).

[1]) Керенский. Дело Корнилова, стр. 28.

Однако, прежде, чем получить согласие Корнилова, Керенскому пришлось командировать для этого Савинкова в ставку. Цель командировки, по показаниям Савинкова, была следующая: 1) по возможности ликвидировать союз офицеров, ибо, по имевшимся сведениям, некоторые члены союза офицеров участвовали в заговоре; 2) по возможности ликвидировать политический отдел при ставке из тех же соображений; 3) убедить генерала Корнилова в необходимости, при подчинении Петроградского военного округа в целях стратегических главковерху, выделить из этого округа Петроград с ближайшими окрестностями, при чем Петроград объявляется на военном положении, и 4) для того, чтобы испросить у ген. Корнилова конный корпус для реального осуществления военного положения в Петрограде и для защиты Временного правительства от каких бы то ни было посягательств, в частности, от посягательства большевиков, выступление которых уже имело место 3—5 июля и, по данным иностранной контр-разведки, готовилось снова».

24 августа Савинков в 3 часа дня был у Корнилова. Войдя в кабинет к нему и поздоровавшись, он заявил, что хочет переговорить с ген. Корниловым с глазу на глаз, и генерал Лукомский и Филоненко вышли из кабинета, Савинков, который сделал подробную запись разговора, сообщает, что Корнилов был в состоянии чрезвычайного возбуждения. Он разразился упреками по адресу Временного правительства, говоря, что больше не верит ему, что страна погибает, и что он больше не может работать с Керенским. «Стать на путь твердой власти, единственно спасительной для страны, Временное правительство не в силах. Что касается Керенского, он не только слаб и нерешителен, но и неискренен... Кроме того, он вел за моей спиной разговоры с Черемисовым и хотел назначить его верховным...»,—говорил Корнилов. Савинков указывал, что без Керенского обойтись сейчас нельзя, говорил, что он стал на путь твердой власти, и показал проекты законов, которые Временное правительство должно было принять в ближайшем будущем. Савинкову удалось уговорить Корнилова. И последний к концу разговора [1]) согласился, что «при современном соотношении политических партий участие г. Керенского в пра-

[1]) Показания Корнилова. Петр. Ист.-Револ. архив.

вительстве я признаю безусловно желательным». Затем я добавил, что «я готов всемерно поддерживать Керенского, если это нужно для блага отечества».

Вечером, уже в присутствии Лукомского и Филоненко, Савинков и Корнилов обсуждали вопрос о комитетах и комиссарах. Корнилов настаивал на их полном упразднении, Савинков настаивал на необходимости сохранить комиссаров и комитеты, соглашаясь сократить круг их ведения. Порешили на том, что желание Корнилова будет доложено Временному правительству; но если согласие на полное упразднение комиссаров и комитетов не последует, то придется ограничиться сужением их прав...

Затем был обсужден вопрос о границах петроградского военного губернаторства, войска которого не будут подчинены Корнилову, и Савинков заявил, по его словам, следующее: «Временное правительство постановило выделить из Петроградского военного округа г. Петроград и объявить его на военном положении, самый же округ подчинить верховному главнокомандующему. Для реального осуществления военного положения, в виду возможности беспорядков в городе, и в целях ограждения Временного правительства от посягательств с чьей бы то ни было стороны я, по поручению министра-председателя, прошу у вас конный корпус. Этот конный корпус должен прибыть в Петроград в ближайшие дни и поступить в распоряжение Временного правительства».

В протоколе, составленном в ставке [1]), это место разговора описано так: «Савинков, обращаясь к ген. Корнилову, сказал почти дословно следующее: «Таким образом, Л. Г., ваши требования будут удовлетворены Временным правительством в ближайшие дни, но при этом правительство опасается, что в Петрограде могут возникнуть серьезные ослож-

---

[1]) О составлении этого протокола Лукомский пишет, что тотчас после ухода Савинкова „я попросил на всякий случай запротоколировать все, что было сказано Савинковым в присутствии Романовского и Барановского. Генерал Романовский это исполнил, и протокол был подписан Корниловым, мною и Романовским (впоследствии он был опубликован)“. Лукомский, Воспоминания, т. I, стр. 238.

Полный текст протокола см. приложение.

нения; вам, конечно, известно, что примерно 28 или 29 августа в Петрограде ожидается серьезное выступление большевиков. Опубликование ваших требований, проводимых через Временное правительство, конечно, послужит толчком для выступления большевиков, если последнее почему-либо задержалось. Хотя в нашем распоряжении и достаточно войск, но на них мы вполне рассчитывать не можем; тем более, что еще неизвестно, как к новому закону отнесется С. Р. и С. Д. Последний также может оказаться против правительства, и тогда мы рассчитывать на наши войска не можем. Поэтому прошу вас отдать распоряжение о том, чтобы 3-й конный корпус был к концу августа подтянут к Петрограду и был предоставлен в распоряжение правительства. В случае, если, кроме большевиков, выступят и члены С. Р. и С. Д., то конному корпусу придется действовать и против них. Я только прошу вас во главе 3-го конного корпуса не присылать ген. Крымова, который для нас не особенно желателен. Он очень хороший боевой генерал, но вряд ли пригоден для такой операции». После этого пришел ген. Романовский, и были окончательно установлены границы петроградского военного губернаторства. Затем Савинков вновь вернулся к вопросу о возможном подавлении, при участии 3-го конного корпуса, выступления большевиков и С. Р. и С. Д., если последний пойдет против Временного правительства. При этом Савинков сказал, что действия должны быть самые решительные и беспощадные. На это ген. Корнилов отвечал, что иных действий и не понимает, что будут даны соответственные инструкции, и что он, вообще, к вопросу употребления войск при подавлении беспорядков относится серьезно, и что им уже отдавались приказания о предании суду тех начальников, которые допускают стрельбу в воздух, что в данном случае, раз будет выступление большевиков и С. Р. и С. Д., то таковое будет подавлено со всей энергией. Полк. Барановский, стоявший около стола, с своей стороны прибавил: «Конечно, необходимо действовать самым решительным образом и ударить так, чтобы это почувствовала вся Россия». После этого Савинков, обращаясь к ген. Корнилову, сказал, что необходимо, дабы не вышло недоразумения и чтобы не вызвать выступления большевиков раньше времени, предварительно сосредоточить к Петрогра-

ду конный корпус, затем к этому времени объявить петроградское военное губернаторство на военном положении и объявить новый закон, устанавливающий целый ряд ограничений. Дабы Временное правительство точно знало, когда объявить петроградское военное губернаторство на военном положении и когда опубликовать новый закон, он просил, чтобы ген. Корнилов точно протелеграфировал ему, Савинкову, о времени подхода корпуса к Петрограду».

И третий свидетель этой достопримечательной беседы— Филоненко сообщает о ней следующее: «Савинков передал ген. Корнилову просьбу министра-председателя о сосредоточении вблизи Петрограда конного корпуса для поддержки Временного правительства на случай беспорядков и выступления большевиков, при предстоящем объявлении Петрограда на военном положении... Центром беседы было выделение Петрограда из Петроградского военного округа, переходившего, по стратегическим соображениям, по настоянию главковерха, в его подчинение. Ген. Корнилов и Лукомский горячо возражали против выделения. Б. В. Савинков и я настаивали, и нам удалось верховного главнокомандующего поставить на нашу точку зрения... Барановский, прибывший из Петрограда начальник кабинета Керенского, высказался против выделения Петрограда из ведения верховного главнокомандующего».

Протокол, составленный в ставке (см. приложение), умалчивал о том, что в этот же приезд Савинков добился согласия Корнилова на перевод главного комитета союза офицеров в Москву, и того, что во главе 3-го корпуса Корнилов обещался поставить не Крымова, а кого-нибудь другого. Замалчивалось это в протоколе потому, что Корнилов и не подумал исполнить эти обещания. Керенский же придавал этим «словесным победам» Савинкова большое значение. Он думал переводом из ставки комитета союза офицеров рассосать заговор, назревший вокруг «диктатора Корнилова». Также, убрав с командования Крымова, который был одним из самых активных участников заговора, он рассчитывал подчинить себе 3-й корпус, как только, подойдя к Петрограду, он окажется в его непосредственном ведении, и таким образом, использовать его в своих целях. Для соб-

ственного успокоения, чтобы вернее избавиться от Крымова, Керенский тотчас по приезде Савинкова послал Крымову телеграмму с назначением его командующим 2-й армией.

Таким образом, Савинков и Керенский до вечера 26 августа были убеждены, что временно элементы конфликта с Корниловым устранены. Однако, взаимное недоверие между двумя кандидатами в «бонапарты» достигло величайших размеров. «К этому времени,—подтверждает Деникин,—присоединилась и личная антипатия между Керенским и ген. Корниловым, из которых каждый не стеснялся высказывать подчас в весьма резкой форме свое отрицательное отношение один к другому и ожидал встретить не только противодействие, но и прямое покушение с противной стороны». Итак, не доверяя друг-другу, затаив взаимную ненависть и скрежеща зубами, Керенский и Корнилов продолжали, однако, вместе тащить колесницу буржуазной контр-революции, надеясь в последний момент остаться в одиночестве и пожать лавры «диктатора».

Проведение мер, обещанных Корнилову, Временное правительство должно было обсудить и принять в своем заседании от 26 августа, и назавтра—27-го августа, введя военное положение, объявить их населению. Таким образом, даже срок контр-революционного переворота у Керенского и Корнилова совпадал.

Об этом сроке были хорошо осведомлены и кадеты члены Временного правительства. Предупредил их об этом, по желанию ставки, В. Н. Львов (бывший ранее обер-прокурором св. синода). Сам он рассказывает об этом поручении следующее: 21-го августа к нему пришли Добринский и Аладьин (два активных корниловца из «общественности»), и сказали, что они получили из ставки письмо от Завойко, содержащее весьма важное поручение. Они показали ему следующую записку от Завойко: «За завтраком (у Корнилова) генерал, сидевший против меня (Лукомский), сказал: «Не дурно бы предупредить к.-д., чтобы к 27 августа они вышли все из Временного правительства, чтобы поставить этим Временное правительство в затруднительное положение и самим избегнуть неприятностей». В. Н. Львов рассказывает, что он тотчас согласился съездить в Петроград и

передать это предупреждение по назначению. Он, действительно, передал его 22-го августа Набокову, который, в свою очередь, довел об этом до сведения министров к.-д.: Ольденбурга и Кокошкина.

Набоков в своих воспоминаниях сообщает о посещении его Львовым следующее[1]): «Это было в двадцатых числах августа (1917 года), во вторник на той неделе, в конце которой Корнилов подступил к Петербургу. Утром ко мне позвонил Львов и сказал мне, что у него есть важное и срочное дело, по которому он пытался переговорить с Милюковым, как председателем центрального комитета, и с Винавером, как товарищем председателя, но ни того, ни другого ему не удалось добиться (кажется, они были в отъезде), и потому он обращается ко мне и просит назначить время, когда бы он мог со мной повидаться. Мы условились, что он будет у меня в шесть часов вечера. Я несколько запоздал возвращением домой и, когда пришел, застал Львова у себя в кабинете. У него был таинственный вид, очень значительный. Не говоря ни слова, он протянул мне бумажку, на которой было написано приблизительно следующее (списать текст я не мог, но помню очень отчетливо): «Тот генерал, который был вашим визави за столом, просит вас предупредить министров—к.-д., чтобы они такого-то августа (указана была дата, в которую произошло выступление Корнилова, пять дней спустя, кажется, 28-го августа; сейчас я не могу точно ее восстановить, но по газетам это не трудно сделать) подали в отставку, в целях создания правительству новых затруднений и в интересах собственной безопасности»... Львов, наконец, заявил, что будет говорить откровенно, но берет с меня слово, что сказанное останется между нами, «иначе меня самого могут арестовать». Я ответил, что хочу оставить за собой право передать то, что узнаю от Львова, Милюкову и Кокошкину, на что он тотчас же согласился. Затем он мне сказал следующее: «От вас я еду к Керенскому и везу ему ультиматум: готовится переворот, выработана программа для новой власти с дикта-

[1]) В. Набоков. Временное правительство. Арх. русск. революции, изд. Гессеном, т. 1, стр. 43—45.

торскими полномочиями. Керенскому будет предложено принять эту программу. Если он откажется, то с ним произойдет окончательный разрыв, и тогда мне, как человеку, близкому к Керенскому и расположенному к нему, останется только позаботиться о спасении его жизни». На дальнейшие мои вопросы, имевшие целью более определенно выяснить, в чем же дело, Львов упорно отмалчивался, заявляя, что он и так уже слишком много сказал. Насколько я помню, имя Корнилова не было произнесено, но, несомненно, сказано, что ултиматум исходит из ставки»... «Одно для меня несомненно: или Львов по дороге в Зимний дворец резко изменил свои намерения, или Керенский уже пять дней знал о том, что готовится»... «О разговоре моем я в тот же вечер сообщил Кокошкину, а также другим нашим министрам» (Ольденбургу и Карташеву)...

Чернов по поводу этого пишет [1]): «Стоит отметить, что фактически все так и сложилось: четыре министра—к.-д. вышли в отставку вечером 25-го августа, как-раз накануне указанного им срока»... И далее: «Следует отметить, что другим коллегам по кабинету они (м-ры—к.-д.) об этом предупреждении не проронили ни слова»...

Таким образом, мы видим, что кадеты—члены Временного правительства шли также солидарно с корниловцами... Однако, в виду полного согласия со стороны Керенского на введение корниловской программы и на разгром Советов и большевиков вооруженной силой, среди влиятельной части кругов, посвященных в заговор, возникла мысль устроить дело, не вступая в открытый конфликт с Керенским. Милюков, видимо, предпринимал эти шаги еще во время государственного совещания. Он сообщает [2]): «В личной беседе с Корниловым в Москве (13-го августа) я предупреждал его о несвоевременности борьбы с Керенским и не встретил с его стороны решительных возражений. Об этом я сообщил и ген. Каледину, посетившему меня в те же дни». Далее о Корнилове он пишет: «Он, правда, хотел сменить

---

[1]) Чернов. „Подполье“ и „надполье“ в подготовке корниловского движения, стр. 37.

[2]) Милюков. Ист. втор. русск. рев., т. 1, в. 2, стр. 184—186.

правительство, но, во-первых, этим еще не предрешался вопрос о форме смены: она могла произойти и мирным путем, с добровольного согласия самого этого правительства, включая даже и самого Керенского»...

Преемственность власти, добровольная передача Корнилову власти Керенским, чрезвычайно облегчила бы контр-революционный переворот. Раз события должны были неизбежно развернуться, то иметь согласие Керенского—значило придать предстоящим переменам в правительстве вполне легальный и законный характер.

Одним из таких добровольных дипломатов по преемственности власти выступал также активный участник заговора В. Н. Львов. Уволенный в отставку Керенским, Львов остался не у дел и, как Завойко и ряд других звезд второстепенной величины, терся около Корнилова, надеясь в будущем «сделать карьеру». Историю его вмешательства в конфликт между Керенским и Корниловым Милюков, по воспоминаниям Львова, описывает так[1]): «Вопрос был поставлен некиим г. Добринским,—одна из внезапно вынырнувших из безвестности фигур, сумевшая стать близко к генералу Корнилову. Г. Добринский, гордившийся тем, что у него наготове сорок тысяч кавказских горцев, посетил В. Н. Львова тотчас после московского совещания и сообщил ему, что он вызван телеграммой из ставки на секретное совещание, которое должно состояться 17-го августа. Он предполагал, что на этом совещании будет обсуждаться вопрос о диктатуре Корнилова. Он не называл участников совещания... По словам В. Н. Львова, он просил у него совета. В ответ Львов развил свой план. Нужно, «чтобы Корнилов и Керенский, боже упаси, не ссорились, а действовали сообща»: Корнилов, как начальник всех вооруженных сил, а Керенский, как председатель правительства. Правительство при этом должно быть «построено на основах национального кабинета, как во всех союзных странах», ибо «во время войны не может быть партийной розни. Все партии должны быть представлены в правительстве». В дальнейшем разговоре В. Н. Львов согласился быть в таком правительстве мини-

[1]) Милюков. Ист. втор. русск рев., т. 1, в. 2, стр. 181—186.

стром внутренних дел, под условием, что в его распоряжение будет дано «достаточное количество воинских сил».

20-го августа Добринский вернулся с секретного совещания и «с радостью» объявил, что план Львова принят вместо плана военной диктатуры. Правда, Добринский прибавил, что с глазу на глаз с ним, поздно ночью, Корнилов сказал ему по секрету, что он все-таки «решился быть военным диктатором, но никто знать об этом не должен»...

Далее Львов завел с Аладьиным и Добринским разговор о «своем плане»: «поехать к Керенскому и убедить его перестроить правительство, чтобы успокоить ставку». Собеседники не разочаровывали В. Н. Львова. Напротив, Аладьин сказал, что «это будет очень хорошо», а Добринский даже прибавил, что, собственно говоря, «секретное заседание в ставке уполномочило его просить об этом» В. Н. Львова. Аладьин прибавил, что путем переговоров, «быть-может, удастся предотвратить то, что готовится к 27 августа».

Насколько Львов не доверял своим собеседникам, видно из того, что он отказался взять с собой Добринского к Керенскому. «Кто его знает,—подумал я,—пойдет со мной в кабинет к Керенскому, да и хлопнет его».

22-го августа В. Н. Львов имел свидание с Керенским в Зимнем дворце. Он передает характерную сцену встречи, которая показывает, что Керенский питал к своему «другу» те же подозрения, как сам Львов по отношению к Добринскому. Керенский встретил его, сидя за пюпитром, под которым что-то держал в руке. А когда Львов, желая лучше видеть его, встал и двинулся навстречу (надо вспомнить при этом грузную фигуру Львова), Керенский «моментально подскочил» к нему и обычным жестом сыщика «провел обеими руками по моим карманам—одной рукой по одному карману, а другой рукой—по другому. Затем Керенский успокоился».

О своем разговоре с Керенским, Львов пишет [1]):

«22-го августа я сидел у Керенского в Зимнем дворце и говорил ему о предстоящем неизбежном взрыве негодования

[1]) Самарская кадетская газета „Волжский День“, август 1918 г. Воспоминания Львова: „Керенский и Корнилов“.

на Совет, где сидят большевики, с возможной кровавой развязкой. «Вот и прекрасно,—воскликнул Керенский,—мы скажем, что не могли предотвратить столкновения общественных сил, и правительство останется в стороне». Я был повержен в изумление: председатель Временного правительства думал в надвигающейся гражданской войне умыть руки и предоставить действовать другим. Я возразил Керенскому, что это не совсем так произойдет, как он думает, и что, пожалуй, правительство рискует быть стиснутым между двумя борющимися сторонами и погибнет; что в интересах его собственных (Керенского) сделать власть устойчивой привлечением в кабинет лиц правее кадет, независимой от влияния Совета, и что на обязанности самого Керенского лежит раздавить большевиков и тем предотвратить гражданскую войну.

«Тогда я получил от Керенского поручение вступить в переговоры со всеми общественными и военными силами о возможной реорганизации власти на более твердых основаниях, для доведения борьбы с большевиками до конца, причем, если бы дело даже требовало его отставки, то Керенский соглашался сложить свои полномочия, но с тем, чтобы передать власть из рук в руки, дабы власть не упала на улицу, чтобы законная преемственность не прекращалась».

Керенский в своих показаниях говорит об этом посещении Львова уже уклончивее, но все же из них видно, что от услуг Львова он не отказался. Именно [1]: «Числа 23 или 24 августа ко мне явился член Государственной Думы, бывший обер-прокурор святейшего синода во Временном правительстве, В. Н. Львов, и с глазу-на-глаз сообщил мне, что он уполномочен спросить меня, буду ли я вести переговоры о реконструкции Временного правительства, при чем несколько раз упирал на то, что он должен, но кому именно—он не указывал, привезти тот или иной определенный ответ от меня, и ссылался на то, что он сейчас еж должен уехать. Не имея определенного указания, от кого исходят эти уполномочия Львова, я не счел для себя возможным отказаться [1])

---

[1]) Моск. Арх. Окт. рев. Дело Корнилова, т. 25, стр. 1.

от дальнейших переговоров со Львовым, ожидая от него в дальнейшем более точного разъяснения.

В протоколе, составленном Аладьиным[1]), последний так повествует о дальнейших похождениях Львова:

«23-го августа Львов вернулся из Петрограда (в Москву. В. В.) и заявил Аладьину, что он получил от Керенского полномочия передать, что:

1) Керенский согласен вести переговоры со ставкой.

2) Переговоры должны вестись через него, Львова.

3) Керенский согласен на образование кабинета, пользующегося доверием страны и всех частей армии.

4) В виду этого должны быть поставлены определенные требования.

5) Должна быть выработана определенная программа.

6) Переговоры должны вестись негласно».

Заявление это Львов сделал Аладьину у себя в номере, в «Национальной» гостинице, в присутствии Добринского. Негласность переговоров мотивировалась Львовым тем, что Керенский опасается за свою жизнь со стороны поддерживающих его групп, если бы последние узнали о переговорах раньше, чем они будут закончены.

После заявления Львова о полномочиях от Керенского, он и Добринский выехали в ставку. Им было дано Аладьиным письмо к В. С. Завойко, смысл которого был тот, что Львов «заявил о получении полномочия от Керенского и желает вести переговоры от имени последнего. Алексей Аладьин, член 1-й Государственной Думы».

Действительно, 24 августа Львов приехал в ставку и явился к Корнилову в качестве парламентера от Керенского. Об этом своем посещении он сообщает[2]): «Корнилов принял меня в ставке вечером у себя; когда я первым делом осведомился у него, каково будет отношение войск в случае нового выступления большевиков, ген. Корнилов категорически меня успокоил, что Временное правительство, конечно, будет поддержано войсками. После этого я сказал

---

[1]) Петрогр. Истор. Рев. архив.

[2]) Показания Львова след. комиссии. Моск. Арх. Окт. революции. Дело Корнилова, т. 25.

ген. Корнилову, что я имею дозволение Керенского представить ему определенную программу и требования различных общественных групп и спросил его, какие его требования, на что ген. Корнилов просил меня зайти к нему завтра, в 10 час. утра».

На утро 25 августа Львов опять был принят у Корнилова. Беседа их велась без посторонних свидетелей. Показания Львова о ней очень сбивчивы. Но так как содержание ее в основном было опубликовано в приказе Корнилова от 28 августа и не расходится с изложением беседы у Лукомского, лица, стоявшего тогда близко к Корнилову, то приводим ее в изложении Лукомского [1]): «В. Н. Львов сказал, что он является к верховному главнокомандующему в качестве лица, уполномоченного министром-председателем Керенским, выяснить точку зрения Корнилова на вопрос о наиболее целесообразном способе создания сильной власти; что Керенский считает возможным три варианта: согласно первому—диктаторская власть сохраняется за ним, Керенским, и при нем будет сформировано правительство в новом составе, по второму—диктаторской властью может быть облечено небольшое правительство, в составе трех-четырех лиц (в число их должен войти и верховный главнокомандующий); по третьему—диктаторская власть может быть сосредоточена в лице верховного главнокомандующего, при котором должно быть образовано правительство. При этом В. Н. Львов спросил, считает ли желательным генерал Корнилов, в случае принятия третьего варианта, чтобы в состав кабинета вошли Керенский и Савинков».

Корнилов (по его показаниям) заявил, что «единственным выходом из тяжелого положения, по его мнению, является установление военной диктатуры и немедленное объявление страны на военном положении», при чем прибавил, что если Временное правительство «предложит мне обязанности диктатора... я от такого предложения не отказался бы». И далее (по показаниям Львова): «Керенскому я не верю... Впрочем,—продолжал Корнилов,—я могу предложить Савинкову портфель военного министра, а Керенскому портфель мини-

[1]) **Лукомский. Воспоминания. Т. I, стр. 239.**

стра юстиции... Затем,—продолжал он,—предупредите Керенского и Савинкова, что я за их жизнь нигде не ручаюсь, а потому пусть они приедут в ставку, где я их личную безопасность возьму под свою охрану».

Видимо, Корнилов после разговора с Львовым был вполне уверен, что Керенский решил добровольно перед ним капитулировать, так как 26-го вечером собрал у себя в кабинете комиссара Филоненко, Завойко и Аладьина и предложил им[1]), «считая их людьми, хорошо знающими, нашими наиболее выдающимися общественными деятелями и имея в виду мой разговор с Савинковым и Львовым, наметить такую схему организации всех главных политических партий страны, которая могла бы дать ей правительство твердое, работоспособное и пользующееся полным доверием страны и армии. Был набросан проект совета народной обороны, с участием верховного главнокомандующего в качестве председателя, Керенского, в качестве мин.-заместителя, Савинкова, Алексеева, Колчака и Филоненко. Этот совет обороны должен был осуществить коллективную диктатуру, так как установление единоличной диктатуры было признано нежелательным. На посты других министров назначались: Тартамышев, Третьяков, Покровский, гр. Игнатьев, Аладьин, Плеханов, кн. Г. Е. Львов и Завойко». Кроме того, еще ранее были посланы телеграммы с приглашением Родзянко, кн. Г. Е. Львову и Милюкову, В. Маклакову, Рябушинскому, Н. Львову, Сироткину, Третьякову, Тесленко и др., приехать на совещание в ставку к 29 августа. Насколько возросло у корниловцев доверие к Керенскому, видно из того, что одна из таких телеграмм была даже послана на имя Керенского. Именно[1]): «Срочная. Петроград. Министру-председателю Керенскому, для Владимира Николаевича Львова из Могилева № 987. 25/VIII—1917 г. Обратным заезжайте Москву. Родзянко Петрограде пригласите Добринский». А 27-го августа, в 2 часа 40 мин. утра, Корнилов послал Савинкову следующую телеграмму: «Корпус сосредоточивается в окрестностях Петрограда к вечеру 28 августа. Я прошу объявить

[1]) Взятое в кавычках является показанием Корнилова следств. комиссии.

Петроград на военном положении 29-го августа. № 6394. Генерал Корнилов».

Одновременно в ставке вырабатывались и отдавались инструкции о взятии Петрограда. 24-го августа приказом Корнилова Крымов был назначен командующим 3-го конного корпуса, шедшего на Петроград, при чем последний получил следующую инструкцию:

«1) В случае получения от меня или непосредственно на месте сведений о начале выступления большевиков—немедленно двигаться с корпусом на Петроград, занять город, обезоружить части петроградского гарнизона, которые примкнут к движению большевиков, обезоружить население Петрограда и разогнать Совет».

«2) По окончании исполнения этой задачи ген. Крымов должен выделить одну бригаду с артиллерией на Ораниенбаум и, по прибытии туда, потребовать от кронштадтского гарнизона разоружения крепости и перехода на материк. Согласие министра-председателя на разоружение крепости Кронштадта и вывод его гарнизона последовало 8 августа».

Получив инструкцию, Крымов 25 августа послал начальнику туземной дивизии Багратиону следующую телеграмму: «Верховный главнокомандующий назначил меня главнокомандующим петроградской отдельной армией, в состав коей входит вверенная вам дивизия. Верховный главнокомандующий повелел мне восстановить порядок в Петрограде, Кронштадте и во всем Петроградском военном округе, при чем указал: подтвердить всем войсковым начальникам, что против неповинующихся лиц гражданских или военных должно быть употребляемо оружие без всяких колебаний или предупреждений. Во исполнение сего приказываю: тотчас по получении сведений о беспорядках, начавшихся в Петрограде, и не позже утра 1 сентября вступить в гор. Петроград и занять районы города: Московская, Литейная, Александро-Невская и Рождественская части. Первоначально вам надлежит выделить части для обезоружения нынешних гарнизонов Павловского и Царского Села. В Петрограде на вас возлагается задача: а) разоружить все войска (кроме училищ) нынешнего петроградского гарнизона и всех рабочих заводов и фабрик указанного выше района Петро-

града; б) поставить, где надо, свои караулы, организовать дневные и ночные патрулирования района; в) силой оружия усмирить все попытки к беспорядкам и всякое неповиновение моим или вашим приказаниям». Дальше идут распоряжения о месте нахождения Багратиона, Крымова и др. в Петрограде и перечисление ряда мер: проверка паспортов и пр., по захвату Петрограда. К этой же телеграмме приложен приказ № 1, который Крымов предполагал издать по занятии Петрограда. Приказ объявляет Петроград на осадном положении, запрещает митинги, забастовки, собрания, вводит на все газеты и журналы предварительную цензуру, приказывает всем немедленно сдать оружие, приказывает немедленно сформировать военно-полевые суды, каждый суд в составе 3-х офицеров, предупреждает, что «войска не будут стрелять в воздух» и т. д.

Кроме того, тотчас после занятия Петрограда предполагалось занять крупнейшие центры, где заговорщики имели свои отделения. Соответственный план действий вырабатывается в ставке. Так, 26 августа Корнилов подписал письмо-приказ начальнику штаба Киевского военного округа Оболешеву, очевидно, корниловцу, где распределяет роли заговорщиков в Киеве так: «Оболешев: арест полковника Оберучева [1]) в первую очередь по получении приказа Корнилова и занятие телеграфов в Киеве и по округу. Высылка навстречу войск ген. Цитовича с офицерами... каковые, встретивши корниловские войска, должны арестовать Совет Солд. Депут. и украинские учреждения. Профессору Цитович: уничтожение социалистических изданий и арест их редакторов»... и т. д.

В то же время из ставки летели телеграммы чисто-военного характера, имевшие целью сосредоточить вокруг Петрограда все надежные полки. 25 августа Романовский (ген.-квартирмейстер при ставке, ведший стратегическую подготовку выступления) телеграфирует: «Наштасев [2]). Ревельский ударный батальон смерти переведенный из Петрограда в Ревель запятая благоволите спешно перебросить в Царское Село точка

[1]) Командующий войсками Киевского военного округа.—В. В.

[2]) Начальнику штаба северного фронта.—В. В.

О начале переброски прошу срочно сообщить точка 25 августа 1917 г. 323 Романовский». От северного фронта командующим которого был генерал Клембовский, получается ответ: «От северного генковерха 25/8—1917 г. Распоряжение сделаю точка О времени начала переброски батальона сообщу по получении сведений от комфлота Балтийского точка 26 августа 1917 г. № 3444/мор. Вахрушев». Туда же, на северный фронт, летят 26 августа следующие телеграммы: «Главкосев [1]) Главковерх приказал кавказскую туземную и первую Донскую дивизии погрузить завтра 27 августа и направить первую в Царское Село и вторую в Гатчину точка Об исполнении прошу сообщить точка 26/8—1917 г. № 6367 Лукомский».

«Комкор [2]) 3-го конного. Передаю для исполнения копию телеграммы генквартверха: «Дополнение № 6343 и 6367, прошу погрузку конных дивизий начать с утра 27 и перевозку производить в спешном порядке. Уссурийскую дивизию направить на Красное Село. 26 августа 1917 г. № 6393. Романовский».

Таким образом, по распоряжению из ставки, корниловские войска к 27 августа должны были уже прибыть в Гатчину, Царское Село и Красное Село,—ближайшие окрестности Петрограда. В это же время и ген. Каледину была послана следующая телеграмма: «Новочеркасск. 25/8. Ген. Каледину. По приказанию главковерха прошу конную казачью дивизию предназначенную для отправления на Кавказ спешно перевести в Финляндию через Москву точка О начале погрузки дивизии благоволите сообщить точка Срочной отправке придается чрезвычайное значение точка 6314. Лукомский».

Затем, в своих показаниях Корнилов сообщает: «Кроме того, флоту было послано приказание: в случае, если в г. Гельсингфорсе возникнут беспорядки, то судовой артиллерии разгромить город. Телеграмма с этим приказом за подписью ген. Лукомского была мной одобрена, и на ней имеется вверху моя собственная подпись. В виду ненадежности

---

[1]) Главнокомандующему северного фронта—В. В.

[2]) Командующему корпусом—В. В.

некоторых частей ревельского укрепленного района, я приказал перевести туда из г. Проскурова, т.-е. глубокого резерва, стоявший в этом городе на отдыхе Корниловский пехотный полк, как один из наиболее твердых и надежных частей. Главные эшелоны этого полка проходили через Могилев 27 августа, и полк был мной задержан в виду разыгравшихся событий».

Интересные данные о настроениях, царивших тогда в ставке, сообщает ген. Краснов, назначенный Корниловым командиром 3-го конного корпуса. Перед отъездом в корпус Краснов (26 или 27 августа) зашел в штаб походного атамана в Могилеве.

«В штабе походного атамана,—пишет Краснов [1]),—у меня все были старые знакомые и сослуживцы. И начальник штаба, генерал-от-кавалерии Смагин, и Сазонов, и чины штаба, полковники Власов и Греков, были уверены в полном успехе дела. Они мне подробно рассказали о том, что Керенский определенно ведет армию к полному разложению и, если он останется у власти, солдаты покинут фронт и станут брататься с немцами. Керенский совершенно подчинился Исполнительному Комитету Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, того Совета, который издал приказ № 1. Правительство ничего не стоит и ничего не понимает,—России угрожает гибель... Керенского в армии ненавидят. Кто он такой, штатский,—едва ли не еврей, не умеющий себя держать фигляр, а против него брошены лучшие части. Крымова обожают, туземцам все равно, куда итти и кого резать, лишь бы их князь Багратион был с ними. Никто Керенского защищать не будет. Это только прогулка; все подготовлено... В штабе походного атамана горячо желали мне успеха, но сами волновались, сами боялись даже Могилева. Я хотел итти на станцию пешком. Меня не пустили. «Нельзя, милый друг,—сказал мне Д. П. Сазонов,—мало ли что может случиться. Мы дадим тебе автомобиль». Смагин навязал сопровождать меня сотника Генералова, случайно бывшего у них, опять-таки под тем предлогом, что мало ли что мо-

---

[1]) П. Н. Краснов. На внутреннем фронте. „Арх. русск. рев.“ Гессена, т. I. стр. 115—116.

жет выйти, и всегда хорошо иметь при себе верного и надежного человека»...

* * *

Однако, надежды Корнилова, что Керенский так легко сдаст свои позиции, были преждевременны.

«Корнилов шел на риск,—пишет Милюков [1]),—поскольку вообще элемент риска неизбежен в таких делах. Но он не ожидал сопротивления. Он думал, что та обстановка, которая создастся в Петрограде к 28 августа, сама по себе исключит возможность правительственного противодействия, а скорее заставит правительство искать спасения у него же». И Милюков горько упрекает Керенского, говоря: «Он (Корнилов) не ждал, что в последнюю минуту Керенский цепко ухватится за власть и пожелает сохранить ее во что бы то ни стало, рискуя тем, что с точки зрения Корнилова (а также Милюкова, В. В.) было последним шансом спасти государство».

Действительно, как мы увидим далее, упреки Милюкова Керенскому имели вполне достаточное основание.

При переговорах ставки с Керенским мы остановились на том месте, когда Корнилов заявил Львову, что диктатором хочет быть он сам, Керенскому же предлагал спуститься на вторые позиции, почти не скрывая, что в дальнейшем он попытается освободиться от него совсем. Тотчас из ставки Львов явился к Керенскому. Произошел исторический разговор, который не только не привел к примирению обе стороны, но, в конечном счете, взорвал весь заговор контр-революции. «В. Н. Львов,—сетует Милюков,—своим вмешательством сорвал все, обнаружив с согласия и по поручению Корнилова, весь заговор на день или на два раньше момента, необходимого для его успеха».

Керенский узнал из беседы с Львовым, что Корнилов решил быть сам «диктатором», он понял, что, если он не избавится самым решительным образом сейчас от Корнилова, то власть неизбежно будет вырвана из его рук, и решил действовать. Что же касается неудачного посредника, В. Н. Львова, то естественно, что он и до сих пор продолжает слу-

1) Милюков. Ист. вт. русск. рев., т. I, в. 2, стр. 182.

жить предметом величайшей досады со стороны буржуазных заговорщиков и их вождей, начиная с Милюкова, Лукомского и кончая Деникиным.

Об этой исторической беседе и о первых своих шагах после нее Керенский сообщает следующее[1]): «В 6-м часу дня, 26 августа, в мой официальный кабинет вошел В. Н. Львов и после довольно долгих разговоров о моей обреченности, о его желании спасти меня и т. д. на словах изложил приблизительно следующее. Ген. Корнилов через него, Львова, заявляет мне, Керенскому, что никакой помощи правительству в борьбе с большевиками оказано не будет; что, в частности, Корнилов не отвечает за мою жизнь нигде, кроме как в ставке; что дальнейшее пребывание у власти Временного правительства недопустимо; что ген. Корнилов предлагает мне сегодня же побудить Временное правительство вручить всю полноту власти главковерху, а до сформирования им нового кабинета министров объявить военное положение по всей России; лично же мне с Савинковым в эту же ночь выехать в ставку, где нам предназначены министерские посты: Савинкову—военное, а мне—юстиции. При чем В. Н. оговорил, что последнее (т.-е. отъезд в ставку и т. д.) сообщается только для моего сведения и оглашению в заседании Временного правительства не подлежит.

Такое заявление было совершенно неожиданно для меня... Сначала я расхохотался: «Бросьте,—говорю,—шутить, В. Н.». «Какие тут шутки, положение чрезвычайно серьезное», возразил Львов и крайне взволнованно, несомненно искренно, стал убеждать меня спасти свою жизнь, а для этого «путь только один—исполнить требование Корнилова». Он сам на себя похож не был. Я бегал взад и вперед по огромному кабинету, стараясь разобраться, почувствовать, в чем дело, почему Львов и т. д. Вспомнил его заявление в первый приезд о «реальной силе», сопоставил с настроениями против меня в ставке и со всеми сведениями о назревшей заговорщической попытке, несомненно со ставкой связанной, и как только прошло первое изумление, скорее даже потрясение, я решил еще раз испытать и проверить Львова, а затем действовать. Действовать немедленно и решительно.

---

1) Керенский. Дело Корнилова, стр. 105—109.

Голова уже работала, ни минуты не было колебаний, как действовать. Я не столько сознавал, сколько чувствовал всю исключительную серьезность положения, если... если слова Львова хоть в чем-нибудь соответствуют действительности...

Успокоившись, я сознательно сделал вид, что перестал сомневаться и колебаться и лично решил подчиниться. Я стал объяснять Львову, что я не в состоянии буду сделать во Временном правительстве совершенно голословное заявление. Он успокаивал меня, утверждая, что в его словах только правда. В конце-концов, я предложил Львову письменно изложить корниловские пункты. Та готовность, та уверенность и быстрота, с которой согласился и написал Львов «предложение Корнилова», дали мне полную уверенность в том, что Львов не только знает, но и не сомневается в сущности задуманного.

Вот текст записки В. Львова:

«1) Ген. Корнилов предлагает объявить Петроград на военном положении.

2) Передать всю власть военную и гражданскую в руки верховного главнокомандующего.

3) Отставка всех министров, не исключая и министра-председателя, и передача временно управления министерствами товарищам министров, впредь до образования кабинета верховным главнокомандующим. В. Львов. Петроград, августа 26 дня 1917 г.».

Мгновения, пока Львов писал, мысль напряженно работала. Нужно было сейчас же установить формальную связь В. Львова с Корниловым, достаточную для того, чтобы Временное правительство этим же вечером могло принять решительные меры. Нужно было сейчас же «закрепить» самого Львова, т.-е. заставить его повторить весь разговор со мной в присутствии третьего лица... Между тем, Львов написал и, подавая мне документ, сказал: «Это очень хорошо, теперь все кончится мирно. Там считали очень важным, чтобы власть от Временного правительства перешла легально. Ну, «а вы поедете в ставку?»—закончил он. Не знаю, почему этот вопрос как-то кольнул, настörожил меня, и почти неожиданно для самого себя я ответил: «Конечно, нет. Неужели вы думаете, что я могу быть министром юстиции у Корни-

лова?» Тут произошло нечто странное. Львов вскочил, просиял и воскликнул: «Конечно, конечно, не ездите. Ведь, для вас там ловушка готовится. Он вас там арестует, уезжайте куда-нибудь подальше, но обязательно уезжайте из Петрограда... А там вас ненавидят»,—волновался Львов...

Тогда-то и появилась у меня мысль по прямому проводу получить подтверждение от самого Корнилова. Львов ухватился за это предложение, и мы сговорились, что к $8\frac{1}{2}$ часам съедемся в доме военного министра для того, чтобы совместно переговорить по юзу с Корниловым.

Пришел ко мне Львов в начале 6-го. Вышел, насколько помню, после 7-ми. До встречи в доме военного министра оставалось приблизительно окола часа. Уходя, в дверях кабинета Львов столкнулся с Вырубовым, входившим ко мне. Ознакомив его с происшедшим и попросив остаться при мне, я послал адъютанта приготовить прямой провод и приказал вызвать к 9-ти часам вечера ко мне, во дворец, помощника начальника главного управления по делам милиции Балавинского и помощника командующего военным округом капитана Кузьмина.

К $8\frac{1}{2}$ поехал с Вырубовым на прямой провод. Все было готово. Корнилов у аппарата. Львова нет. Позвонили к нему на квартиру по телефону, ответа не было. Корнилов уже минут 20—25 ждал у провода. Решил говорить один, так как характер предстоящего разговора делал присутствие или отсутствие одного из нас у аппарата совершенно безразличным,—ведь, тема разговора была заранее установлена...

Разговор министра-председателя Керенского с верховным главнокомандующим генералом Корниловым. Министр-председатель Керенский ждет генерала Корнилова. У аппарата генерал Корнилов.

1). Здравствуйте, генерал. У аппарата В. Н. Львов и Керенский. Просим подтвердить, что Керенский может действовать согласно сведениям, переданным Владимиром Николаевичем.

— Здравствуйте, Александр Федорович, здравствуйте, Владимир Николаевич. Вновь подтверждая тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк,

сделанный мною Владимиру Николаевичу, вновь заявляю: события последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок.

2) Я, Владимир Николаевич, вас спрашиваю: то определенное решение нужно исполнить, о котором вы просили известить меня Александра Федоровича только совершенно лично от вас? Александр Федорович колеблется вполне доверить.

— Да, подтверждаю, что я просил вас передать Александру Федоровичу мою настоятельную просьбу приехать в Могилев.

3) Я, Александр Федорович, понимаю ваш ответ, как подтверждение слов, переданных мне Владимиром Николаевичем. Сегодня это сделать и выехать нельзя. Надеюсь выехать завтра; нужен ли Савинков?

— Настоятельно прошу, чтобы Борис Викторович приехал вместе с вами. Сказанное мною Владимиру Николаевичу в одинаковой степени относится и к Борису Викторовичу. Очень прошу не откладывать вашего выезда позже завтрашнего дня. Прошу верить, что только сознание ответственности момента заставляет меня так настойчиво просить вас.

4) Приезжать ли только в случае выступлений, о которых идут слухи, или во всяком случае?

— Во всяком случае.

— До свидания, скоро увидимся.

— До свидания».

Таким образом, в разговоре по прямому проводу Керенский добился от Корнилова некоторого подтверждения миссии Львова. Затем он принял еще раз у себя в кабинете Львова, предварительно спрятав в комнате Балавинского. Прочитал Львову ленту своего разговора с Корниловым и заставил его еще раз повторить предложение Корнилова, чтоб его слышал свидетель. После этого он тут же арестовал Львова, вызвал Некрасова и, ознакомив его со случившимся, получил от него согласие «итти с Керенским до конца». Далее был вызван Савинков, последний заупрямился и «в присутствии гг. Балавинского и Вырубова советовал министру-председателю сделать попытку исчерпать дело Корни-

лова путем мирных переговоров», и предложил свои услуги тотчас поговорить с Корниловым по прямому проводу. Керенский ответил категорическим отказом.

Затем было созвано совещание высших чинов военного ведомства для выяснения технической возможности сопротивления Корнилову. Лишь после этого, поздно вечером, было созвано экстренное заседание Временного правительства. Что происходило на этом заседании, покрыто мраком неизвестности. Но в результате его все министры к.-д. сдали свои должности тов. министров и не посещали все время борьбы с Корниловым ни своих ведомств, ни Зимнего дворца. Остальные министры заявили о своей отставке, вручив Керенскому исключительные полномочия по борьбе с мятежом. Керенский их отставок не принял, и они продолжали свою работу. На этом же заседании, продолжавшемся до 4-х часов утра, было принято постановление об увольнении Корнилова, и Керенский послал следующую телеграмму: «Ставка, генералу Корнилову. Приказываю вам немедленно сдать должность генералу Лукомскому, которому впредь до прибытия нового верховного главнокомандующего вступить во временное исполнение обязанностей главковерха. Вам надлежит немедленно прибыть в Петроград. Керенский».

Заседание Временного правительства возобновилось в 7 ч. утра. Керенский прочел на нем проект объявления населению о происшедшем и сообщил о своем намерении объявить Петроград и уезд на военном положении. Тогда же было решено назначить военным генерал-губернатором Петрограда Савинкова, помощником его и командующим войсками Петроградского округа Кузьмина, а главным управляющим по гражданской части полковника Барановского.

Объявление населению о заговоре Корнилова было в тот же день, 27-го августа, послано по телеграфу «всем, всем»... и особой телеграммой [1]) ген. Корнилову. В Петрограде оно успело выйти в тот же день в экстренных выпусках некоторых газет. Оно гласило [2]): «26 августа ген. Корнилов при-

---

[1]) За № 4163.—В. В.

[2]) По показанию Некрасова, он получил от Керенского это об'явление в почти законченном виде, и после второстепенных исправлений оно было послано на телеграф.—В. В.

слал ко мне члена Государственной Думы В. Н. Львова с требованием передачи Временным правительством генералу Корнилову всей полноты гражданской и военной власти, с тем, что им, по личному усмотрению, будет составлено новое правительство для управления страною.

Действительность полномочий члена Государственной Думы Львова сделать такое предложение была подтверждена затем генералом Корниловым при разговоре со мною по прямому проводу.

Усматривая в предъявлении этого требования, обращенного в моем лице к Временному правительству, желание некоторых кругов русского общества воспользоваться тяжелым положением государства для установления в стране государственного порядка, противоречащего завоеваниям революции, Временное правительство признало необходимым, для спасения родины, свободы и республиканского строя, уполномочить меня принять скорые и решительные меры, дабы в корне пресечь всякие попытки посягнуть на верховную власть в государстве и на завоеванные революцией права граждан.

Все необходимые меры к охране свободы и порядка в стране мною принимаются, и о таковых мерах население своевременно будет поставлено в известность. Вместе с тем приказываю:

1) Генералу Корнилову сдать должность верховного главнокомандующего генералу Клембовскому, главнокомандующему армиями северного фронта, преграждающего пути к Петрограду. Генералу Клембовскому временно вступить в должность верховного главнокомандующего, оставаясь в Пскове.

2) Объявить Петроград и Петроградский уезд на военном положении, распространив на него действие правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении.

3) Призываю всех граждан к полному спокойствию и сохранению порядка, необходимого для спасения родины. Всех чинов армии и флота призываю к самоотверженному и спокойному исполнению своего долга защиты родины от врага внешнего. Министр-председатель Керенский».

Распоряжение Керенского о сдаче Корниловым должности Лукомскому и о приезде его в Петроград было полу-

чено Корниловым в ставке утром 27-го августа. По замечанию князя Трубецкого, эта телеграмма «произвела на всех впечатление разорвавшейся бомбы». Корнилов в своих показаниях пишет: «...Я решил должности верховного главнокомандующего не сдавать и выяснить предварительно обстановку. Объявив об этом генералу Лукомскому, я спросил его, намерен ли он принять обязанности верховного главнокомандующего. Лукомский доложил мне, что он не считает возможным заменить меня».

В ответной телеграмме[1]) Керенскому от 27 августа Лукомский отказался принять от Корнилова должность верховного главнокомандующего и указал, что генерал Корнилов принял «окончательное решение» после «приезда Савинкова и Львова, сделавших предложение генералу Корнилову в том же смысле (решительного подавления рабочих и солдатских масс. В. В.) от вашего имени... и, идя согласно с вашим предложением, отдал окончательное распоряжение, отменять которое теперь уже поздно». Далее он пишет: «Что междоусобная борьба на фронте, в случае несогласия Временного правительства на требование генерала Корнилова, может вызвать прорыв фронта и появление противника в тех местах, где меньше всего его ожидают»... «Рабочий» по этому поводу заявляет: «Не правда ли: это очень похоже на угрозу сдачей, скажем, Петрограда»... «Известия» по поводу телеграммы Лукомского пишут: «Генерал Лукомский, очевидно, не остановится перед прямой изменой родине, добиваясь успеха заговора»... «Рабочий» по поводу «Известий» иронизирует: «Теперь даже оборонческие органы принуждены признать, что измены на фронте—дело рук командного состава и его идейных вдохновителей».

Одновременно Лукомский телеграфировал главнокомандующим всех фронтов о том, что Временное правительство приказало Корнилову сдать должность ему, но Корнилов сдать должность отказался, «а я отказался, впредь до полного выяснения обстановки, таковую должность принимать». Этим же числом, 27 августа, помечен и первый приказ-воззвание, с которым Корнилов обратился к населению, и который по-

1) За № 6406.—В. В.

слал телеграфно всем, всем... и Керенскому. Воззвание гласило:

«Телеграмма министра-председателя за № 4163 во всей своей первой части является сплошной ложью. Не я послал члена Государственной Думы В. Н. Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне, как посланец министра-председателя. Тому свидетель член Государственной Думы Алексей Аладьин. Таким образом, совершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу отечества. Русские люди, великая родина наша умирает. Близок час кончины. Вынужденный выступить открыто—я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба, убивает армию, потрясает страну внутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в бога, в храмы, молите господа бога об явлении величайшего чуда спасения родимой земли. Я, генерал Корнилов,—сын казака-крестьянина,—заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения великой России, и клянусь довести народ—путем победы над врагом—до Учредительного Собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни. Предать же Россию в руки ее исконного врага—германского племени и сделать русский народ рабами немцев я не в силах, и предпочитаю умереть на поле брани и чести, чтобы не видеть позора и срама русской земли. Русский народ, в твоих руках жизнь твоей страны. Генерал Корнилов».

Однако, еще до объявления Керенским населению о происшедшем, Савинков и Маклаков получили разрешение от него попробовать по прямому проводу уговорить Корнилова. Разговор по прямому проводу начался во втором часу дня. Первым уговаривать начал Савинков. «...Позвольте вам доложить,—говорил он,—что, во-первых, сведения, сообщенные генералом Лукомским в его телеграмме № 6406, не соответствуют истине, ибо я никогда не предлагал вам от имени

министра-председателя никаких политических комбинаций, да и не мог предложить. Я не могу рассматривать сообщение ген. Лукомского иначе, как клевету». Далее Савинков указывает на губительность корниловского предприятия и говорит: «Оправданием вашего предприятия не может служить даже и ссылка на нежелание правительства следовать той программе, которую вы изложили в докладной записке, подписанной и мною, ибо я в ставке имел честь доложить вам, что правительство определенно становится на предлагаемый вами путь, в доказательство чего указал на изготовленный уже законопроект о мероприятиях в тылу, вами одобренный... Арест Филоненко [1]) является не только преступлением против правительства, но и вопиющим нарушением доверия личного»... В заключение Савинков обращался к Корнилову «с почтительной просьбой и настойчивым требованием подчиниться Временному правительству, сдать должность и выехать из действующей армии».

Корнилов отложил свой ответ до 4-х часов дня, когда сказал Савинкову следующее [2]): «...В телеграмме генерала Лукомского подразумевается, что правительство приняло определенные решения относительно большевиков и Советов, так как для осуществления этого решения вы от имени Временного правительства предложили мне двинуть к Петрограду конный корпус, при чем между нами было условлено, что окончание сосредоточения этого корпуса явится, по моей телеграмме вам, указанием вам, указанием момента объявления Петрограда на военном положении, что изложенное было заявлено вами мне в присутствии генерала Лукомского, Романовского и полковника Барановского»...

О беседе с В. Н. Львовым Корнилов говорил: «В. Н. Львов, по его словам, приехал по поручению Керенского с предло-

---

[1]) Дело в том, что Филоненко—правая рука Савинкова, узнав днем 27 августа о разрыве Корнилова с Керенским, не зная, как быть, попросил Корнилова его пока что арестовать, и последний „запретил ему выезд из ставки". Правда, это запрещение было отменено и Филоненко 28 августа приехал в Петроград. В. В.

[2]) В изложении ответа Корнилова я опускаю декларативную сторону, в которой он говорит, что на решительные шаги его побудило взятие Риги и пожары заводов, работающих на оборону и т. д; полный текст разговора помещен в приложении. В. В.

жением высказать ему мой взгляд на три варианта, намечаемых самим Керенским: первый вариант—уход Керенского из состава правительства, второй—участие Керенского в составе правительства и, наконец, третий—предложение мне принять диктатуру с объявлением таковой нынешним Временным правительством. Я заявил, что, по моему глубокому убеждению, я единственным исходом считаю установление диктатуры и объявление всей страны на военном положении. Я просил Львова передать Керенскому и вам, что участие вас обоих в составе правительства считаю безусловно необходимым, просил передать мою настойчивую просьбу приехать в ставку для принятия окончательного решения... Вчера вечером, во время разговора с министром-председателем по аппарату, я подтвердил переданное через Львова. Я глубоко убежден, что совершенно неожиданно для меня решение правительства принято под давлением С. Р. и С. Д. Уходить под давлением этих людей со своего поста я считаю равносильным уходу в угоду врагу с поля битвы. Поэтому, в полном сознании своей ответственности перед страной, перед историей и своей совестью, твердо заявляю, что в грозный час, переживаемый родиной, я со своего поста не уйду».

В ответ Савинков поспешил реабилитировать себя в том, что он собирался разгонять Советы. Он говорил: «...Считаю долгом для восстановления исторической точности заявить, что я по поручению министра-председателя просил у вас конный корпус для обеспечения проведения в жизнь военного положения в Петрограде и для подавления всяких попыток возмущения против Временного правительства, откуда бы они ни шли».

Вторым начал уговаривать и осведомлять Корнилова Маклаков. Он сказал: «В передаче Львова ваше предложение было понято здесь, как желание насильственного государственного переворота. Глубоко рад, что это, повидимому, недоразумение, вы недостаточно верно осведомлены в политическом настроении, такая попытка была бы несчастьем России, повела к гибели армии, резне офицеров и победе Вильгельма. Необходимо принять все меры ликвидировать все недоразумения без соблазна и огласки. Вы недостаточно

в курсе, что здесь происходит; если мог бы быть полезным, охотно приеду в ставку». В ответ Корнилов заявил: «...Я охотно встретился бы с вами, с Керенским и с Савинковым здесь, в ставке, и думаю, что недоразумение могло бы быть устранено при личных объяснениях. Только полагаю, что при существовании последней телеграммы о моем отозвании почва для благополучного исхода вряд ли благоприятна».

Таким образом, разговор по прямому проводу с Корниловым, окончившийся в седьмом часу, не дал желательных результатов. В это время объявление Керенского населению о событиях уже было сдано на телеграф. Однако, сторонники замять дело с Корниловым не сдавались, к ним присоединились Терещенко и приехавший Алексеев, и в кадетской прессе появилось сообщение, что во Временном правительстве намечается возможность мирного исхода конфликта с генералом Корниловым.

Между тем, отказавшись сдать должность, Корнилов 27-го августа начинает энергичную кампанию против Петрограда. В войска, шедшие к Петрограду, на ст. «Дно», Багратиону была послана следующая телеграмма: «Главковерх приказал комкорам 3 конного, начдивам 1 Уссурийской Донской и туземной дивизии высадиться между ст. «Гатчина» и ст. «Александровская», и в конном строю двигаться к Петрограду в полном боевом порядке к Нарвской, Московской и Невской заставам. В случае обстоятельств, мешающих выполнению плана, главковерх приказал старшему генералу в чине принять на себя командование корпусами и дать бой войскам Временного правительства». В ответ генерал Багратион телеграфирует начальнику штаба верховного главнокомандующего: «27 августа, 24 часа, погрузка дивизии и отправление эшелонов продолжаются. 3 эшелона уже находятся в пути. Сейчас... получено распоряжение: прекратить отправку эшелонов. Телеграмму эту не исполняю, продолжаю отправку эшелонов».

На бланке этой телеграммы, полученной в ставке, рукою ген. Корнилова сделана надпись: «Продолжать насколько возможно по жел. дор. далее до Луги походным порядком». В этот же день Керенский послал в ставку телеграмму, где

пишет: «Приказываю все эшелоны, следующие на Петроград и в его район, задерживать и направлять в пункты прежних последних стоянок»... Однако, на бланке этой телеграммы, полученной в ставке, имеется надпись генерала Корнилова: «Приказания этого не исполнять, двигать войска к Петрограду».

28-го августа Корнилов послал следующую телеграмму: «Новочеркасск, генералу Каледину. Керенский разослал по всем жел. дор. телеграмму, что я смещен с должности главковерха, на мое место назначен Клембовский с местопребыванием в Пскове. Я отказался сложить с себя обязанности верховного главнокомандующего. Деникин и Валуев идут со мною и послали протест Временному правительству по поводу смещения. Клембовский решил по получении официального извещения правительства о своем назначении отказаться от него. Если вы поддерживаете меня со своими казаками, то телеграфируйте об этом Временному правительству и копию мне».

И действительно, от Деникина Керенским была получена телеграмма, где он писал: «16 июля на совещании с членами Временного правительства я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши боевые знамена. Оставление свое на посту главнокомандующего я понял тогда, как сознание Временным правительством своего тяжкого греха перед родиной и желание исправить содеянное зло. Сегодня получил известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие еще спасти страну и армию, смещается с поста главковерха. Видя в этом возвращении власти на путь планомерного разрушения армии, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду». Одновременно генерал Щербачев и генерал Валуев [1]) телеграфировали Керенскому, что протестуют против смещения генерала Корнилова, разделяют меры, им предложенные. Аналогичные телеграммы послали генерал Ванновский, Эльснер,

[1]) Щербачев главнокомандующий румынского фронта, Валуев главнокомандующий западного фронта. В. В.

Селивачев, Черкасов и Каменский. Измена генералов разрасталась. 28 августа Керенский послал (в 11 ч. 40 м. утра) телеграмму главнокомандующему северным фронтом Клембовскому следующего содержания: «Временным правительством вы назначаетесь врем. исполняющ. должность верховного главнокомандующего с оставлением вас в Пскове и с сохранением должности главноком. северн. фронта. Предлагаю вам немедленно принять должность от генерала Корнилова и немедленно мне об этом донести». В ответ Клембовский телеграфировал, что отказывается принять на себя должность верховного главнокомандующего, «считая перемену верховного командования крайне опасной».

В этот же день Корнилов послал в Псков Клембовскому следующую телеграмму: «Прошу генерала Клембовского прибыть в ставку немедленно. Связь Пскова с Петроградом приказываю порвать». И хотя Клембовский в ставку не приехал, но телеграфировал начальнику штаба генералу Корнилову: «На телеграмму военмина о том, чтобы задержать и направить все эшелоны конных частей перевозимых Петроград в Нарву. Я ответил, что эти части, как составляющие резерв главковерха, мне не подчинены, и перевозка совершается по его, а не моему распоряжению».

Керенский пытался тогда же предложить должность верховного главнокомандующего еще и генералу Алексееву, но последний, считая, что вообще «смена в такие минуты верховного главнокомандующего может гибельно отозваться на самом существовании армии», по его показаниям: «решительно отказался от принятия должности верховного главнокомандующего, высказав свое убеждение, что дело нужно закончить выяснением недоразумения, соглашением и оставлением генерала Корнилова в должности»...

Таким образом, главнокомандующие всех фронтов [2]) и, кроме того, ряд наиболее влиятельных генералов выступили солидарно с Корниловым. К Петрограду, из которого были только-что выведены все революционные войска, шли войска Корнилова, и уже заняли все подступа с юга. Официаль-

---

1) См. карту в приложении. В. В.

2) Кроме главнокомандующего кавказским фронтом ген. Пржевальского.

ные донесения от 28 августа о движении корниловских войск к Петрограду были весьма неутешительны.

В самом Временном правительстве часть его членов принимала все меры, чтобы побудить Керенского примириться с Корниловым. Положение Керенского казалось безнадежным, и ставка наглела. 28 августа командующий войсками Петрограда генерал Васильковский получил следующий уль-

тиматум от Корнилова: «При объявлении Петрограда с его окрестностями на военном положении и при подчинении мне Петроградского округа войска, составляющие гарнизон Петрограда, не были подчинены мне. В настоящую грозную минуту, дабы избежать напрасного кровопролития, предписываю вам с вверенными вам войсками подчиниться генералу Крымову и исполнить все его приказания». Такое же требование Корнилов послал Верховскому—командующему

войсками Московского военного округа. «В настоящую грозную минуту, дабы избежать междоусобной войны и не вызвать кровопролития на улицах Первопрестольной, предписываю вам подчиниться мне и впредь исполнять мои приказания».

А начальник дипломатической канцелярии при ставке Г. Н. Трубецкой послал министру иностранных дел в Петроград телеграмму [1]), где, уверенно предсказывая победу Корнилова, уже цинично обещал народным массам «удар хлыста». Телеграмма была предварительно одобрена Корниловым, она гласила: «Трезво оценивая положение, приходится признать, что весь командный состав, подавляющее большинство офицерского состава и лучшие строевые части армии пойдут за Корниловым. На его сторону станет в тылу все казачество, большинство военных училищ, а также лучшие строевые части. К физической силе следует присоединить превосходство военной организации над слабостью правительственных органов, моральное сочувствие всех несоциалистических слоев населения, а в низах растущее недовольство существующими порядками, в большинстве же народной и городской массы притупившееся ко всему равнодушие, которое подчиняется удару хлыста. Нет сомнения, что громадное количество мартовских социалистов не замедлит перейти на сторону их»... Далее телеграмма зовет Керенского, Савинкова и др. приехать в ставку для переговоров с Корниловым о твердой власти.

По свидетельству Деникина, многие иностранные военные представители—особенно британский,—являлись к Корнилову в дни его открытой борьбы с правительством с искренним пожеланием успеха. А весь дипломатический корпус Антанты с Бьюкененом во главе предложил Керенскому свои услуги по примирению с Корниловым, вручив ему 28-го августа следующую декларацию: «Представители союзных держав собрались, под председательством сэра Джорджа Бьюкенена, для обсуждения положения, создавшегося в связи с конфликтом между Временным правительством и генералом Корниловым... Они считают главной своей задачей под-

1) № 262.

держание единения всех сил России в целях победоносного продолжения войны. В виду этого, они единогласно заявили, что в интересах гуманности и желания устранить непоправимые бедствия, предлагают свои добрые услуги в единственном стремлении служить России и ее союзникам».

Биржа ответила на известие о заговоре Корнилова повышением всех ценностей. Милюков вместе с ген. Алексеевым явился 28 августа к Керенскому, настойчиво требуя примирения с Корниловым. Керенский сообщает об этом посещении [1]): «Пока Корнилов не оказался совершенно в безвоздушном пространстве, до последней минуты была масса сторонников компромисса или, вернее сказать, сдачи позиций Корнилову, и Милюков заявил ему тогда, что «я (Керенский. В. В.) должен понимать, что вся реальная сила на стороне Корнилова». Сам Милюков об этой своей беседе с Керенским в «Истории 2-й русской революции» пишет [1]): «Милюков говорил... что мятеж большевиков грозил воцарением полной анархии, тогда как планы Корнилова имеют целью спасти Россию от окончательного распада».

По этому поводу в своем показании ген. Алексеев говорит следующее: «Так как представлялось весьма вероятным, что в этом деле ген. Корнилов действовал по соглашению с некоторыми членами Временного правительства, и что только последние дни 26—28 августа это соглашение или было нарушено, или народилось какое-то недоразумение, то в 3 часа дня, 28-го августа, Милюков и я отправились еще раз к министру-председателю, чтобы сделать попытку склонить его к командированию в Могилев нескольких членов правительства и Милюкова для выяснения соглашения, или уже, в крайнем случае, к продолжению переговоров по аппарату Юза. Но в этом нам было решительно отказано»... Далее, продолжая излагать свою беседу с Керенским, Милюков пишет: «Совершенно неожиданно Керенский заявил тогда: «Я не могу лично вести переговоры с Корниловым, но если какая-нибудь группа общественных деятелей считает, что она имеет за собою силу, в таком

---

[1]) Дело Корнилова, стр. 142, 238.

[2]) Стр. 250—254.

случае я готов уступить этим лицам власть, и пусть уже тогда они ведут переговоры с Корниловым»... Допуская возможность, что предложение Керенского не случайное, П. Н. Милюков по окончании беседы передал о предложении Керенского своим политическим друзьям в Зимнем дворце, и указал на ген. Алексеева, как на такого заместителя Керенского, против которого ген. Корнилов бороться не будет. Когда эта идея была передана Керенскому, он возразил, что генерал Алексеев все время молчал при беседе и что он, наверное, не примет кандидатуры. Чтобы устранить возможность такого возражения, П. Н. Милюков тотчас же (это было около 6 час.) взял автомобиль и съездил к генералу Алексееву, помещавшемуся в отдельном вагоне на Царскосельском вокзале. Ген. Алексеев дал свое согласие, причем обменялся мыслями с П. Н. Милюковым относительно способа улажения дела с ген. Корниловым. С этими сведениями П. Н. Милюков вернулся в квартиру Ф. А. Головина, в которой тогда квартировал Ф. Ф. Кокошкин.

Как-раз в это время начиналось заседание бывших министров—на этот раз в полном составе, вместе с окончательно ушедшими членами партии народной свободы. Только-что приехавший из Москвы по вызову Керенского Н. М. Кишкин прошел прямо на заседание, но П. Н. Милюков переслал ему записку о своих сношениях с ген. Алексеевым. Об этом был подробно осведомлен и Ф. Ф. Кокошкин.

Вернувшись поздно ночью с заседания, Кокошкин и Кишкин сообщили о нем приблизительно те же сведения, которые были потом изложены Ф. Ф. Кокошкиным в «Р. Ведомостях» (1-го сентября).

«Во время этого совещания были получены особенно тревожные сведения относительно продвижения корниловских войск. В связи с этим были высказаны различные предположения о том, как надлежало бы построить в таких обстоятельствах правительственную власть. С. Н. Прокоповичем была высказана мысль о создании директории. Была далее высказана тут и встречена сочувствием правой и левой части мысль о передаче власти генералу Алексееву. С этого момента имя генерала Алексеева называлось уже при всякого рода комбинациях реорганизации власти, и он наме-

чался на различные посты. Ф. Ф. Кокошкиным была высказана мысль о том, чтобы в настоящих тягостных условиях ген. Алексеев был поставлен во главе правительства. Один из министров-социалистов высказал мнение, что, может-быть, надлежит вступить в переговоры с ген. Корниловым для предупреждения гражданской войны. Были голоса и за то, что представлялось бы целесообразным, чтобы А. Ф. Керенский в таких условиях сложил с себя власть. Один из министров признавал положение безвыходным, так как через несколько часов корниловские войска, вероятно, уже будут в Петрограде. Никакого определенного решения в этом совещании (ведь, это было «частное» совещание отставных министров) принято не было. К сообщенному здесь Ф. Ф. Кокошкин в разговоре со мной прибавлял и другие интересные черты о вечернем заседании 28-го августа. Предложение об уступке власти кому-либо другому сделано было самим Керенским с прямой ссылкой на его беседу с П. Н. Милюковым. Открытых сторонников сохранения им власти в заседании не оказалось. Напротив, ряд министров высказался в пользу его ухода. А. С. Зарудный подверг при этом весьма резкой критике все поведение Керенского в деле Корнилова. Как кажется, именно он закончил предложением войти в переговоры с Корниловым. Мнение о безвыходности положения принадлежало Н. В. Некрасову. Вероятно, в этом же заседании и Терещенко высказал мнение, о котором вспоминает Керенский в своих показаниях (стр. 152): «Это дело надо ликвидировать так, чтобы обоих за штат отправить, и Керенского и Корнилова, удовлетворив обе стороны взаимным жертвоприношением». Кандидатура ген. Алексеева в премьеры поддерживалась несколькими членами бывшего кабинета, и у Ф. Ф. Кокошкина осталось впечатление, что если бы состоялось голосование, то за Алексеева могло бы оказаться в этом совещании большинство голосов... Но тут «частное совещание» было прервано. А. Ф. Керенский спросил после него мнение Некрасова, обещавшего лишь двое суток назад итти с ним «до конца» и форсировавшего положение, приведшее к гражданской войне. Увы, самая поза Некрасова свидетельствовала о его душевном состоянии. Он лежал на диване и угрюмо молчал. Принужденный

отвечать определенно, он не присоединился к тем, кто советовал Керенскому уйти»...

Таким образом, Керенский встретил такое бешеное сопротивление в своей попытке разделаться с Корниловым со стороны буржуазных кругов и их партий, что начал колебаться.

Впоследствии, в своих показаниях по поводу положения Петрограда 28 августа, он писал, что день 28 августа был как-раз временем наибольших колебаний, наибольших сомнений в силе противников Корнилова, наибольшей нервности...

Однако, еще с 27 в события властно вмешался «некий третий», которого не приняли пока во внимание буржуазные заговорщики. «Некий третий»—был питерский пролетариат и партия большевиков, им руководившая.

Узнав о заговоре, Ц. К. и П. К. (большевиков) обратились со следующим воззванием-листовкой к населению:

«Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда.

Контр-революция надвигается на Петроград. Предатель революции, враг народа, Корнилов ведет на Петроград войска, обманутые им. Вся буржуазия, во главе с партией кадетов, которая непрестанно сеяла клевету на рабочих и солдат, теперь приветствует изменника и предателя и готова от всего сердца аплодировать тому, как Корнилов обагрит улицы Петрограда кровью рабочих и революционных солдат, как он руками темных, обманутых им людей задавит пролетарскую, крестьянскую и солдатскую революцию. Чтобы облегчить Корнилову расстрел пролетариата, буржуазия выдумала, что в Питере будто бы восторжествовал мятеж рабочих. Теперь вы видите, что мятеж поднят не рабочими, а буржуазией и генералами и во главе с Корниловым. Торжество Корнилова—гибель воли, потеря земли, торжество и всевластие помещика над крестьянином, капиталиста—над рабочим, генерала—над солдатом.

Временное правительство распалось при первом же движении корниловской контр-революции. Это правительство, корому часть демократии неоднократно выражала свое доверие, которому она вручила всю полноту власти,—это правительство оказалось не в состоянии исполнить свою первую и прямую задачу: задавить в корне генеральско-буржуазную

контр-революцию. Поиски соглашения с буржуазией ослабили демократию, разожгли аппетиты буржуазии, дали ей смелость решиться на открытое восстание против революции, против народа.

Спасение народа, спасение революции в революционной энергии самих пролетарских и солдатских масс. Только своим силам, своей дисциплинированности, своей организованности можем мы доверить. Мы доверяем руководство решительной борьбой за спасение всей революции, ее завоеваний и ее будущего той власти, которая безоговорочно, беззаветно, всецело возьмет на себя проведение в жизнь требований пролетарской и солдатско-крестьянской массы. Только эта власть спасет революцию, спасет от наступления контр-революции, спасет ее, несмотря на колебания, шаткость, бесхарактерность колеблющейся части демократии.

Население Петрограда! На самую решительную борьбу с контр-революцией зовем мы вас. За Петроградом стоит вся революционная Россия.

Солдаты! Во имя революции—вперед, против генерала Корнилова!

Рабочие! Дружными рядами оградите город революции от нападения буржуазной контр-революции!

Солдаты и рабочие! В братском союзе спаянные кровью февральских дней, покажите Корниловым, что не Корниловы задавят революцию, а революция сломит и сметет с земли попытки буржуазной контр-революции.

Во имя интересов революции, во имя власти пролетариата и крестьянства в освобожденной России и во всем мире—дружной семьей, сплоченными рядами, рука-об-руку, все, как один человек, встретьте врага народа, предателя революции, убийцу свободы!

Вы смогли свергнуть царизм,—докажите, что вы не потерпите господства ставленника помещиков и буржуазии—Корнилова!

Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (большевиков).

П. К. Р. С.-Д. Р. П. (большевиков).

Военная Организация при Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Центральный Совет Фабрично-Заводских Комитетов.

Большевистская фракция Петроградского и Центрального Советов Р. и С. депутатов».

В ответ на воззвание в рабочих районах все пришло в движение. Рабочие вооружались. Создана была правильная связь с партийными и революционными центрами (большевиков). «Решимость питерского пролетариата защищать дело революции не знает пределов», писал в те дни орган Ц. К. (большевиков) «Рабочий».

Не имея под руками на кого опереться, Керенский обратился еще 27 августа к большевикам с просьбой повлиять на солдат встать на защиту революции. Ночью, 27 августа, состоялось заседание делегатов почти всех воинских частей, входящих в состав военной организации большевиков. На нем решено было требовать ареста всех заговорщиков и их смертной казни, создать революционную власть рабочих и солдат, вооружить рабочих и организовать для них инструкторов из солдат. Передать дело защиты революционной столицы солдатским организациям и т. д.

Одновременно поднялся весь Кронштадт, Совет взял на себя организацию дела борьбы с контр-революцией и прислал, по призыву большевиков, в Петроград 2 тысячи кронштадтцев, а также телеграмму во В. Ц. И. К., где заявлял, что «весь кронштадтский гарнизон, как один человек, готов по первому призыву В. Ц. И. К. стать на защиту революции и все свои боевые силы предоставляет в распоряжение В. Ц. И. К.». Далее телеграмма требовала освобождения арестованных кронштадтцев за июльские дни.

Состоялись колоссальные митинги на заводах. Весь Путиловский завод постановил по первому призыву организации большевиков и Совета выступить на борьбу с контрреволюцией. 6-тысячный митинг в цирке «Модерн» и на Обуховском заводе требовали перехода власти к Советам, выпуска арестованных большевиков и выражали готовность немедлено выступить против Корнилова и его пособников. Общее собрание рабочих и служащих Петроградского механического завода 28 августа, в количестве 8.000 чел., вынесло резолюцию о создании единой, решительной, революционной власти, о вооружении рабочих, о реквизиции типографий буржуазных газет, об освобождении арестован-

ных революционеров. Аналогичная резолюция была принята вечером на митинге 6-го саперного, Преображенского, Волынского и Литовского полков, в числе 2.500 чел., но в еще более решительных тонах—с требованием ареста всех заговорщиков и кадетов с их штабом, Ц. К. партии к.-д., роспуска Государственной Думы, ареста ее контр-революционных сил и проч.

В то же время представители большевиков потребовали от меньшевиков, чтоб была выяснена позиция Керенского: или он откажется от колебаний в сторону Корнилова, или он будет арестован. В этом смысле растерявшиеся руководители В. Ц. И. К., в лице Церетелли, стремились воздействовать на Керенского в течение 27 и 28 августа.

Под влиянием этого воздействия Керенский, несмотря на настояние большинства министров, на частном заседании членов Временного правительства в ночь на 29 августа отказался передать власть Алексееву. Милюков пишет, что «Керенский колебался недолго—в соседней комнате его ждала депутация от Совета Р. и С. Д.»... Надо полагать, что это была депутация не от Совета, а от Комитета по борьбе с контр-революцией. Богданов[1]) на заседании Петроградского Совета 31 августа так рассказывает об этом моменте: «Когда Временное правительство заколебалось, и на сцену выступили посредники в роде Милюкова и ген. Алексеева, Комитет проявил всю свою энергию, чтобы воспрепятствовать каким бы то ни было соглашениям».

«Под этим давлением правительство прекратило переговоры и отказалось от всяких предложений Корнилова». Военный отдел Комитета, «убедившись, что штаб может не справиться со своей задачей, и стремясь обеспечить успех в борьбе правительства над контр-революцией, счел необходимым вмешаться в действия штаба и действовать вместе с ним». В Петрограде, не обращая внимания на формальную сторону дела, были закрыты 4 газеты, произведены аресты и обыски в гостинице «Астория» и т. д.

Под давлением снизу, в виду определенного отказа Корнилова сдать власть, в газетах 28 августа появляется ряд

---

[1]) Член В. Ц. И. К.

решительных правительственных воззваний по поводу Корнилова. Опубликован следующий приказ по войскам Петрограда:

«Восставший на власть Временного правительства бывший верховный главнокомандующий ген. Корнилов, заявлявший о своем патриотизме и верности народу, в своих телеграммах теперь на деле показал свое вероломство. Он взял полки с фронта, ослабив его сопротивление нещадному врагу— германцу, и все эти полки отправил против Петрограда. Он говорит о спасении родины—и сознательно создает братоубийственную войну. Он говорит, что стоит за свободу,—и посылает на Петроград туземные дивизии. Товарищи, час испытаний вашей верности свободе, революции наступил, и, в сознании святости выполняемого долга перед родиной, встретьте стойко и славно ваших, обманутых ген. Корниловым, бывших товарищей по армии. Пусть увидят они перед собой истинно-революционные полки, непременно решившиеся защищать правительство революции, и пусть, пока не поздно, поймут и устыдятся того дела, на которое их преступно послали. Если же не поймут, я, ваш министр, уверен, что вы без страха до конца исполните свой великий долг. Подписано: министр-председатель, военный и морской министр Керенский».

А 29 августа Савинков, как ген.-губернатор, обратился с воззванием к населению, где он пишет: «Граждане, в грозный для отечества час, когда противник прорвал наш фронт и пала Рига, ген. Корнилов поднял мятеж против Временного правительства и революции, и стал в ряды их врагов»... Далее он, как ген.-губернатор, призывает население к спокойствию и заявляет: «Со всяким, посягающим на завоевания революции, кто бы он ни был, будет поступлено, как с изменником».

Еще ранее, 27 августа, военный отдел Петроградского Совета, получив известие о движении корниловских войск, приказал своею властью разобрать железнодорожный путь у Луги. Путь был разобран ранее, чем пришел об этом приказ от Временного правительства. Об истории этого приказа, Некрасов в своих показаниях сообщает: «27 августа, около часу дня, я получил распоряжение министра-

председателя остановить движение всех направлявшихся в Петроград эшелонов и не исполнять могущих быть по этому поводу распоряжений Корнилова. Министр путей сообщения Юренев отказался привести это распоряжение в исполнение и заявил, что передаст управление министерством Ливеровскому. Часов около 3-х дня Ливеровский уведомил меня по телефону, что туземная дивизия захватывает силой паровозы, и что при таких условиях остановить движение эшелонов можно только при помощи порчи пути или устройства искусственного крушения. Я доложил об этом Керенскому и по его приказанию передал Ливеровскому, чтобы он не останавливался ни перед какими мерами, но добился бы остановки движения «корниловских» войск. После этого пути около Семрино, Преображенской и Ямбурга были разобраны. Таким образом, движение войск было остановлено в ночь на 29 августа».

28 августа Керенский послал начальника по всем жел. дор. тыла, фронта и дор. комитетам телеграмму, где пишет: «От имени Временного правительства приказываю никаких распоряжений бывш. верховного главнокомандующего генерала Корнилова, изменившего родине, открыто восставшего против Временного правительства, не исполнять»... И затем следующее воззвание: «Железнодорожники, судьба России в ваших руках. Вы помогли в свое время свергнуть старую власть. Вы должны отстоять завоевания революционной России от темных посягательств военной диктатуры. Ни один приказ, исходящий от ген. Корнилова, не должен быть вами исполнен. Будьте бдительны и осторожны, творите единственно волю Временного правительства, волю всего народа русского. Министр-председатель Керенский».

В ответ Корнилов посылает свою телеграмму всем начальствующим лицам по всем линиям железных дорог тыла и фронта и дорожным комитетам:

«От министра Керенского разослана вам телеграмма с распоряжением не исполнять моих приказаний и распоряжений моих агентов, как изменников родины. В беспредельной любви к гибнущей родине я решился оставаться верховным главнокомандующим и вырвать наше отечество из рук продажных большевиков, заседающих в Петрограде.

Корниловских агентов нет, со мной идут те, кому дороги честь и свобода родины России, и изменники не среди нас, а там, в Петрограде, где за немецкие деньги, при преступном попустительстве власти, продавалась и продается Россия.

Решив жизнь свою пожертвовать для спасения родины, я требую беспрекословного исполнения моих приказаний и распоряжений и предупреждаю, что всякое неподчинение буду рассматривать, как измену святому делу спасения родины и ее свободы, и буду карать беспощадно. Верховный главнокомандующий, генерал Корнилов. 28/VIII—1917 г.».

На телеграмме, посланной Корниловым, была сделана следующая надпись:

«Объявляю настоящую телеграмму к руководству, в спокойной уверенности, что железнодорожники исполнят свой долг для спасения родины. Товарищ министра путей сообщения, генерал Кисляков» [1]).

Но железнодорожники не проявили сочувствия Корнилову, и в течение ночи на 29 августа уже начали поступать сведения, что разрушение железнодорожного пути достигло цели, и что движение корниловских войск к Петрограду решительно затормозилось. Таким образом, был нанесен первый, весьма существенный урон победоносным ликованиям контр-революционеров. Главная заслуга в этом принадлежит не запоздалым воззваниям и приказаниям правительства Керенского, а всероссийскому ж.-д. союзу, сконструировавшемуся почти накануне корниловщины.

Ц. К. ж.-д союза, при новых известиях о мятеже, выделил из своей среды особое бюро по борьбе с заговором. Занявшие дежурства на телеграфных станциях и находившиеся все время в непрерывном контакте друг с другом, члены бюро непосредственно руководили разборкой рельсовых путей, преграждая корниловцам подступы к Петрограду...

Теперь вернемся несколько назад к тому моменту, когда ночью, 26-го августа, все министры подали в отставку, и остались лишь в качестве управляющих ведомствами. Как

---

[1]) Кисляков в это время был в ставке. По полученному из Петрограда телеграфному сообщению, он был врем. прав. от своей должн. отстранен.

мы знаем, в течение всего 27 и в ночь на 28 августа, совместно с представителями В. Ц. И. К. обсуждался вопрос о реконструкции правительства. В результате было вынесено решение о создании директории из 5-ти лиц, которые получают всю полноту власти в государстве. В число директории намечались Керенский, Некрасов и Терещенко, и к ним предположительно хотели присоединить Савинкова и Кишкина или Скобелева. В. Ц. И. К., заседавший также всю ночь, согласился на образование директории и вынес резолюцию, которая гласила:

«Предоставляя тов. Керенскому формирование правительства, центральной задачей которого должна явиться самая решительная борьба с заговором ген. Корнилова, Центральный Исполнительный Комитет С. Р. и И. К. С. Кр. Д. обещает правительству самую энергичную поддержку в этой борьбе».

«Рабочий» писал: «В рабочих кварталах вызвало бурю негодований известие о том, что В. Ц. И. К. снова затеял канитель соглашательства с буржуазией, высказавшись за сохранение коалиционного правительства... Наша буржуазия все сделала, чтобы прямо подготовить корниловский поход. Наши соглашатели все сделали, чтобы расчистить ему дорогу Петербург. Что же они делают теперь? Попрежнему ведут сделки, хотят сделать уступки... Образуют директорию, в которую уже вошли скрытые к.-д.—Терещенко и Некрасов, и куда усиленно зовут явного к.-д. Кишкина»...

На вечеренем заседании В. Ц. И. К. от 27 августа, было также утверждено предложение о создании комитета для борьбы с контр-революцией.

Комитет состоял из 3-х представителей от большевиков, 3 от меньшевиков и 3 от с.-р. и нар. соц., по 5 человек от В. Ц. И. К. и от И. К. С. Кр. Д., 2 от Центрального Совета Профсоюзов и 2 от Петроградского Совета (1 от рабочей секции и 1 от солдатской), впоследствии в него был допущен 1 представитель от Кронштадта.

К этому комитету фактически и перешла в руки борьба с Корниловым, так как Керенский в этой борьбе в дальнейшем вел себя пассивно, а назначенные им должностные лица, вместе с петроградским командованием, не только са-

ботировали, но и преднамеренно мешали этой борьбе. Об истории возникновения комитета борьбы с контр-революцией тов. Подвойский сообщил[1]), что когда вспыхнуло восстание, то меньшевики, несмотря на бахвальство отдельных своих представителей, увидели, что они представляют только самих себя. За большевиками шел весь петроградский пролетариат, в руках большевистской военной организации находились все связи с оставшимся гарнизоном.

В течение ночи 27 августа и на следующий день военная организация большевиков организовала специальные митинги в ряде войсковых частей по поводу похода Корнилова на Петроград. Солдаты этих частей заявили, что они будут стоять под ружьем и по первому требованию выступят на защиту революции.

На всех фабриках и заводах шли также митинги, где слушали только большевиков. Эти собрания и в количественном, и в качественном отношении наглядно показали оборонцам, что без большевиков борьба с Корниловым невозможна. Тотчас, как только Петроградский И. К. узнал о заговоре, им было созвано 27 августа заседание из представителей солдатской секции военного отдела Совета, большевистской военной организации, эсеровской военной организации, представителей фабрично-заводских комитетов, представителей некоторых районных советов и т. д. На заседании большевики сблокировались с левыми эсерами, и Ц. К. партии большевиков предъявил через свою фракцию ультиматум меньшевикам—передать защиту Петрограда военной организации большевиков, при чем командование обороны поручить тов. Подвойскому[2]). Однако, меньшевики, которых на заседании было большинство, на это не согласились и решили организовать комитет по борьбе с контр-революцией, состав которого и был утвержден на заседании В. Ц. И. К. этим же вечером (см. выше).

---

[1]) В информационной беседе со мной. В. В.

[2]) В это время тов. Подвойский был председателем бюро военной организации большевиков. Бюро, стоявшее во главе военной организации, состояло из 9 человек: Подвойский, Крыленко, Невский, Размирович, Дашкевич, Механошин и другие. В. В.

Большевики решили направить в комитет от себя, главным образом, членов военной организации. Так и было, за исключением тов. Подвойского, которого туда не пустили. Как только была выдвинута его кандидатура, меньшевики заявили, что Подвойский руководил июльским восстанием, его разыскивают военные власти, чтобы арестовать, и ввести его в комитет—значило бы нарушить юридические нормы. Однако, в комитет, за исключением тов. Подвойского, были допущены представители военной организации в лице тов. Невского и друг. (Дзержинский)

Фактически же,—сообщает далее тов. Подвойский,—дело защиты Петрограда перешло в руки военной организации большевиков, а комитет борьбы с контр-революцией был поставлен в роль исполнителя, при чем исполнителя бессильного что-нибудь сделать против плана большевиков, так как, в случае надобности, военная организация давила на них непосредственно солдатскими массами и фабриками... План военной организации заключался в том, чтобы вооружить как можно большее количество рабочих, выдвинув на позиции свои полки, поднять, главным образом, свои районы: Выборгский, Нарвский и Московский.

На первом же заседании комитета народной борьбы с контр-революцией от 28 августа, большевики потребовали выдачи рабочим оружия, и комитет постановил: признать желательным вооружение отдельных групп рабочих для охраны рабочих кварталов, фабрик и заводов, под ближайшим руководством советов и под контролем комитета. В случае необходимости, группы эти вливаются в действующие воинские части и всецело подчиняются общему военному командованию.

В этот же день состоялось междурайонное совещание советов, которое постановило: 1) включить представителей междурайонного совещания в состав комитета борьбы с контрреволюцией, а также во все технические центры при комитете; 2) объявить междурайонное совещание беспрерывным и действующим в контакте со всеми революционными центрами в Петрограде; 3) создать немедленно же рабочую милицию, действующую согласно особой инструкции, вооруженную под политической ответственностью междурайонного совещания и районных

советов, для чего немедленно приступить к составлению списка революционных рабочих согласно особой инструкции; 4) установить над действиями комиссаров (Керенского. В. В.) непосредственный контроль районных советов, для чего командировать в соответствующие управления представителей совета; 5) комендантами назначить по возможности членов совета; 6) организовать летучие отряды для задержания контр-революционных агитаторов; 7) все распоряжения районным советам должны проходить через междурайонное совещание; 8) установить во всех районах тесный контакт районных советов с районными думами, и 9) предоставить средства передвижения районным советам и междурайонному совещанию.

Создание рабочей милиции было легализацией ячеек Красной гвардии, которые существовали на каждом заводе и после июльских дней ушли в подполье. В первые же дни в Красную гвардию (милицию) записалось до 25.000 чел. [1]).

По районам шла усиленная организация боевых рабочих отрядов. «Стоят целые хвосты чающих стать в ряды боевой гвардии рабочего класса», писал «Рабочий». Начались инструкторские занятия—обучение ружейным приемам и правилам боевой стрельбы. Почти во всех рабочих районах в порядке революционной инициативы создан был институт районных комендантов. Во все районные участки милиции рабочими посланы выборные комиссары и т. д. В. И. Невский сообщает [2]), что как только комитет принял постановление о вооружении рабочих, тотчас было получено формальное постановление на получение оружия. А так как, в каждом полку большим влиянием пользовались ячейки большевистской военной организации, то в тот же день «мы взяли тысяч 20 винтовок, а к утру, к ужасу меньшевиков, наша Красная гвардия уже была вооружена. Были добыты не только винтовки, но и пулеметы. Это же подтверждает и доклад Чикоидзе на заседании рабочей секции Петроградского Совета. Он говорит, что когда комитет по борьбе с контр-революцией принял решение положить прочное основание рабочей милиции, то оказалось, что рабочие органи-

[1]) См. „Известия“ от 5 сентября 1917 г.

[2]) В информационной беседе со мной. В. В.

зации уже сами приступили к этой работе... В основание вооружения рабочей милиции было положено строгое выборное начало. В ней принимают участие все рабочие организации...

Затем, по призыву большевиков, в первый же день тысячи рабочих пошли рыть окопы около Петрограда и своим безвозмездным трудом выполнили в течение нескольких часов громадную работу, которая без их помощи потребовала бы несколько дней. Но еще важнее была та колоссальная агитационная работа, которую проделала партия большевиков в лице своих безымянных друзей в солдатских шинелях. Сотни агитаторов из Питера, Кронштадта, Гельсингфорса отправились в одиночку и делегациями вести пропаганду среди корниловских войск. По поводу огромной агитационной работы в войсках Корнилова, ген. Краснов, ехавший в Псков, обгоняя эшелоны корниловских войск, сообщает: «Почти всюду мы видели одну и ту же картину, где на путях, где в вагоне, на седлах... сидели или стояли драгуны и среди них юркая личность в солдатской шинели»...

Меньшевистские и эсеровские газеты в эти дни печатали поток противо-корниловских воззваний от В. Ц. И. К., Советов, партий и даже от министра Чернова. А профсоюзы развили самую энергичную деятельность. Профсоюз ж.-д. рабочих в корниловские дни принял ряд практических мер, как-то: вооружил рабочих, установил дежурства днем и ночью у телефонных аппаратов через членов местных комитетов; организовал «службу связи» местных комитетов с самим союзом, во все ближайшие места по линии, союзом, совместно с членами центральных дорожных комитетов рассылались люди для разбора и осмотра пути, охраны мостов и т. д. Петроградский профсоюз металистов ассигновал крупную сумму денег в пользу комитета по борьбе с контрреволюцией и отдал в распоряжение этого комитета весь свой обширный штат служащих. Профсоюз шофферов представил все свои перевозочные и технические средства для борьбы с контр-революцией. Профсоюз печатников вступил в эти дни контр-революции в энергичную борьбу с буржуазной и желтой печатью, предложив наборщикам прекратить набор этих газет, и т. д.

Если партия большевиков и рабочие, и солдаты в Петро-

граде развили в первые же дни корниловского выступления колоссальную энергию, то Временное правительство и командный состав старались всячески тормозить дело.

«Рабочий», на второй день выступления, писал: «Не будем же скрывать от себя опасности положения. Оборона Петрограда находится не в надежных руках революционных солдат и рабочих. Она в руках тех, которые сами всей своей контр-революционной политикой отогрели змею корниловского удара. Вот уже двое суток, как заговор открыт. Почему же не приведены в боевой порядок воинские части в Петрограде? Почему солдаты сидят без патронов? Почему не вооружены рабочие? Почему не созданы революционные рабочие батальоны?».

Позднее Верховский, на заседании бюро В. Ц. И. К. говорил: «В Петрограде в корниловские дни гарнизон был в таком состоянии, что достаточно было одной кавалерийской дивизии и одного тяжелого дивизиона для того, чтобы разогнать весь гарнизон»... И, действительно, на закрытом заседании представителей полковых комитетов и комиссаров, из речей выступавших делегатов и комиссаров полков выяснилось, что, когда полки были двинуты на позиции против Корнилова, то они оказались без винтовок, без патронов, не было автомобилей, пулеметов, кухонь, телефонов и т. д. Чернов по поводу этого говорил: «Во время корниловского мятежа, мы натолкнулись не только на итальянскую забастовку некоторой части офицерства — его саботаж, а, может-быть, и на нечто другое. (Голос с места: «Измена!»). И мы, вместо Зимнего дворца, могли очутиться в Петропавловке. Наше счастье в том, что даже туземные дивизии отказались повиноваться приказам корниловского генералитета»...

Но Временное правительство не собиралось искоренять или препятствовать провокации командного состава. Наоборот, Савинков, например, в своих показаниях откровенно заявляет, что «одновременно мною принимались меры и к тому, чтобы Петроград не оказался в руках большевиков... Так, я отдал распоряжение об отправке обратно в Кронштадт 2.000, прибывших самочинно в Петроград кронштадтских матросов, за исключением одной роты. Кроме того, я предлагал приступить к арестам большевиков, чего не успел исполнить

в виду моей отставки»... А 9 сентября даже оборонческие «Известия» жалуются: «На первом месте среди училищ по своей контр-революционности стоит Павловское военное училище. Это известно всем... В дни корниловского мятежа В. Ц. И. К. был назначен в Павловское училище комиссар. Была образована следственная комиссия для выяснения происходившего там. Комиссия обнаружила многое; обнаружила, что в корниловские дни юнкерам было выдано свыше 200.000 патронов, минометы, пулеметы, ручные гранаты. Но были вооружены только юнкера, окончившие кадетские корпуса и известные своей контр-революционностью, а юнкерам социалистам вооружения не было выдано. Обнаружила комиссия еще многое. Составила доклад, указала необходимые мероприятия, отправила в военное министерство, но... до сих пор все остается по-старому... Почему, например, начальник училища, генерал Вальберг, прислужник Николая Романова и ставленник Сухомлинова, не увольняется, несмотря на настояния следственной комиссии и комиссара В. Ц. И. К.? Почему остаются на местах остальные преподаватели училища, открытые контр-революционеры?..».

Между тем Корнилов, с легкой руки своего присяжного писаки Завойко, занимался в Могилеве литературным творчеством, выпуская одно воззвание за другим. 28 августа он выпустил сразу 3 воззвания. В первом воззвании он обращается к казакам и пишет: «Я обвиняю Временное правительство в нерешительности действий, в неумении и неспособности управлять, в допущении немцев к полному хозяйничанью внутри нашей страны, о чем свидетельствует взрыв Казани, где взорвалось около миллиона снарядов и погибло 12 тысяч пулеметов; более того, я обвиняю некоторых членов правительства в прямом предательстве родины и тому привожу доказательство: когда я был на заседании Временного правительства в Зимнем дворце 3-го августа, министр Керенский и Савинков сказали мне, что нельзя всего говорить, так как среди министров есть люди неверные... Казаки... Вы обещали встать вместе со мной... когда я найду это нужным. Час пробил... Я не подчиняюсь распоряжениям Временного правительства и... иду против него... Слушайтесь же и исполняйте мои приказания!».

Второе воззвание обращается к «народу» и кончается следующим заявлением: «Я перед лицом всего народа обращаюсь к Временному правительству и говорю: приезжайте ко мне в ставку, где свобода ваша и безопасность обеспечены моим честным словом, и совместно со мной выработайте и образуйте такой состав правительства народной обороны, который, обеспечивая победу, вел бы народ русский к великому будущему, достойному могучего, свободного народа».

И третье воззвание, озаглавленное «Приказ № 897», в подробных чертах рисует историю корниловского выступления. В нем говорится: «...По самым достоверным сведениям, в Петрограде готовилось вооруженное выступление большевиков. Имелись определенные указания на то, что они намереваются захватить власть в свои руки хотя на несколько дней... Видя бессилие Временного правительства... я решил подтянуть к Петрограду 4 кавалерийских дивизии... Решаясь на это, я лично не преследовал никаких честолюбивых замыслов... Я хотел в согласии с целым рядом лиц, пользующихся общественным доверием, и с целым рядом общественных организаций, стремящихся к спасению России, дать при помощи этих же видных общественных деятелей сильную власть... Выступление большевиков в Петрограде намечалось на 28—29 августа, а к 24 числу в Пскове, Великих Луках и на ст. «Дно» уже было сосредоточено три кавалерийских дивизии».

«24 августа ко мне в ставку прибыл управляющий военным министерством г. Савинков, который привез проект мероприятий Временного правительства, составленный на основании предъявленных мною требований, и заявил мне, что хотя эти мероприятия правительство и намеревается провести в ближайшие дни, но, вместе, с тем, оно сильно опасается, что это вызовет выступление в Петрограде и сильное противодействие со стороны безответственных организаций».

«Одновременно г. Савинков сообщил мне, что Временное правительство, в ожидании выступления большевиков, не уверено в своих силах и просит меня предоставить в его распоряжение кавалерийский корпус, который надлежит под-

везти к Петрограду. Временное правительство же со своей стороны предполагало по получении сведений о сосредоточении вышеуказанного корпуса немедленно объявить Петроград на военном положении... Я в тот же день отдал все распоряжения, необходимые для подавления возможного восстания в Петрограде»... (Дальнейшее описание событий в приказе совпадает с изложением их Корниловым в разговоре его по прямому проводу с Савинковым от 27 августа).

Одновременно со своим вождем, выступили с воззваниями главный комитет союза офицеров и союз георгиевских кавалеров[1]). А 29 августа опять появилось пространное воззвание Корнилова, где он опять объясняет причину своего выступления. Он пишет: «1) Взрыв в Казани, где погибло более миллиона снарядов и 12 тыс. пулеметов, произошел, при несомненном участии германских агентов. 2) На организацию разрухи рудников и заводов Донбасса и юга России Германией истрачены миллионы рублей. 3) Контр-разведка из Голландии доносит: а) на-днях намечается одновременно удар на всем фронте, с целью заставить дрогнуть и бежать нашу развалившуюся армию, б) подготовлено восстание в Финляндии, в) предполагаются взрывы мостов на Днепре и Волге, г) организуется восстание большевиков в Петрограде. 4) 3 августа в Зимнем дворце, на заседании совета министров, Керенский и Савинков лично просили меня быть осторожнее и не говорить всего, так как в числе министров есть люди ненадежные и неверные. 5) Я имею основания также подозревать измену и предательство в составе различных безответственных организаций, работающих на немецкие деньги и влияющих на работу правительства. 6) В связи с частью вышеизложенного и в полном согласии с управляющим военным министерством Савинковым, приезжавшим в ставку 24 августа, был разработан и принят ряд мер для подавления большевистского движения в Петрограде. 7) 25 августа ко мне был прислан министром-председателем член Гос. Думы Львов, и имела место историческая провокация»... Далее Корнилов пишет: «Должности верховного главнокомандующего я не сдал, да и некому ее сдать, так

---

1) Текст см. приложение. В. В.

как никто из генералов ее не принимает». Затем Корнилов призывает сплотиться на фронте против врага и уверяет, что он не контр-революционер.

Однако, даже в самом Могилеве у корниловцев обстояло далеко не все благополучно. 28 августа Корнилов объявил г. Могилев на осадном положении. Комендантом города назначен был Квашнин-Самарин. (В связи с этим вывешено обязательное постановление о введении военной цензуры, недопущении митингов и т. п.). Как только могилевский Совет узнал о выступлении Корнилова [1]), он тотчас перешел на нелегальное положение, его исполком «укрепился где-то в нелегальной квартире на Дубровенке» и повел самую энергичную работу совместно с большевиками. Они отпечатали 28 авг. в штабной типогр. под носом у текинцев, не понимавших по-русски, листовку. А в земской типографии всю ночь напролет шла на электро-моторе большая машина. На машине, дружески сверстанные в один сплошной набор, печатались четыре противокорниловских воззвания от советов, оборонцев и большевиков. Несколько тысяч их успели отпечатать и распространить. Когда утром в типографию ворвались корниловцы,—там с песнями рабочие оканчивали последнюю тысячу. Все, что нашли, забрали, наборщиков жестоко избили. Тогда рабочие унесли часть шрифта из земской типографии и продолжали печатать нужные воззвания в бараке военнообязанных.

В ночь на 28 августа «в георгиевском батальоне бешено работали большевики». На утро Корнилов сделал смотр войскам гарнизона [2]). Обратился с речью. Текинцы и ударники дружно его приветствовали. Но с георгиевцами вышел конфуз. Когда Корнилов спросил: «Пойдете ли за мной, молодцы-«кавалеры», батальон ответил молчанием, а когда он догадался переменить вопрос: «Пойдете ли защищать свободу

---

[1]) Дальнейший рассказ о Могилеве составлен мною по показаниям члена И. К. Могилева В. А. Дьяконова, следственной комиссии и по воспоминаниям Чернявского и Боборыкина, напечатан. в сборнике „Революционная борьба в Гомельской губернии,“ В. I, Гомель 1921 г.

[2]) Гарнизон Могилева заключал в себе до трех тысяч преданных Корнилову солдат и текинцев и до тысячи солдат георгиевского батальона, настроенных революционно.

и родину»,—ответили криком «ура». Затем исполком Могилева вошел в сношения с Гомелем и Оршей, куда дали указания, чтобы стоящие там войска «были на-готове, и по его требованию пришли бы к нему на помощь». Последними еще 27 августа было задержано несколько автомобилей с английскими офицерами, мчавшимися из Киева в Могилев на поддержку Корнилова.

Далее в ночь на 29 или 30 августа пришли в Могилев стоявшие вблизи его польские легионы. По сведениям, полученным исполкомом, последние решили не вмешиваться во внутренние дела России и, во всяком случае, решили не стрелять. То же решила и польская кавалерия, стоявшая в Рогачеве. Между прочим, И. К. задержал на станции проходивший через Могилев эшелон войск, ему было разъяснено положение, после чего он перешел на сторону Временного правительства.

Служащие учреждений помогали всем, чем могли. Так, в 2 часа дня, очевидно, 29 августа, в исполкоме была получена с радио следующая записка: «Окружен превосходными силами. Необходима срочная действительная помощь, иначе не отвечаю за дивизию. Крымов». Авиаторы ставки были также на стороне Временного правительства и предупредили исполком, когда было послано из ставки лицо за бензином в Витебск, чтобы там его задержать. И ген. Алексеев с негодованием заявляет в своих показаниях: «Совет Витебский получал массу сведений из Могилева. Там, видимо, шпионил всякий, кто хотел».

Не лучше обстояло и с 3-м корпусом ген. Крымова. Из предыдущих глав мы помним, что Крымов должен был занять Петроград силами трех дивизий: Уссурийской, 1-й Донской и Туземной Кавказской. Все они шли по трем линиям жел. дор., идущих к Петрограду. Именно: 1 Донская дивизия направлялась из Ревеля через Везенберг, Нарву и Ямбург. Туземная кавказская дивизия и Уссурийская—от станции «Дно» и из Пскова 2-мя путями через Лугу и через Вырицу. Движение их началось с этих пунктов 27 августа и уже было приостановлено 28 августа в трех главных подступах к Петрограду: в Ямбурге, Вырице и Луге (в последней со своими главными силами завяз Крымов и был арестован).

Чтоб ярче выявить картину бескровного падения корниловского фронта, мы обратимся к свидетельству главных участников событий.

После того, как Крымов получил общее командование над армией, на его место командиром 3-го конного корпуса был назначен монархист ген. Краснов. Вот что рассказывает последний о своей поездке на место нахождения корпуса: «В 6 часов утра 29-го августа мы прибыли на станцию «Дно», и здесь нам заявили, что поезд дальше не пойдет: между Вырицей и Павловском путь разобран, идет перестрелка между всадниками Туземного корпуса и солдатами Петроградского гарнизона, вышедшими навстречу. Все пути были заставлены эшелонами с частями Туземного корпуса. В зале 1-го и 2-го классов и в буфете, несмотря на ранний час, столпотворение вавилонское. Офицеры, всадники, солдаты. Кто спит на полу или на лавке, кто уже обедает, кто пьет чай, кто разложил карты и в толпе откровенно диктует приказание... Никто толком ничего не знал. Эшелоны застряли на всем пути, но никто не знал, что делать, приказаний ни от кого получено не было. Осетины и дагестанцы могли подойти только через несколько дней. Командир Туземного корпуса, князь Багратион, находился верстах в восьми от станции в каком-то имении. Краснов поехал к Багратиону и узнал, что произошло следующее: третья бригада, шедшая во главе кавказской Туземной дивизии, у станции Вырицы наткнулась на разобранный путь. Черкесы и ингуши вышли из вагонов и собрались у Вырицы, а потом пошли походным порядком на Павловск и Царское Село. Между Павловском и Царским Селом их встретили ружейным огнем, и они остановились. По донесениям со стороны, вышедшие навстречу солдаты гвардейских полков драться не хотели, но князь Гагарин не мог итти один с двумя полками, так как попадал в мешок. Надо было пододвинуть эшелоны Туземной дивизии и начать движение 3-го конного корпуса на Лугу и Гатчино, а где находился 3-й конный корпус, никто точно не знал, где-то тоже на путях, а Уссурийская конная дивизия даже сзади. Надо было ударить по Петрограду силою в 86 эскадронов и сотен, а ударили одною бригадою князя

Гагарина в 8 слабых сотен, на половину без начальников... На станции «Дно» стояли эшелоны Кавказской Туземной дивизии. Было очевидно, что подать их вперед эшелонами нельзя. Эшелоны стояли, а кн. Багратион не рисковал выгрузиться и итти походом к Вырице. Казалось далеко.

Мой поезд на Псков должен был отойти в 2 часа. Около этого времени на станцию прибыло 2 эшелона Приморского драгунского полка. Солдаты сейчас же выскочили из вагонов и собрались на опушке леса, за путями. У них уже были воззвания Керенского, и они горячо обсуждали, кто изменник—Корнилов или Керенский... Я прочел и разъяснил им приказ Корнилова. Мы должны исполнить приказ нашего верховного главнокомандующего, как верные солдаты, без всякого рассуждения. Русский народ в Учредительном Собрании рассудит, кто прав, Керенский или Корнилов, а сейчас наш долг повиноваться!

— Господин генерал,—отвечал мне солидный подпрапорщик, вахмистр, со многими георгиевскими крестами,—оборони боже, чтобы мы отказывались исполнить приказ. Мы с полным удовольствием. Только вишь ты, какая загвоздка вышла. И тот изменник, и другой изменник. Нам дорогою сказывали, что генерал Корнилов в ставке уже арестован, его нет, а мы пойдем на такое дело? Ни сами не пойдем, ни вас под ответ подводить не хотим. Останемся здесь, пошлем разведчиков узнать, где правда, а тогда—с нашим удовольствием:—мы свой солдатский долг отлично понимаем.

— Хорошо,—сказал я,—я с вами согласен, что без разведки мы не можем кинуться в бой. Ваш путь идет через Псков. В Пскове находится главнокомандующий северным фронтом. Я еду сейчас в Псков, и если главнокомандующий подтвердит приказ генерала Корнилова,—мы обязаны его исполнить...

Драгуны разошлись по вагонам, и через полчаса их эшелоны потянулись по свободному пути на Псков. В 5 часов по-полудни прибыл и мой псковский поезд, и я поехал с ним, обгоняя в пути драгунские эшелоны...

Ночь была темная, августовская. На остановках то я, то сотник Генералов выходили на станции и ходили мимо драгунских эшелонов. И почти всюду мы видели одну и ту

же картину: где на путях, где в вагоне... стояли драгуны и среди них юркая личность в солдатской шинели. Слышались отдельные фразы:

«Товарищи, Корнилов изменник России и ведет вас на бой на защиту иностранного капитала. Он большие деньги на то получил»... Молчали драгуны, но лица их становились все сумрачнее и сумрачнее...

Приверженцы Керенского пустили по железным дорогам тысячи агитаторов, и ни одного не было от Корнилова.

Таковы были события за те сутки, которые солдаты и казаки провели в вагонах, стоя на станциях замерзшей в каком-то сне железной дороги. Иногда по чьему-то никому неизвестному распоряжению к какому-нибудь эшелону прицепляли паровоз и его везли два—три перегона, сорок, шестьдесят верст, и потом он оказывался где-то в стороне, на глухом разъезде без паровоза, без фуража для лошадей и без обеда для людей. В то время, как штаб Корнилова был парализован и, выпустивши части, на этом и успокоился, пособники Керенского в лице разных мелких станционных комитетов и советов и даже просто сочувствующих Керенскому железнодорожных агентов и большевиков, которые уже начали свою работу, запутывали положение корпуса до невозможного.

30 августа части армии Крымова, конной армии, мирно сидели в вагонах с расседланными лошадьми, при полной невозможности местами вывести этих лошадей за отсутствием приспособлений, по станциям и разъездам восьми железных дорог: Виндавской, Николаевской, Новгородской, Варшавской, Дно—Псков—Гдов, Гатчино—Луга, Гатчино—Тосно и Балтийской. Они были в Новгороде, Чудове, на ст. «Дно», в Пскове, Луге, Гатчино, Гдове, Ямбурге, Нарве, Везенберге и на промежуточных станциях и разъездах. Не только начальники дивизий, но даже командиры полков не знали точно, где находятся их эскадроны и сотни. К этому привело путешествие по железной дороге армии, направленной для гражданской войны. Отсутствие пищи и фуража естественно озлобляло людей еще больше. Казаки начали арестовывать офицеров и начальников. Так, большая часть офицеров Приморского драгунского, 1-го Нерчинского, 1-го Уссу-

рийского и 1-го Амурского казачьих полков были арестованы драгунами и казаками. Офицеры 13-го и 15-го Донских казачьих полков были в положении полуарестованных. Почти везде в фактическое управление частями вместо начальников вступили комитеты. Начальнику 1-й Донской казачьей дивизии, генерал-майору Грекову, удалось собрать некоторые части своей дивизии под Лугой. Он решил итти походом на Петроград. Но вернувшиеся из Петрограда члены комитета привезли приказ оставаться и требование генералу Грекову явиться к Керенскому. Генерал Греков, понимая, что после отъезда Крымова ему ничего не остается делать, как ехать к Керенскому, сел на автомобиль и поехал в Петроград. Еще раньше туда же отправился и начальник Уссурийской конной дивизии, генерал-майор Губин, увлеченный к Керенскому своим комитетом»... (30 августа в Ямбурге, где остановилась Уссурийская дивизия и был Губин, полковые комитеты дивизии вынесли постановление о подчинении В. П., и 31 августа, по вызову из Петрограда, Губин туда явился. В. В.).

«Таково было положение к тому времени,—продолжает Краснов,—когда я добрался до города Пскова»... Дальнейшие похождения Краснова по корниловскому заданию кончились, так как в Пскове его арестовали; потом по приказанию из Петрограда выпустили, оставив в должности командира 3-го корпуса, и он, по его словам, употребил много усилий, чтоб привести корпус в порядок.

Между тем, в Пскове, еще до приезда Краснова, произошли следующие перемены. Назначенный заместителем Станкевича [1]), который был в Петрограде, трудовик Савицкий [2]), сообщает следующее [3]): «При первом моем свидании с генералом Клембовским (28 августа), я указал ему на требование Временного правительства не исполнять приказы Корнилова и, в виду объявления о его восстании против правительства, задерживать все его распоряжения, воззвания и т. д. На это он мне ответил, что теперь свобода слова, и что

1) Станкевич был комиссаром северного фронта.

2) Был сначала председателем Псковского совета, потом начальником одного из отделов в комиссариате Станкевича.

3) Его показания следственной комиссии.

он считает, что армии могут потребовать у него ответа за задержку и укрывательство мнения другой стороны, а также вообще обвинить в склонности задерживать чьи-либо воззвания, обращения и т. д. Отказался также прекратить немедленно отправку на Петроград эшелонов, сославшись на подчинение их непосредственно ставке. Не согласился он и на мою просьбу дать согласие на установление моего контроля на телеграфах и телефонах и только после продолжительного убеждения и спора согласился допустить дежурства для «связи» и скорейшего вызова моего к аппарату.

Я тогда же обратил его внимание на недопустимое поведение дежурного офицера на телеграфе, который требовал от меня не упоминать в моем разговоре с Петроградом о Корнилове и дать ему возможность этот разговор читать. Он заявил мне, что распоряжение это было общим для всех и последовало из ставки, но что он уже отдал распоряжение об его отмене.

При второй встрече в следующую ночь[1]) я явился к нему с категорическим требованием выявить свою позицию, при чем сослался на 5 и 12 армию. Однако, и на этот раз ген. Клембовский уклонился от ответа, заявив, что он не политик и что ею заниматься не хочет, а будет заниматься только операциями. При чем он заявил, что «вооруженной силой» мне мешать не будет. Общее мое впечатление от разговоров с ген. Клембовским, что он сознательно не желал итти против Корнилова и совершенно не желал своим именем и своей властью помочь Временному правительству в его борьбе с восставшим генералом. Кроме отсутствия личного желания помочь Временному правительству, я должен констатировать его стремление помешать мне, чем только возможно, в исполнении мною, как представителем Временного правительства, моего долга».

О назначении Савицкого и обстановке на северном фронте Станкевич в своих воспоминаниях говорит[2]): «Я телеграфировал Савицкому, назначая его от имени Керенского своим заместителем. На другой день уже он вызвал меня

[1]) 29 авг., когда уже провал корниловский был всем известен. В. В.
[2]) Станкевич. Воспоминания, стр. 240.

к аппарату и стал жаловаться на неопределенность позиции Клембовского. В середине разговора прервал сообщение словами, что ему мешают говорить, не дают пользоваться телеграфом. Но через несколько минут он возобновил разговор и сказал, что получил возможность вести беседу со мной, комиссаром северного фронта, только после того, как пригрозил занять телеграф своими войсками. Если Клембовский еще колебался, то гарнизон, подобранный самим Клембовским, не колебался ни минуты. Савицкий, мало кому дотоле известный, назначенный по телеграфу в момент конфликта, мог уверенно обратиться к любой кучке солдат— пехоты, казаков, ординарцев и даже юнкеров—с любым приказом, хотя бы дело шло об аресте главнокомандующего,—и приказ неукоснительно был бы выполнен. Офицер на телеграфе хотел запретить ему сноситься со мной,—но явно враждебное отношение к этому запрету со стороны телеграфистов и со стороны охраны телеграфа заставило отменить приказ, и Савицкий стал полным хозяином положения. В следующий разговор, выяснив, что с Клембовским все же нельзя сговориться, он просил меня назначить временным главнокомандующим кого-нибудь иного. Я хотел назначить Лукирского. Но Савицкий настаивал, что положение еще настолько неопределенно, что лучше назначить Бонч-Бруевича. Я снесся по телефону с Керенским, и в форме телеграммы передал приказ о назначении Бонч-Бруевича. Смена главнокомандующих произошла без всяких трений».

Таким образом, ликвидация генеральского выступления на северном фронте произошла без всякой заминки.

В Лугу еще до прихода крымовских войск приехал представитель от петроградского комитета по борьбе с контр-революцией Булычев. Совет выработал план и деятельно принялся работать, чтоб задержать крымовские войска. У паровозов были выпущены пары, испорчена железнодорожная линия по пути к Петрограду, на самой станции все пути были забиты пустыми составами. Гарнизон Луги состоял более чем из 20.000 солдат, но вооруженных из них было только 1.200 при двух годных для стрельбы орудиях. Напрасно грозился Крымов и офицеры,—представители совета не только их не пускали дальше, но даже хотели дать бой,

если Крымов пойдет через Лугу походным порядком. В то же время шла самая энергичная агитация в его войсках, и в огромном количестве распространялись телеграммы Керенского и воззвания Совета. В результате на второй день стоянки казаки отказались итти за Крымовым и потребовали приказа об его аресте [1]). Приказ не был прислан из Петрограда, но за Крымовым специально приехал полковник Самарин и, выразив неудовольствие, что Совет вел слишком энергичную агитацию, увез Крымова к Керенскому. При увозе членам Лужского совета только хитростью удалось спасти Крымова от самосуда солдат [2]). Как известно, в Петрограде Крымов сам застрелился.

Я не буду останавливаться далее на мусульманских и др. делегациях, которых неутомимо посылал Петроград навстречу корниловских войск. Можно только сказать, что агитация легла на подготовленную революцией почву, и на другой день после своего выступления генералы оказались без армий, а в Петроград поехал ряд делегаций от дивизий, сотен и корниловских войск и проч., с выражением покорности Временному правительству.

На юго-западном фронте мятеж генералов был кончен еще проще. Именно, в 2 часа, в ночь на 28 августа, И. К. юго-западного фронта было получено первое тревожное известие о событиях, происходящих в центре, от комиссара юго-западного фронта Иорданского, находившегося в ставке... Штаб фронта, осведомленный обо всем, повидимому, заранее предпринял в это время определенные шаги. Солдаты, несшие карательную службу при штабе, были сняты с постов и заменены казаками. Ночью занята типография «Арм. Вестн.» казаками... В экстренном собрании И. К. решил немедленно установить тесную связь со всеми воинскими частями, чтобы последние, в случае надобности, были готовы к активному выступлению... Когда комитет хотел снестись по телеграфу с армейскими комитетами, штаб не позволил пользоваться телеграфом и... разговаривал с представителями комитета

---

[1]) Подробности о борьбе Лужского совета с корниловцами великолепно изложены в показаниях Булычева. См. приложение.

[2]) Об этом я пишу со слов председателя Лужского совета. Воронович. Записки... Архив гражданской войны, в. 2.

«языком твердой власти»... В это время представители разных родов оружия стали прибывать в комитет с заверениями верности революции... Одной из первых поспешила отдать себя в распоряжение И. К-та команда броневых автомобилей. Одновременно присоединились пулеметчики и артиллеристы и т. д. Комитет сорганизовал свои силы и положение резко изменилось... Все требования комитета были немедленно удовлетворены. Деятельность штаба комитет подчинил своему контролю, предоставив штабу свободу действий лишь в оперативной области. Революционная власть на юго-западном фронте к 3 час. дня 28 августа была уже сосредоточена в руках Исполнительного Комитета. А генерал Деникин, Ванновский, Эрдели и некоторые чины штаба арестованы.

30 августа В. Ц. И. К. телеграфировал всем, всем, что мятеж ген. Корнилова можно считать окончательно неудавшемся, благодаря двум причинам: «во-первых, весь фронт стал на сторону революции, армейские комитеты сохраняют революционный порядок... во-вторых, все местные советы энергично мобилизовали все демократические силы, чтобы воспрепятствовать распространению силы, чтобы воспрепятствовать распространению заговора»...

Неудача корниловского движения для партии кадет и других петроградских контр-революционеров была большою неожиданностью. Еще 28 августа Милюков и К° уверяли Керенского в безнадежности его положения. Насколько они были уверены в победе, видно из того, что еще 29 августа утром была сдана в типографию газеты «Речь» передовица, которая писала: «Ген. Корнилов не реакционер, его цели не имеют ничего общего с целями контр-революции... Генерал Корнилов ищет путей довести Россию до победы над врагом и к выражению народной воли в будущем устройстве Учредительного Собрания. Нам тем легче присоединиться к этой формулировке национальных целей, что мы говорили в тех же самых выражениях, задолго до ген. Корнилова. Да, мы не боимся сказать, что ген. Корнилов преследовал те же цели, какие мы считаем необходимыми для спасения родины»... Однако, 29 августа уже выяснился полный крах корниловщины, и 30 августа «Речь» вышла с бе-

лыми столбцами, вместо предполагаемой статьи, так как редакция не успела ее заменить чем-нибудь другим.

29-го августа поступили телеграммы с выражением верности Временному правительству от Щербачева[1]), Валуева[2]) и Пржевальского[3]), и мятеж был кончен. Оставалось лишь ликвидировать ставку.

Резко повернул фронт в эти дни и совет союза казачьих войск в Петрограде. 27-го августа совет выбрал депутацию из Дутова, Караулова и Аникеева и отправил ее к Керенскому, чтобы предложить свои услуги по принятию необходимых мер к ликвидации конфликта между Временным правительством и Корниловым. Депутация была принята Керенским и ей было разрешено на другой день отправиться для переговоров с Корниловым. Но на другой день ей в пропуске отказали. «30-го августа, когда отчасти обстановка стала яснее (т.-е. после провала корниловщины), совет союза казачьих войск выпустил воззвание, где рекомендовал казачьим частям слушаться Временного правительства»,—сообщает в своих показаниях член совета союза казачьих войск А. Н. Греков. Однако, на требование Керенского от 31-го августа «дать немедленное и жестокое осуждение ген. Корнилову и Каледину» совет союза казачьих войск послал следующее уклончивое письмо: «Мы не судьи, а представители всех 12 казачьих войск, в списках коих состоят и ген. Корнилов, и ген. Каледин, а потому осудить их мы не можем, не узнав всех подробностей».

Известия о заговоре Корнилова, как искра, разлетелось по всей России.

В целом ряде городов больших и малых возникли революционные комитеты, и власть в той или иной мере, иногда полностью, перешла в их руки.

В Петроград Временному правительству, В. Ц. И. К. и в другие адреса шел непрерывный поток резолюций от городов, местечек и пр., выражающих твердое намерение всеми мерами защищать революцию. Из Киева 28 августа была послана в ряд городов следующая телеграмма: «Совет сол-

1) Главнокомандующий Румынского фронта.
2) Главнокомандующий Западного фронта.
3) Главнокомандующий Кавказского фронта.

датских и рабочих депутатов в контакте с центральной украинской Радой, всеми социалистическими партиями, военными и гражданскими властями, поддерживает Временное правительство против происков ген. Корнилова. Организуйте, по примеру Киева и других городов, совместно с представителями всей революционной демократии, комитет охраны революции. Телеграфируйте о поддержке Временного правительства. Сообщите нам положение на местах». Из Одессы тогда же получена телеграмма, что демократия Одессы во главе с Румчеродом всецело на стороне Временного правительства. Румчеродом посланы люди на фронт и в область со специальной миссией. А харьковские офицеры и солдаты всех воинских частей послали даже телеграмму с призывом к воинским частям, находящимся в ставке, немедленно арестовать ген. Корнилова и всех его сподвижников, и т. д.

Влияние большевиков в местных советах сильно усилилось, и В. Ц. И. К. в дни корниловского мятежа получил телеграммы от 126 советов с требованием взять власть в свои руки.

Такой же революционный подъем как в Петрограде и провинции происходил и в Москве в дни корниловского выступления. Партия большевиков выкинула лозунг—рабочим вооружаться. Ее газета «Социал-Демократ» писала: «Вооружение солдат московского гарнизона, вооружение московского пролетариата, во что бы то ни стало для уличной борьбы, а может-быть, полевой гражданской войны—это первое условие спасения свободы». Требование это поддержало соединенное заседание правлений всех профсоюзов на своем заседании от 29 августа, которое вынесло следующую резолюцию: «Для борьбы с контр-революцией является необходимым организация вооружения истинных носителей революционного духа рабочих масс; поэтому необходима организация красной рабочей гвардии, которая могла бы по первому призыву Совета Рабочих и Солдатских Депутатов выступить на защиту революции и решительного подавления контр-революции», и сотни делегатов от фабрик и заводов направились к Советам Рабочих и Солдатских Депутатов с требованием выдать оружие. С этого момента красная гвардия в Москве была легализирована, и 3-го сентября соединен-

ное заседание Исполнительных Комитетов Рабочих и Солдатских Депутатов утверждает ее устав.

Известие о заговоре получилось в Москве утром 27 августа. В воинских частях, на заводах и фабриках начались повсеместные митинги, чувствовалось везде резкое полевение рабочих и солдатских масс.

При Московском Совете немедленно был создан «орган действия», который в течение нескольких часов установил теснейший контакт и прочную связь со всеми воинскими частями, железными дорогами и проч. Были приняты меры к предупреждению каких бы то ни было выступлений без его ведома.

Приняты также меры по удовлетворению населения продовольствием. «Орган действия» заседал беспрерывно. Исполнительные Комитеты Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянстьянских Депутатов с представителями от всех железных дорог, профсоюзов и др. организаций заседали так же. Между прочим, «органом действия» был поднят вопрос о прекращении преследования большевиков, и на соединенном заседании Исполнительных Комитетов Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, по его предложению, была принята единогласно следующая резолюция: «Осуждая применение репрессий к целому течению внутри революционной демократии, соединенное заседание Исполнительных Комитетов Сов. Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов требует прекращения этих репрессий, особенно в настоящий момент, когда необходимо единение всей революционной демократии для борьбы с контр-революционным заговором и изменой».

Профсоюзы требовали в своих резолюциях «прекратить печатание всей буржуазной прессы, являющейся проводником коварных планов военно-буржуазной контр-революции». А «Социал-Демократ» печатал 29 августа жирным шрифтом: «Что нужно сделать немедленно: 1) вооружить повсеместно революционные войска и рабочих; 2) расформировать и разоружить контр-революционные части; 3) арестовать царских генералов и главарей контр-революционных военных организаций; 4) арестовать главарей буржуазной контр-революции (Родзянко, Милюкова, Гучкова, Рябушинского, Роди-

чева, Маклакова и К°); 5) закрыть и разогнать: Государственную Думу, совет московского совещания общественных деятелей, офицерский союз, военную лигу и пр.; 6) закрыть органы буржуазной контр-революционной печати («Речь», «Русское Слово», «Утро России» и пр.) и конфисковать их типографии; 7) выслать из России агентов иностранного империализма, друзей Милюкова-Родзянко-Каледина».

Однако, исполнение этих требований совершенно не входило в планы Керенского и правительства пяти, и ликвидация заговора шла в совершенно определенном направлении: Корнилова устранить, но корниловщину оставить. 30-го августа Временное правительство назначило верховным главнокомандующим Керенского, а начальником штаба верховного главнокомандующего генер. Алексеева, деятельного участника корниловского заговора. Керенский рассчитывал при помощи Алексеева скорее уговорить Корнилова сдать свою должность. Алексеев, понимавший это, не выражал большого желания взять на себя эту роль. Он упорно отказывался в течение двух дней, пока не выяснился окончательно крах корниловского похода. «29 августа, ротмистр Шапрон,— пишет Деникин[1]), один из участников организации,—застал его в крайне угнетенном состоянии. Старый генерал сидел в глубоком раздумьи, и из глаз его текли крупные слезы. Он сказал: «Только-что был Терещенко. Уговаривают меня принять должность начальника штаба при верховном— Керенском... Если не соглашусь, будет назначен Черемисов... Вы понимаете, что это значит? На другой же день корниловцев расстреляют!.. Мне противна предстоящая роль до глубины души, но что же делать? Неужели нельзя связаться с Крымовым и вызвать сюда хоть один полк? Ведь, у вас тут есть организация... Отчего она бездействует? Найдите во что бы то ни стало С.[2]) и заставьте его приступить к действиям»...

Но надежды на Сидорина не помогли, и ген. Алексееву пришлось принять на себя должность начальника штаба при верховном Керенском. Свой отъезд в ставку для ее ликви-

[1]) Деникин. Очерки русской смуты, т. 2, стр. 64—65.
[2]) Очевидно, Сидорина. В. В.

дации он всячески, однако, оттягивал. В своих показаниях он откровенно пишет: «Мне необходимо было видеть Крымова и выслушать его доклад о состоянии и месте нахождения частей его корпуса. Это задержало меня в Петрограде до 10 час. 31 августа. Крайне неутешителен[1]) был доклад ген. Крымова. Под влиянием идущих из Петрограда распоряжений и агитации (посылка делегации), дивизии корпуса нравственно развалились[2]) и едва ли были пригодны к работе даже в том случае, если в деятельности их встретилась бы надобность даже в интересах самого Временного правительства в Петрограде. Во все это дело вмешались Советы Рабочих и Солдатских Депутатов и распоряжались войсками»... Разочаровавшись в крымовских войсках, Алексеев двинулся к ставке уговаривать Корнилова.

Между тем, Лукомский послал 30 августа в 3 часа дня Керенскому телеграмму, где писал: «Объявление об отставлении от должности Корнилова и меня с преданием суду уже имеет следствием то, что некоторые распоряжения на фронтах не исполняются. С Черноморским флотом связь прервана. Так как представляется совершенно недопустимым, чтобы руководство по оперативной части из ставки было прервано хотя бы на один день, является необходимым немедленное ваше указание в ставку и на фронты о том, чьи распоряжения должны исполняться... Ген. Корнилов... поручил мне передать следующее: 1) если будет объявлено России, что создается сильное правительство, которое поведет страну по пути спасения и порядка, и на его решения не будут влиять различные безответственные организации, то ген. Корнилов немедленно примет со своей стороны все меры к тому, чтобы успокоить те круги, кои шли за ним... 2) Приостановить предание суду ген. Деникина и подчиненных ему лиц. 3) Считаю недопустимым аресты генералов... и требую немедленного их освобождения... 4) Немедленный приезд в ставку ген. Алексеева, который, с одной стороны, мог бы принять на себя руководство по оператив-

---

[1]) Курсив мой. В. В.

[2]) Курсив мой. В. В.

ной части, а с другой стороны, явился бы лицом, могущим всесторонне осветить обстановку... 5) Ген. Корнилов требует, чтобы правительство прекратило немедленно дальнейшую рассылку приказов и телеграмм, позорящих его, Корнилова... С своей стороны, ген. Корнилов обязуется не выпускать приказов войскам и воззваний к народу, кроме уже выпущенных».

В ответ на это последовало распоряжение Керенского всем, всем, всем, что оперативные распоряжения генерала Корнилова, отдаваемые его именем, обязательны к исполнению. Корниловцы тотчас воспрянули духом, и 1 сентября Московский Совет получил уже об их деятельности такие сведения, что телеграфировал В. П. и В. Ц. И. К.: «В виду имеющихся достоверных сведений от Могилевского совета об использовании Корниловым полученного права распоряжаться оперативными действиями в целях продолжения заговора, так как Корнилов стягивает силы вне Могилева для противодействия верным Временному правительству войскам, признаем необходимым немедленное лишение Корнилова предоставленных ему прав и предоставление Верховскому права брать с фронта силы для подавления изменнических сил, собранных Корниловым». Об этом же сообщал и прокурор московской судебной палаты. В разговоре по прямому проводу Шабловскому он говорил: «Имеются серьезные данные утверждать, что кампания, во главе которой поставили Корнилова, продолжается еще и сегодня. В Москве установлены телеграфные и письменные сношения между офицерством, с взаимным заверением, что дело может продолжаться»...

В это время в городах, близ лежащих к ставке, благодаря инициативе местных советов, начали организовываться отряды для взятия Могилева. Такие отряды организовывались в Смоленске, Витебске и в других городах. Особенно крупный отряд был организован в Минске, где находился штаб западного фронта. На истории его возникновения я поэтому несколько остановлюсь.

«В ночь на 28 августа 1917 г.,—сообщает Коротков,—И. К. съезда С. Р. и Кр. Д. западного фронта в г. Минске были получены из Петрограда телеграммы о вы-

ступлении Корнилова. На объединенном заседании фронтового Комитета и И. К. Минска, С. С. и Р. Д.—утром, 28 авг., был организован Временный Революционный Комитет западного фронта, явившийся фактическим руководителем в борьбе с выступлением ген. Корнилова. Я фронтовым комитетом был избран во Вр. Рев. Комитет. Окопы волновались. Временный Революционный Комитет принял все меры, чтобы успокоить окопы. Ночью были получены воззвания Корнилова—казаками и телеграмма главного комитета союза офицеров. 29 августа комиссар западного фронта Жданов командировал меня в Оршу—принять там на себя организацию гарнизона и наблюдение за продвижением войск. Железнодор. телеграф был занят 28 августа советом и железнодорожн. комитетом и телеграфное сообщение контролировалось, городской телеграф был тоже занят советом, гор. Орша патрулировался командой 405 дружины и членами совета». 29 августа полковник Коротков с помощью солдатской секции совета приступил к формированию Оршанского революционного отряда и выслал разъезды для охраны дорог со стороны Могилева. 30 августа от Керенского был получен ряд телеграмм против Корнилова.

«30 августа,—продолжает Коротков,—на помощь в Оршу прибыл стрелковый дивизион под командой полковника Пеховского, и я считал положение Орши обеспеченным... Вечером 30 августа я телеграфно донес о сформировании отряда [1]) Командзапа, Керенскому, В. Ц. И. К. и Фронтовому Комитету». 31 августа Коротков телеграфировал Временному правительству: «Гарнизон Корнилова состоит из 3-х батальонов Корниловского ударного полка с пулеметами, 5 сотен Текинского полка с пулеметами и 5 рот польских войск, пришедших в Могилев 29 августа. Артиллерия, проходившая с юго-западного фронта, задержана в Могилеве. Георгиевский батальон с офицерами на стороне Временного правительства, почему разбросан по городу Могилеву небольшими группами для несения караульной службы»... В ответ 31-го

[1]) Между прочим, в своем докладе Коротков говорит, что „в сформировании Оршанского революционного отряда тяжелую и главную техническую работу выполнил Оршанский совет, а войск. комитеты и ж. д. комитет в этом всемерно помогали“.

августа Коротков получил от Керенского следующую телеграмму: «Орша, члену Искомзапа полковнику Короткову. В шесть утра 31 августа в ставку выезжает назначенный наштаверхом ген. Алексеев. С ген. Алексеевым следуют помощник его по гражданской части Василий Вырубов, назначенный для производства следствия над генералами и офицерами ставки, прокурор Шабловский с членами судебного ведомства. Прошу вас подготовить все для посадки ваших войск и двинуть их к Могилеву по требованию Вырубова. Новосильцева и прочих задержанных вами офицеров задержите под арестом до распоряжения прокурорского надзора. 516, Керенский, 31 августа 1917 г.».

Сейчас же было все приготовлено к посадке. В конечном итоге Оршанский отряд должен был представлять собою довольно внушительную силу до 3.000 штыков, при 3-х полевых батареях, 300 пулеметах, 700—800 шашках. Войска Короткова двинулись и заняли ст. «Латва», ст. «Шклов» и т. д.

«В ночь на 2-е сентября,—пишет Коротков,—мне (Короткову) телеграфировали из Москвы и Смоленска, что на Оршу направляется ко мне на помощь из Москвы 14 эшелонов войск и из Рославля 1 эшелон. Все эти эшелоны я просил задержать и не направлять их в Оршу, так как надобность миновала».

Задача отряда Короткова у Могилева, по сообщению графа Толстого [1]), должна была заключаться в следующем: «Лучше всего вам двигаться так, чтобы подойти на известное расстояние к Могилеву, чтобы произвести в Могилеве впечатление приблизительно одновременно с приездом Алексеева. Перехватите Вырубова и Алексеева на какой-либо станции, чтобы поставить их в известность о вашем движении для подкрепления их прибытия и для последующего ареста генерала Корнилова и его главнейших соучастников. Затем, наметьте примерно станцию для выгрузки и разузнайте конечные дороги от нее к городу... Передаю вам сведения, которые получены нами сегодня от прибывшего из Могилева солдата-делегата, выехавшего оттуда: Могилев охраняется войсками,

---

[1]) Его разговор с Коротковым по прямому проводу. В. В.

несущими сторожевую службу, дальнюю разведку ведут текинцы, сторожевое охранение занимает пехота. Из войск гарнизона текинский, и большая часть корниловских «батальонов смерти», прибывших из Могилева, преданы Корнилову, а георгиевский батальон смерти, а также караульная команда преданы правительству. Уже 28-го заметился перелом настроения в нашу сторону, и теперь преданных Корнилову, наверное, делается все меньше и меньше. Кроме того, в Могилеве есть артиллерия, сколько неизвестно, четыре аэроплана, 12 броневиков, несколько десятков пулеметов. В городе вал приспособлен к обороне, Оршанское шоссе подходит к Могилеву со стороны низкого берега Днепра, упираясь в эту гору перед мостом через Днепр, поэтому доступ к Могилеву со стороны шоссе менее удобен, гораздо выгоднее подход со стороны железной дороги. Вот в общем то, что просилось передать вам на случай маловероятного сопротивления гарнизона. Во всяком случае, кроме угрозы вооруженной силой, вами двигаемой, желательно одновременно проникнуть отдельным дозорным и агитаторам в гарнизон, минуя сторожевые заставы, для соответствующего воздействия на гарнизон. Признается желательным избежать столкновений. Восставший одинокий во всей России гарнизон невероятно, чтобы вступил в бой. Что же касается внезапности впечатления от вашей угрозы, то чем оно будет сильнее и полнее, тем лучше и скорее приведет к развязке, слишком затянувшейся и, по последним сведениям с фронта, крайне нервирующей войска. В этом смысле крайне желательно было бы также одновременное движение каких-либо частей с юга из Рогачева для всестороннего охвата Могилева, если можно и если есть там силы, постарайтесь и их двинуть. Алексеев с Вырубовым едут не для переговоров с мятежниками, а для вступления в исполнение обязанностей с одновременным арестованием главарей, для чего ваше воздействие извне и им необходимо, что было решено сегодня вечером министром-председателем на моем личном докладе полученных сегодня вышеозначенных сведений из Могилева, а также сведений о недоумении действующих армий по поводу затяжки этого дела. На все это вы уполномочены. В случае сомнения Алексеева, передайте ему и Вырубову в ка-

честве доказательства напечатанную ленту нашего разговора. Толстой».

Однако, Алексеев не торопился в ставку и 30, 31 августа и 1-го сентября вел длинные разговоры по прямому проводу с Корниловым, информируя его о плачевном положении крымовских войск.

Каковы были темы для разговора у ген. Алексеева со ставкой, видно из следующего разговора его по прямому проводу от 1-го сентября, между 6 и 8 ч. утра. У аппарата товарищ председателя главного комитета союза офицеров Пронин: «Здравия желаю, ваше высокопревосходительство, главный комитет союза офицеров армии и флота уполномочил меня приветствовать вас, как почетного своего председателя и вдохновителя, и душу союза, и попросить вас сказать: как быть главному комитету и какой позиции держаться». Алексеев: «Приветствую вас и главный комитет. Полное спокойствие в настоящее время является единственным, что необходимо для перехода к нормальной жизни. Не принимайте каких-либо мер и решений, оставаясь в стороне от ближайших событий, которые, однако, надеюсь устранить». Пронин: «Ваше высокопревосходительство, как вам известно, союз офицеров до последней минуты шел по тому пути, на который вы его благословили; главный комитет всегда поддерживал все требования, которые предъявлялись ген. Корниловым для устроения армии». Алексеев: «В деле устроения армии все меры будут энергично поддерживаться и проводиться. Если я в этом потерплю неудачу, то сложу полномочия. Данная же минута требует особливого спокойствия и поддержания полного порядка, насколько это зависит от деятельности главного комитета. Рассчитываю скоро прибыть в Могилев».

Утром 1-го сентября в Оршу, а затем в Могилев проехал ген. Алексеев, и здесь... опять занялся разговорами. Наконец, странное поведение Временного правительства и ген. Алексеева в ликвидации ставки вызвало повсеместное волнение и в армии, и в городах. Московский комитет по борьбе с контр-революцией послал Керенскому следующую телеграмму: «Врем. комитет по борьбе с контр-революцией в экстренном заседании по острому и чрезвычайно тревожно-

волнующему всю Москву вопросу о непонятной затяжке с ликвидацией корниловской измены, находит, что оставление Корнилова и его ставки после объявления его изменником, хотя бы временно у власти встречено и в войсках, и среди граждан тревожно, и может вызвать очень серьезные последствия. Во-вторых, чрезвычайная медлительность и нерешительность действий чрезвычайной следственной комиссии и ген. Алексеева, который, вместо самого срочного прибытия в Могилев, целую ночь разговаривал из Витебска по аппарату с Лукомским, не внушает уверенности, что с изменниками будет поступлено так, как этого требует возмущенное общественное мнение. В-третьих, колебание и отсрочка с посылкой из Москвы вооруженной экспедиции самым разрушительным образом влияют на дисциплину в войсках и на доверие общества к правительству. Принимая во внимание, что всякая дальнейшая затяжка могла бы повлечь за собой самые тяжелые последствия, Комитет единогласно признал необходимым: 1) указать, что надо немедленно вывести все корниловские войска из Могилева; 2) немедленно фактически арестовать Корнилова, Лукомского, Романовского, Плющевского-Плющика, Пронина, Сахарова и др. главнейших сообщников, не дожидаясь окончания всего следственного производства, ведущегося чрезвычайной комиссией; 3) тотчас по аресте, и не позже 2 сент., отправить всех арестованных в Петроград под конвоем; 4) до окончания всех этих операций отнюдь не уводить войск из Орши и Жлобина, а приказать им оставаться на местах и быть готовыми двинуться в Могилев; 5) для успокоения и войск, и общества, предложить военному министру Верховскому ехать в Петроград через Могилев и самому лично убедиться в принятии всех указанных мер и приведении их в исполнение, широко оповестить по телеграфу».

Тогда Керенский в разговоре с Вырубовым по прямому проводу 1-го сентября заявил: «Необходимо сегодня же арестовать пять-шесть человек, о чем широко известить, в виду быстро распространяющегося слуха о нашем бездействии и даже некоторой сознательной мягкости. Слух этот вызывает разложение в войсках и массе. Убедительно прошу вас, чтобы нужное существо не вкладывалось бы в не-

приемлемые для демоса формы[1]). Жду от ген. Алексеева скорейших известий, до свидания». Вырубов: «Постараюсь все исполнить. До свиданья».

Но доводы не помогли, и ген. Алексеев арестовывать Корнилова не собирался. Тогда, в 2 часа дня, Керенский по прямому проводу заявил генералу Алексееву, что если через два часа им не будет выполнено приказание об аресте Корнилова и Лукомского, он будет считать Алексеева пленником ставки и примет все меры для очистки Могилева от контр-революционных элементов. Прошли 2 часа без всяких известий, и вечером Барановский посылает в ставку следующую слезную юзограмму: «А. Ф. Керенский поставил генералу Алексееву срок два часа, который истек в 19 час. 10 мин., до сих пор ответа нет. Главковерх требует, чтобы генерал Корнилов и его участники были арестованы немедленно, ибо дальнейшее промедление грозит неисчислимыми бедствиями. Демократия взволнована свыше мер, и все грозит разразиться взрывом, последствия которого трудно предвидеть. Этот взрыв, в форме выступления Советов и большевиков, ожидается не только в Петербурге, но и в Москве, и в других городах. В Омске арестован командующий войсками, и власть перешла к Советам. Обстановка такова, что дальше медлить нельзя, или промедление и гибель всего дела спасения родины, или немедленные и решительные действия и аресты указанных вам лиц. Тогда возможна еще борьба. Выбора нет. А. Ф. Керенский ожидает, что государственный разум подскажет генералу Алексееву решение, и он примет его немедленно: арестуйте Корнилова и его соучастников. Я жду у аппарата вполне определенного ответа, единственно возможного, что лица, участвующие в восстании, будут арестованы... Для вас должны быть понятны те политические движения, которые возникли и возникают на почве обвинения власти в бездействии и попустительстве. Нельзя дольше так разговаривать. Надо решиться и действовать».

Юзотелеграмма, наконец, подействовала, и Корнилов решил арестоваться. В 10 час. вечера Алексеев сообщил Ке-

[1]) Курсив мой. В. В.

ренскому, что Корнилов, Лукомский, Романовский и Плющевский-Плющик арестованы. Еще раньше в Гомеле и Орше были арестованы Завойко и Новосильцев (председатель главного комитета союза офицеров),—оба пытавшиеся пробраться из ставки к Каледину.

Между тем, Алексеев немедленно по приезде в Могилев телеграфировал приказ Короткову расформировать его отряд и все материалы по организации отряда переслать ему. И Коротков в разговоре по прямому проводу с Толстым 1-го сентября сообщил: «Генерал Алексеев остался недоволен, повидимому, моими боевыми приготовлениями. Я ему дал прочитать вчерашний наш разговор. Он стал после того более недоволен и разговором нашим с вами, и боевыми приготовлениями, считая всякое активное выступление вооруженной силы в данном случае недопустим, и заявил, что если бы он знал, что это может быть применено, то он не поехал бы в ставку. В общем из всего разговора с ним мне казалось: повстанцем чуть ли не являюсь я».

Из Могилева о ликвидации ставки в Москву сообщали [1]): «...Бюрократизм, олимпийство, высокомерность офицеров ставки остались прежними, налицо уверенность в безнаказанности. Начальник штаба верховного главнокомандующего, генерал Алексеев, по приезде в ставку, взял странный тон по отношению к солдатам, оставшимся верными Временному правительству. Он всячески распекал их за плохое подчинение начальству и обещал послать в действующую армию тех солдат, кои, как наиболее сознательный элемент, способствовали тому, что некоторые воинские части, как георгиевский полк, остались верными Временному правительству. В то же время Алексеев всячески расхваливал корниловцев, в особенности командный состав, в приезд Керенского распевавший «Боже, царя храни».

Керенский, в свою очередь приложил также все меры, чтобы ликвидацию корниловщины сделать фикцией. Назначенной для производства следствия над взбунтовавшимися генералами комиссии, во главе с прокурором Шабловским, было дано им указание «ограничить свою деятельность в

---

[1]) Доклад Шубникова на заседании Обл. Бюро Советов. В. В.

военной среде по возможности только обследованием виновности главных участников». Вслед за Алексеевым в Могилев приехала и эта следственная комиссия, и арестовала, считая вместе с арестованными Алексеевым, 25 офицеров и кроме того, Ц. К. союза офицеров. Каков был состав комиссии,—видно из того, что Корнилов не опрашивался следственной комиссией, а писал свои показания. По выражению членов следственной комиссии: «Ей тяжело допрашивать Корнилова». В комментариях и стенограмме своих допросов Керенский по поводу этой комиссии сам пишет [1]): «Сознаюсь, я был раздражен (при его допросе. В. В.) чрезвычайной беспристрастностью некоторых членов комиссии, которая переходила уже в явную склонность не видеть ничего преступного в деятельности лиц, привлеченных к ответственности по делу Корнилова».

Арест и сиденье арестованных генералов было чрезвычайно комфортабелно обставлено. Сначала они содержались в губернаторском доме, потом переведены в гостиницу. Далее часть их повыпустили, и оставшихся 19 человек [2]) перевели в Быхов. На вокзале, при отправке, они не были окарауливаны и гуляли с офицерами ставки, пришедшими демонстративно их проводить. Арестованных сопровождало масса тюков для необходимого комфорта на новом месте заключения. Не был забыт и лучший повар Могилева, взятый ими с собой из гостиницы «Бристоль». Внутренний караул во все время ареста несли преданные Корнилову текинцы, наружный—георгиевцы. О своем сиденьи в Быхове Лукомский пишет [3]): «Внутри здания мы пользовались полной свободой и ходили, когда хотели, один к другому... Из ставки в Быхов был прислан повар, и нас кормили вполне удовлетворительно... Комендантом был назначен помощник командира Текинского полка, человек, вполне преданный Корнилову,—он докладывал о всех приезжавших в Быхов и желавших нас видеть, и к нам допускались все те, которых мы хотели видеть. Вследствие

---

[1]) Керенский. Дело Корнилова, стр. 173.

[2]) Фамилии оставшихся 19 человек: Корнилов, Лукомский, Романовский, пр. Иванов, Аладьин, Кисляков, Сооц, Сабоцкий, Алонский, Роженко, Реснянский, Брагин, Чуныхин, Никитин, Гринцевич, Аракелов, Анцерсон.

[3]) Лукомский. Воспоминания, т. I, стр. 261.

этого, очень скоро наладилась прочная связь с Петроградом, Москвой и Могилевом. Мы были в курсе всего того, что происходит, и вели переписку с нужными для нас лицами. Штаб верховного главнокомандующего также осведомлял нас по всем нас интересующим вопросам. Было разрешено нашим женам поселиться в Быхове и посещать нас ежедневно от 10 час. утра до 6 час. вечера».

Комиссия сознательно затягивала дело арестованных и постепенно их выпускала под разными предлогами. Таким образом, ко 2-му октября, вместе с привезенными из Бердичева арестованными, на юго-западный фронт Деникиным и К° [1]), всего осталось невыпущенными лишь 11 человек: Корнилов, Деникин, Эрдели, Ванновский, Эльснер, Лукомский, Романовский, Кисляков, Марков, Орлов, Новосильцев, Пронин, Сооц, Реснянский, Роженко, Брагин, Родионов, Чуныхин, Клецандо, Никитин, Иванов, Будилович, Никаноров, Аладьин. А к 27 октября сидели лишь Корнилов, Лукомский, Романовский, Марков и Деникин, которые и были выпущены Духониным перед взятием ставки большевиками, при чем им были заготовлены в ставке официальные документы, удостоверяющие, что они освобождаются из-под ареста.

Так боролся Керенский с корниловцами. Точно такая же тактика была им проявлена и относительно контр-революции на Дону. Каледин, в согласии с Корниловым, начал мобилизовать на помощь ему черносотенных казаков. Он разъезжал по области Войска Донского, агитируя и группируя войска. Помогали ему в этом члены войскового правительства и казачьи офицеры. Напрасно совещание общественных деятелей в Новочеркасске взывало к Временному правительству, прося прислать телеграмму об аресте Каледина.

Первым вмешался в эти дела командующий войсками Московского военного округа Верховский. В день выступления Корнилова он получил сведения от железнодорожных служащих о движении казачьих частей из Смоленска на Москву до Курска, о прибытии туда и о движении эшелонов на Харьков через станцию «Козневку». Он тотчас послал теле-

---

[1]) Из Бердичева в Быхов были привезены: Деникин, Марков, Ванновский, Эрдели, Эльснер, Орлов, Клецандо и Будилович. В. В.

грамму начальнику гарнизона Новочеркасска и еще 23 станциям: «Приказываю никаких перевозок казачьих частей по жел дор. без моего разрешения не делать под ответственностью по суду точка генерала Каледина арестовать для производства о нем расследования П. п. военмин Верховский».

Вскоре телеграмма об аресте Каледина пришла и от Керенского, но войсковое правительство и затем большой казачий круг отказались его выдать, а комиссия Шабловского, которой поручено было расследовать дело Каледина, нашла, что он ни в чем не виноват.

Таким образом, «Социал-Демократ» был вполне прав, когда писал, что «борьба с корниловщиной невозможна без борьбы с правительством. Оно всячески будет покрывать ее. Корниловщину надо теперь искать уже не в Москве, а в Петербурге, и глава ее носит очень известное имя—Керенский».

В Петрограде корниловцев по приказанию Керенского просто выпускали; так, В. Н. Львова освободили тогда же к вечеру 27 августа. Также по приказанию Керенского были освобождены Гучков и сотрудники «Нового Времени» Егоров и Филатов. Зато большевики продолжали по-прежнему сидеть в тюрьмах. А как только выяснилось, что Корнилов потерпел крах, на завтра же оборонцы из В. Ц. И. К. и Керенский отказали рабочим в оружии, а Керенский приказом распустил комитеты по борьбе с контр-революцией. Вместе с тем, издавая приказ о вступлении его в должность верховного главнокомандующего, Керенский начинает опять недвусмысленно грозить большевикам и требовать от солдат слепого подчинения. Он пишет: «Полугодовой опыт свободной жизни не мог не убедить каждого, что всякие крайние неразумные требования, неисполнимые в данную минуту, откуда бы таковые требования ни исходили, приводят лишь к потрясениям государства. Пусть помнит каждый, кто бы он ни был, генерал или солдат, что малейшее неподчинение власти будет впредь беспощадно караться», и т. д. В этот же день, благодаря в приказе казаков за подавление Корнилова, он подчеркнуто благодарит их и за подавление июльских беспорядков.

Той же политики держится и Верховский в Москве. Выступив самым решительным образом против Корнилова, он

не менее враждебную позицию занял и относительно солдатских большевистских масс. Объявляя 29 августа в Москве о военном положении, он писал: «...3) Все приказания военных властей подлежат точному и беспрекословному исполнению, Советы и Комитеты могут свои пожелания по отношению к военной силе объявить лишь через своих военных начальников. 4) Всякие митинги в частях категорически запрещаю. Время действовать, а не разговаривать, слушаться, а не обсуждать».

Но провокация Керенского шла гораздо дальше: 5-го сентября «Рабочий Путь» писал: «При произведенных в последнее время арестах контр-революционеров обнаружены документы, устанавливающие с несомненностью, что корниловцы готовили на 2-е сентября новое провокаторское выступление под видом большевистского». Того же 2-го сентября в 4 часа дня из Павловского юнкерского училища были вызваны 100 юнкеров в боевом снаряжении и размещены в Константиновском училище. Юнкерам сообщили, что их ведут для «противодействия» наступлению большевиков. Если с этими фактами мы сопоставим предупреждение «Речи» от 31-го августа, о новом заговоре большевиков, то получим ясную картину провокаторской махинации, направленной на то, чтобы дать Некрасову возможность «напиться» из корниловского «источника», т.-е. пустить в ход против питерских рабочих дикую дивизию, начальники которой столь были обласканы в Зимнем дворце (следуй правилу: «не плюй в колодец»).

Газета ЦК большевиков была права. Керенский, окруженный кадетами, видимо замышлял использовать подошедший корпус в своих целях. Очевидно, какое-то выступление подготовлялось на 2-го сентября, так как 1-го сентября была закрыта центральная газета большевиков «Рабочий» и «Новая Жизнь», могущие предупредить провокацию.

«Рабочий Путь», вышедший вместо закрытого «Рабочего», в первом же номере писал: «Товарищи рабочие и солдаты. Контр-революция наступает с новой силой. Будьте настороже. Не предпринимайте никаких выступлений без призыва нашей партии. Ждите директив Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П.».

А Краснов в своих воспоминаниях сообщает [1]): «Как ни странно это было, но за первой помощью Керенский обратился к тому самому III конному корпусу, который шел арестовать его. 1-го сентября к Пскову собрались Приморский драгунский и Уссурийский казачий полки и стали разгружаться и расходиться по деревням; драгуны в большом порядке, уссурийцы в порядке относительном. Все остальные части были повернуты обратно и направлены на Псков, а 2-го сентября в 8 часов вечера, за мною экстренно приехал адъютант начальника штаба фронта и повез меня в штаб. Мне передали шифрованную телеграмму от Верховного главнокомандующего Керенского о том, что, в виду возможности высадки немцев в Финляндии и беспорядков, там необходимо сосредоточить 1-ю Донскую дивизию в районе Павловск—Царское, штаб в Царском, а Уссурийскую дивизию в Гатчине—Петергофе, штаб в Петергофе.

Каждый из нас уже по самой дислокации корпуса —понимал, что беспорядки в Финляндии и высадка немцев—это тот фиговый лист, которым прикрывались настроения Смольного института и открытая пропаганда Ленина в войсках Петроградского гарнизона.

Я был в отчаянии. Только-что сделанная работа успокоения разрушалась. Кто поверит, что ожидается высадка немцев,—скажут: опять контр-революция, опять измена. Вся надежда была на подпись Керенского и на комиссаров. И действительно, Керенскому поверили, а Войтинскому и Станкевичу удалось уговорить полки, что приказ надо исполнить. Но, конечно, главное было то, что никто ни оружием, ни словами не мешал нам в походе,—большевики еще не были готовы. К 6-му сентября корпус сосредоточился на указанных ему местах...

В революционном Петрограде и его воинских учреждениях я был в первый раз. 4-го сентября я приехал со штабом в Царское Село и в час дня являлся главнокомандующему Петроградским военным округом. Таковым оказался мой старый знакомый по л.-гв. Измайловскому полку генерал-майор Теплов... Какие указания я вам могу дать?—говорил Теплов.

---

1) Стр. 132—138.

Я здесь халиф на час. Может-быть, завтра уже меня не будет. Скажу одно,—идет борьба за власть. С одной стороны Керенский,—но подле никого,—с другой, совет солдатских и рабочих депутатов, которым уже овладели большевики с Лениным и который становится все более и более популярным среди Петроградского гарнизона. Вы вызваны для борьбы против него, а сможете ли вы бороться?

6-го сентября начальники дивизий донесли мне о том, что полки собраны и расквартированы в указанных им районах. 7-го числа, в 10 часов утра, я был в Пулкове в районе расположения 9-го и 10-го Донских казачьих полков. В просторной сельской школе были собраны все офицеры и большая часть урядников полков. Прибыло много казаков, моих старых сослуживцев, для того, чтобы посмотреть на меня.

Я коротко и совершенно откровенно рассказал офицерам и казакам обстановку. Я не скрывал от них, что цель нашего присутствия в Петрограде не столько угроза немецкой высадки, сколько страшная темная работа большевиков, стремящихся захватить власть в свои руки.

— Ваше превосходительство,—раздались голоса,—не извольте ни о чем беспокоиться. Мы—корниловцы. Велите—и мы вам Керенского самого предоставим. Мы понимаем, где порядок. И он, в наступившей тишине, произнес верным голосом первое слово донского гимна-песни. И все офицеры и казаки, не сговариваясь, дружно грянули:

Всколыхнулся, взволновался
Православный тихий Дон,
И послушно отозвался
На призыв монарха он...

Ну, эти,—думал я про казаков 9-го и 10-го полков,—надежны. Эти не подведут,—и решил иметь их, как свой последний резерв. В 5 часов дня того же 7-го сентября я говорил в Павловске с офицерами и представителями 13-го и 15-го Донских казачьих полков. Слушали внимательно, но настроение было не то. 8-го сентября я читал это же сообщение в Гатчине офицерам и представителям Уссурийского и Амурского полков и Уссурийского дивизиона. Остав-

шись потом с офицерами, я с грустью убедился, что здесь опасность угрожает именно от офицеров. Большинство были безнадежно серы по своему образованию и воспитанию... Вечером я был в Петергофе в манеже Конногренадерского полка... После беседы раздались аплодисменты, а из темных углов крики «долой» и «свистки»....

Очевидно, даже казачьи офицеры и урядники, перед которыми подвизался в своих агитационных выступлениях ген. Краснов, оказались надежны только в 2-х полках, но зато имя Керенского среди них не пользовалось ни в малейшей степени популярностью. Таким образом, контр-революционный переворот и сейчас не состоялся.

Зато партия большевиков вышла из событий, еще более усиливавшаяся в своем влиянии среди масс. За 3 бурных дня организации отпора Корнилову не было ни одного собрания рабочих или солдат, которое не потребовало бы выпуска арестованных большевиков. Партии пришлось употребить огромные усилия, чтобы удержать массы от восстания и захвата власти. Петроградский и Московский советы, а также огромная часть провинциальных советов, сделались большевистскими. Активом же военной организации большевиков после ликвидации корниловщины, по словам тов. Подвойского, было: «Опыт широкого массового объединенного действия и рост веры в способность большевиков при помощи военной организации руководить военными действиями. Тяга к военному обучению на заводах была так сильна, что у организации нехватало инструкторов, и лозунг военной организации о переходе от десятков и сотен красной гвардии к батальонной организации начал сразу же проводиться в жизнь, что дало возможность оперировать позднее в октябрьские дни с более целыми единицами».

Итак, подводя итоги корниловского движения в обще-политическом масштабе, можно сказать, что с момента открытия заговора Октябрьская революция была предрешена. Массы наглядно увидели, что политика Керенского и оборонцев ведет их прямо под плетку старого царского генерала, и решительно и навсегда от них отвернулись. Ответом на за-

говор был огромный революционный подъем и ясное понимание, что «пацифическим» мечтаниям нет места там, где класс собственников борется за свои привилегии. Рабочие массы бросились к оружию, движение это было столь стихийно, что Керенский и оборонцы не могли с ним справиться. И на глазах у беснующейся буржуазии и их неудачных правителей весь сентябрь и октябрь легально обучалась и росла красная гвардия, которая в недалеком будущем должна была снести им головы.

№ 1. О Кронштадте.

В собственные руки.

НАЧАЛЬНИК
Морского штаба
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНД.

23 августа 1917 года.
№ 3433/Б.
Действующая армия.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Препровождая при сем отношение начальника морского генерального штаба от 19-го сего августа за № 732, прошу вас доложить Верховному главнокомандующему и испросить отдачи в срочном порядке распоряжений, на кои согласие военно-морского министра последовало.

1) Об упразднении крепости Кронштадт.

2) О выводе излишних воинских частей с острова Котлина на материк.

О последующем прошу не оставить меня уведомлением.

Примите уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

А. Максимов.

А. С. Лукомскому

Начальнику штаба верховного главнокомандующего.

Срочно.

Совершенно секретно.

М. М.

ЗА НАЧАЛЬНИКА

Морского генерального штаба.

19 августа 1917 г.

Милостивый государь Андрей Семенович!

Препровождаю вам для доклада верховному главнокомандующему копию утвержденного морс. и воен. министром доклада по генмору об упразднении Кронштадской крепости и связанных с сим мероприятий.

В виду известных вам обстоятельств является необходимым немедленно выполнить меры, указанные в пунктах 1-м и 2-м доклада (упразднение крепости и вывод гарнизона на материк).

Почему считаю долгом просить вас настоять на незамедлительной отдаче соответствующих распоряжений ставки.

Примите и проч.

(Подпись)

Вице-Адмиралу

А. С. Максимову.

Копия.

Совершенно секретно.

Министерство морское.

ДОКЛАД

— по —

Морскому генеральному

ШТАБУ.

Наморштаверх вошел с нижеследующим проектом упразднения крепости Кронштадт, так как таковая в настоящее время утратила свое стратегическое значение, в виду того, что защита столицы с моря основывается на трех основных позициях: передовой, главной и тыловой.

Резол
Соглас
Керено
8 авгу

Вместо Кронштадтской крепости приобретает ныне стратегическое значение тыловая позиция Красногорского укрепленного района, куда и должно быть перенесено центральное управление фортов как вышеуказанной позиции, так и фортов Кронштадтской крепости, еще не утративших тактического значения.

На основании вышеизложенного наморштаверх полагает необходимым:

1) Крепость Кронштадт и ее название упразднить.

2) Сформировать Красногорский крепостной район.

3) Сухопутный гарнизон вывести на материк.

4) 1-й балтийский экипаж расформировать, а школы и учебные отряды перенести в оперативные базы флота.

Докладывая вышеизложенное, со своей стороны полагаю, что в настоящее время перевод школ из Кронштадта невозможен, так как это равнялось бы их временному уничтожению. Вообще же вопрос об изменении размещения школ представляется крайне сложным, требующим всестороннего освещения и рассмотрения.

Предполагаемое далее в целях разгрузки Кронштадта от излишних команд расформирование 1-го балтийского экипажа надо считать не совсем выполнимым, так как является необходимым сохранить центральное учреждение, ведающее учетом и пересылкой команд Б. Ф., что будет особенно важно при выполнении демобилизации. Если, действительно, при обсуждении этого вопроса выяснится, что балтфлот не нуждается в данное время в существовании 1-го балтийского экипажа, как пункта, где сосредоточен резерв команд флота, и не нуждается в самых этих командах, то предлагаемая мера должна вылиться в форме значительного сокращения штата экипажа и распределения команд, заключающихся в нем ныне, частью по другим экипажам, а частью отправления на фронт или обращения на другие государственные потребности.

№ 73
1917 г
7 авгу
Морск
минис

Соглашаясь в остальном с мнением наморштаверха, испрашиваю ваше принципиальное согласие о нижеследующем:

1) Крепость Кронштадт, как таковую упразднить.

2) Вывести все излишние воинские части с острова Котлина на материк.

3) Сформировать Красногорский крепостной район, куда и перенести центральное управление всей тыловой позицией, в том числе и тех фортов Кронштадта, кои будут признаны подлежащими сохранению.

В случае вашего согласия с изложенным, испрашивается приказание образовать комиссию из чинов военного и морского ведомств при участии компетентного представителя от командующего балтфлотом, на каковую комиссию была бы возложена детальная разработка вопросов, связанных с осуществлением изложенных в приведенных трех пунктах мероприятий.

Назначение председателя и членов от военного ведомства желательно предоставить военному министерству.

Необходимо отметить, что предлагаемые наморштаверхом мероприятия были одобрены верховным главнокомандующим генералом Корниловым во время последнего его приезда в Петроград.

Подписал:
Контр-адмирал граф *Капнист*.

С подлинным верно:
Начальник I-го оперативного отделения
Старший лейтенант *Бомин*.

(Петрогр. Историко-Революц. архив).

№ 2. Копия протокола пребывания Савинкова в Могилеве, составленного в ставке.

ПРОТОКОЛ

пребывания управляющего военным министерством Савинкова в гор. Могилеве 24-го и 25-го августа 1917 года, касающийся разговоров верховного главнокомандующего генерала Корнилова с ним и другими лицами по вопросу, касающемуся ближайших событий.

24-го августа Савинков с поезда проехал прямо к верховному главнокомандующему. Одновременно с ним приехали: начальник штаба верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Лукомский и комиссар при верховном главнокомандующем Филоненко.

Войдя в кабинет к главковерху и поздоровавшись с ним, Савинков заявил, что ему хотелось бы переговорить с генералом Корниловым с глазу на глаз. Генерал Лукомский и Филоненко из кабинета вышли.

Разговор Савинкова коснулся установления тесных отношений между генералом Корниловым и министром председателем Керенским, так как Савинков считал, что оба эти лица, будучи вождями различных партий, должны работать рука об руку. Затем Савинков показал генералу Корнилову те проекты законов, которые выработаны для рассмотрения Временным правительством на основании требований, предъявленных генералом Корниловым.

В тот же день, после обеда, примерно в 9 часов вечера, в кабинете у генерала Корнилова собрались, кроме хозяина, Савинков, генерал-лейтенант Лукомский и Филоненко.

Сначала обсуждался вопрос о комитетах и комиссарах, при чем Савинков и Филоненко высказались против главкоюза генерала Деникина, который не может наладить отношения с комиссарами и комитетами, и высказали опасение, что если во главе фронтов будут стоять такие генералы, то трудно установить дружную работу, и это будет отражаться на состоянии войск.

Генерал Корнилов и генерал Лукомский горячо восстали против возможности убирать отличных боевых генералов из-за того, что у них являются иногда шероховатости в работе с комитетами и комиссарами. Было высказано, что если новое положение о комиссарах и комитетах будет составлено вполне определенно, то никаких недоразумений не будет. Хороших же боевых генералов слишком мало, чтобы их выбрасывать за борт из-за всякого недоразумения.

Затем Савинков предложил обсудить вопрос об установлении границ петроградского военного губернаторства, которое признается необходимым выделить из состава Петроградского военного округа при формировании особой армии для обороны подступов к Петрограду.

В кабинет были приглашены генерал-майор Романовский и полковник Барановский (начальник кабинета воен. м-ра), которые принесли карты, и полковник Барановский доложил о тех границах губернаторства, которые считает нужным

установить в Петрограде. После некоторых переговоров граница была установлена.

До прихода генерала Романовского, после доклада полковника Барановского о необходимости выделить особое петроградское военное губернаторство, Савинков, обращаясь к генералу Корнилову, почти дословно сказал следующее:

«Таким образом, Лавр Георгиевич, ваши требования будут удовлетворены Временным правительством в ближайшие дни, но при этом правительство опасается, что в Петрограде могут возникнуть серьезные осложнения. Вам конечно, известно, что примерно 28-го или 29-го августа в Петрограде ожидается серьезное выступление большевиков. Опубликование ваших требований, проводимых через Временное правительство, конечно, послужит толчком для выступления большевиков, если последнее почему-либо задержалось. Хотя в нашем распоряжении и достаточно войск, но на них мы вполне рассчитывать не можем. Тем более, что еще неизвестно, как к новому закону отнесется С. Р. и С. Д. Последний также может оказаться против правительства, и тогда мы рассчитывать на наши войска не можем.

Поэтому прошу вас отдать распоряжение о том, чтобы 3-й конный корпус был к концу августа подтянут к Петрограду и был предоставлен в распоряжение Временного правительства. В случае, если, кроме большевиков, выступят и члены С. Р. и С. Д., то нам придется действовать и против них. Я только прошу вас во главе 3-го конного корпуса не присылать генерала Крымова, который для нас не особенно желателен. Он очень хороший боевой генерал, но вряд ли пригоден для таких операций»...

После этого пришел генерал Романовский, и были окончательно установлены границы петроградского военного губернаторства.

Затем Савинков вновь вернулся к вопросу о возможном подавлении при участии 3-го конного корпуса, выступления в Петрограде большевиков и С. Р. и С. Д., если последний пойдет против Временного правительства. При этом Савинков сказал, что действия должны быть самые решительные и беспощадные. На это генерал Корнилов ответил, что он иных действий не понимает, что инструкции будут

даны соответственные, и что он вообще к вопросу употребления войск при подавлении беспорядков относится серьезно, и уже им отдавалось приказание о предании суду тех начальников, которые допускают стрельбу в воздух. Что в данном случае, раз будет выступление большевиков и С. Р. и С. Д., то таковое будет подавлено со всей энергией.

Полковник Барановский, стоявший около стола, с своей стороны прибавил: «Конечно, необходимо действовать самым решительным образом, и ударить так, чтобы это почувствовала вся Россия».

После этого Савинков, обращаясь к генералу Корнилову, сказал, что необходимо, дабы не вышло недоразумений и чтобы не вызвать выступления большевиков раньше времени, предварительно сосредоточить к Петрограду конный корпус, затем к этому времени объявить петроградское военное губернаторство на военном положении и объявить новый закон, устанавливающий целый ряд ограничений.

Дабы Временное правительство точно знало, когда надо объявить петроградское военное губернаторство на военном положении, и когда опубликовать новый закон, надо чтобы генерал Корнилов точно протелеграфировал ему, Савинкову, о времени, когда корпус подойдет к Петрограду. После этого Савинков и Барановский ушли.

Подписали:

Генерал от инфантерии *Корнилов.*

Генерал-лейтенант *Лукомский.*

Генерал-майор *Романовский.*

(Петроградский историко-революционный архив).

Копия.

Телеграмма о „бомбометателях".

Военмину копия комиссарзап. Цека совдепу для фронтовой комиссии Несвиж 1/9 1917 года.

Установив надзор за телеграммами мной было перехвачено несколько телеграмм в ставку вызывались офицеры желательно из штабов и солдаты на 27-го августа последние из

георгиевских кавалеров запятая для обучения ознакомления с английскими минометами и бомбометами новейших систем телеграммы миновали командарма точка Один из командированных офицеров согласно такой телеграммы 5 гренадерской дивизии прапорщик Филатов допрошенный мной показал точка По прибытии в Могилев все пятьдесят прибывших поступили в распоряжение полковника Пронина председателя союза офицеров они должны были жить в вагонах отнюд не в гостиницах запятая где все же расположился ничего не подозревавший Филатов точка 28-го августа все собравшиеся были информированы капитаном генерального штаба Роженко секретарь того же союза который сообщил что цель вывоза не испытание бомбометов запятая организация восстания захват власти и диктатура Корнилова и с этой целью офицеры будут отправлены в Лугу ударное ядро для ареста совдепов и Временного правительства для организации управления массами которые примкнут к восстанию и для провозглашения генерала Корнилова диктатором точка Соответственно настроенные полки казаков и кавалерии рассеяны около Петрограда точка Дикая дивизия послана туда же точка На размышление было дано пять минут запятая за собранными следили штабные офицеры прислушиваясь к разговорам переглядываясь запятая вне вагона стояли солдаты туземной дивизии зорко присматривая кругом точка Обстановка рассчитывалась на невозможность ответить нет точка Среди офицеров большинство штабных поняв что в случае нет они будут арестованы Филатов ответил да точка И ему выдали по 10-го сентября сто пятьдесят рублей суточных запятая затем отправился за вещами к чему отнеслись весьма подозрительно и отбыл из Могилева за четыре часа до прекращения выезда 28-го августа в четыре часа от Орши свернул к себе обратно в полк где показал телеграфируемое точка Таким образом союз офицеров по имеющимся у меня (сведениям) материалам организовал восстание запятая пользуясь ставкой вызывал ложно офицеров и солдат по мнимо военным делам точка Сейчас перехвачены еще три телеграммы текст однороден запятая привожу его двоеточие ковычки Инаркор всех корпусов семнадцатого года 29-го августа через две недели ставке предстоит испытание ан-

глийских минометов Стокса и Ньютона точка Полевой инспектор просит командировать заблаговременно к 5-му сентября одного опытного офицера командира батареи из минометной школы точка Прислуга будет дана из георгиевского батальона командируемому офицеру придется оборудовать полигон и обучить прислугу запятая о чем сообщаю по приказанию инспаризапа 5154 полковник Енден ковычки прошу срочно сообщить фамилии кандидатов точка 1776 Беляев ковычки дальнейшее строгое наблюдение как за телеграммами так и за проведение в жизнь этих распоряжений секретном порядке выяснение списков уехавших а равно и арест их в случае приезда мной предпринята точка Крайне важно издание закона и распоряжения о начатии следствия для привлечения к судебной ответственности и содействовавших мятежу точка 396 Комиссарм два Гродский.

С подлинным верно и. д. обер офицера
для поручений прапорщик
Волковыский.

(Московский архив Октябрьской революции, из дела № 28, оп. 11 г., лист 124).

Телеграмма - возвание главного комитета союза офицеров.

Наштаверх, Наштасев, Наштазап, Наштаюз, Наштарум, Генкварверх 1, 2, Дегенверх, Упарт, генералу Тежменеву, генералу Кислякову, контр-адмиралу Бубнову, Наштарм 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12. Особый кавказский, черноморский балтийский флот, военное и морское министерство, петроградское агентство.

В дни небывалых бедствий и несмываемого позора накануне перелома настроения армии и в период строительства ее для возрождения боеспособности и мощи самому сердцу России ее армий безумной рукой наносится новый и, быть может, смертельный удар. В Петрограде вновь подняли голову немецкие наемники—большевики и шпионы, власть их растет ежечасно, в последние дни они совершенно опутали

сетью своих интриг и козней всех членов Временного правительства. Последнее, не надеясь справиться с приближающимся восстанием своими силами, сделало через управоенмина Савинкова и бывшего обер-прокурора святейшего синода Влад. Ник. Львова предложение генералу Корнилову разделить власть с некоторыми членами Временного правительства и войти в состав кабинета на каких-угодно условиях. После долгих колебаний и уговоров генерал Корнилов дал на это свое согласие желая блага родине и надеясь, что этим может быть достигнуто соглашение между армией и тылом, и начнется новое, здоровое и разумное государственное строительство. Но сегодня неожиданно была получена телеграмма от Керенского с отставкой генерала Корнилова, и вместо него главковерхом был назначен генерал Клембовский, который от этого отказался. Вслед за этим генералы Клембовский, Деникин, Балуев и Щербачев поддержали требование генерала Корнилова о реформах в армии и заявили об этом Временному правительству и генералу Корнилову, указав, что в настоящий критический момент власть может принадлежать лишь генералу Корнилову. Нет места колебаниям в сердце нашего передового народного верховного вождя генерала Корнилова, и он с твердой решимостью отклонил предложение Керенского и остался во главе нашей великой армии. Правительство, уже неоднократно доказавшее нам свою государственную немощь, ныне обесчестило свое имя провокацией и не может дальше оставаться во главе России, и не может далее распоряжаться судьбами всех русских граждан. Да не будет же никаких колебаний и сомнений в сердцах офицеров и солдат нашей армии. К вам, дорогие соратники, четвертый год беззаветно исполняющие свой тяжелый долг, мы, главный комитет союза офицеров армии и флота, обращаем свой призыв, будьте тверды и непоколебимы в решении итти за нашим верховным вождем генералом Корниловым. Вы понимаете, что правительство, отдающее себя в руки продажного большевизма и не отвечающее за свои действия, такое правительство не может рассчитывать на доверие всей армии и флота и должно подчиниться совершившемуся факту. В тяжелые дни мы все наши надежды и помыслы устремляем лишь на

нашего верховного вождя генерала Корнилова и мы все офицеры армии и флота молим и далее быть твердыми в своих решениях, сохранить власть в своих руках, спасти Россию и довести ее и ее армию до Учредительного Собрания, без этого гибель и позор всем нам русским гражданам и превратимся мы в немецких батраков. Все ваше влияние, весь ваш авторитет употребите на раскрытие колеблющимся тяжелого создавшегося положения, истинного положения дел в стране. Да здравствует наш вождь генерал Корнилов,— избранник страны и армии, ставший во главе России для спасения ее от врагов внешних и внутренних. Ваша честь доблестные офицеры армии и флота и ваша горячая любовь к родине служат порукой тому, что Россия не погибнет. 4889 ставка, 28-го августа, 10 ч. 45 минут.

Главный Комитет Союза **офицеров.**
За **председателя Главного Комитета** Союза **офицеров армии и флота:**
Полковник *Гринцевич-Орлов.*

Воззвание союза георгиевских кавалеров по поводу выступления ген. Корнилова.

Братья георгиевцы, настал час последнего решения, когда еще не поздно спасти Россию. Этот великий подвиг смело и мужественно взял на себя наш народный вождь генерал Корнилов. Наша измученная родина доведена неумелыми и преступными руками до состояния почти полной гибели, и если мы, все честные сыны России, не встанем стальной стеной за страну, то неминуемо конец независимой России и ее свободе, тогда предательство будет закончено и под лозунгом «спасения завоеваний революции» родина будет отдана во власть немцев, исконных врагов славянства.

Вся деятельность георгиевцев чиста и открыта, чему порукой море пролитой нами за честь и свободу родины крови и высокая доблесть нашего креста. Презренные трусы бросают нам упрек в контр-революции, прикрывая тем свои темные дела предательства страны и армии. Наш ответ—презрение

клевете и изменникам, а наш призыв ко всем георгиевцам и всем честным русским людям: встанем в этот грозный час вокруг народного вождя и принесем все жертвы для спасения России. Долой предателей и трусов!

Да здравствует правда, свобода и честь, да здравствует наш первый русский народный вождь генерал Лавр Георгиевич Корнилов.

Цент. Комитет георгиевского союза.

29-го августа.

Телеграмма Московского областного бюро большевиков по поводу выступления Корнилова, задержанная ставленниками Керенского.

Тверь из Москвы 1917 г., № 471032. Подана 28/8 по 21 ч. 43 м. Служебные заметки. Задержана распоряжением генерала Стааля.

Срочная. Тверь, Красная слобода, Первая улица, Рабочий клуб—большевикам.

Корнилов идет Петроград целью провозгласить военную диктатуру. Областное бюро партии исходя этого предлагает местах немедленно приступить проведению жизнь следующих мер первое через местные советы послать требование ЦИК советов немедленной организации власти центре местах опирающейся исключительно представительство пролетариата революционную армию беднейшего крестьянства программой деятельности изложенной резолюциях съезда партии экономическом политическом положении страны, второе одновременно предъявлением требования и независимо окончательного решения ЦИК добиваться осуществления этих требований на местах прежде всего освобождения арестованных большевиков меры против погромной агитации.

Московское Областное Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Доклад о Луге.

Дело Главн. Военно-Морского Судного Управления.

ПРОТОКОЛ.

1917 года, октября 6—9 дня. Член Чрезвычайной Комиссии по делу о генерале Корнилове и его соучастниках, допрашивал нижепоименованного:

Мл. унт. из 4-ой тыловой автомобильной мастерской Михаил Петрович Булычев, 31 года, православный, не судился, по делу показываю:

Я, нижеподписавшийся, член Центрального Исполнительного Комитета Сов. Раб. и Солд. Деп., Михаил Булычев, в 12 часов дня 27 августа был назначен комиссаром в г. Лугу от Временного Военного Комитета для освещения событий Лужскому гарнизону и принятия мер на случай появления корниловских войск.

Согласно назначения, выехал в Лугу в 5 часов дня, предупредивши телеграммой Исполн. Комит. Лужского Совета Р. и С. Д. о своем приезде для доклада Совету. Прибыл в Лугу в 8 ч. веч. и тотчас же сделал доклад Исполн. Комитету и Совету о назревающих событиях, и просил членов Совета быть готовыми к повторению 1-го марта, т.-е. тех событий, когда лужский гарнизон задержал 26 эшелонов, направлявшихся в Петроград на подавление революционного движения.

После доклада Совету в Исполн. Комитете были выработаны практические меры для задержания могущих прибыть эшелонов с войсками, о чем и было сообщено штабу округа и Врем. Военному Комитету в $11^{3}/_{4}$ час. ночи.

Около 10 час. веч., 27 августа, один за другим прибыло в Лугу 3 эшелона с войсками, которые дежурным начальником станции были, в полном согласии с Советом, задержаны, при чем коменданту эшелонов указывалось на пор-

чу паровозов, как причину неотправки их дальше. В составе прибывших 3-х эшелонов находился и штаб корпуса Крымова, о котором стало известно после получения на его имя телеграммы от Керенского в 10 ч. 45 м. веч., которая и была передана ему начальником станции. До получения соответствующих распоряжений из штаба округа и Врем. В. Комит., Исполн. Комитета было решено ни в какие переговоры со штабом Крымова не вступать, а вооруживши гарнизон Луги, окружить эшелоны незаметным образом для прибывших войск.

В 2 часа ночи, 28 августа, по получении приказа от штаба округа о задержании эшелонов, я, вместе с начальником гарнизона отправился для переговора к Крымову на предмет выяснения цели и направления прибывших войск. По заявлению ген. Крымова, войска предназначались для выполнения боевой задачи на случай возможной десантной высадки немцев и направлялись согласно приказа главковерха Корнилова. По выслушании этих заявлений, мною была передана ген. Крымову телеграмма Керенского по всем линиям ж. д. и поставлен вопрос: «Не поддерживает ли он (Крымов) Корнилова в его авантюре». В ответ на вопрос. Крымов показал телеграмму от Керенского с приказанием вернуться обратно и повторил, что он преследует стратегические задачи и только приказы главковерха будет исполнять; приказы же Керенского считает для себя необязательными. Об отставке Корнилова и назначении Клембовского, ему официально ничего неизвестно, и потому он считает и до сих пор главковерхом Корнилова, которому делает телеграфный запрос; он ждет от него дальнейших приказаний. С момента прибытия эшелонов и до разгрузки таковых, члены Лужского Совета вели агитационно-осведомительную работу среди прибывших войск, распространяя экстренно отпечатанную в большом количестве ж.-д. телеграмму Керенского. При этом выяснилось, что большинство из казаков корпуса Крымова не знали, куда и зачем их направляют; остальные же указывали, что они направляются в Петроград для подавления восстания большевиков и для разгона Советов, которые, по их сведениям, арестовали правительство. Раздаваемые телеграммы Керенского производили довольно

заметное впечатление на казаков; офицерство же к этой агитации относилось крайне несочувственно и призывало казаков отгонять от вагонов ораторов из чл. Совета, считая таковых если не большевиками, так непременно сочувствующими им, и просили казаков не верить тому, что им говорят представители лужского гарнизона.

В 8 час. утра, 28 августа, в присутствии нач. гарнизона я имел вторичный разговор с ген. Крымовым. Во время беседы я ему показал полученные мною телеграммы от штаба округа на мое и его имя, и предложил Крымову вернуться обратно, заявляя, что лужский гарнизон, во исполнение приказа Штаба Округа и Вр. Воен. Комит., примет все меры, чтобы не пропустить эшелонов к Петрограду; движению же назад будет всячески содействовать. В ответ на это предложение Крымов заявил, что приказания штаба округа он совершенно не признает, и может вернуться обратно только по получении соответствующего приказа от главковерха. Беседа происходила в самой корректной форме, но уверенности в тоне Крымова, которая чувствовалась при первом разговоре, уже не было; проскальзывало (мое впечатление) сомнение и неуверенность в своих действиях. К 8 час. в Лугу прибыло около 8-ми эшелонов, а к моменту разгрузки эшелонов (6 ч. веч.) на путях жел. дор. находилось уже 12—13 эшелонов. Около 12 час. дня, 28 августа, полковником штаба Крымова мне было заявлено, что прибывшие войска могут вернуться обратно, если и будут предоставлены паровозы, на что я дал свое согласие, и с этой целью мы с ним отправились к начальнику станции. Во время разговоров с начальником станции, из Пскова к телефону жел. дор. был вызван ген. Крымов, и в моем присутствии получил приказ от ген. Дитерихса двигаться вперед по следующему маршруту: Уссурийской конной дивизии—в Царское Село, а Туземной дивизии—в Гатчино. Телефонный приказ принимал полковник из штаба Крымова, а записывал его под диктовку член Исполн. Комитета прапорщик Разумовский. По получении приказа, Крымов в настойчивой форме заявил, чтобы через полчаса паровозы были готовы к отправлению, и демонстративно прекратил всякие переговоры со мною и с окружающими. Железнодорожники стали готовить паровозы, но предупредили

нас, что готовы жертвовать собою, если это Исполн. Комитет найдет нужным, т.-е. могут повести паровозы вперед и сделать крушение поездов, так как железнодорожный путь в это время во многих местах был разобран. Паровозы часа через два были прицеплены к эшелонам, но трогаться с места приказа (вторичного) не поступало. В 3 ч. дня вместе с генералом Изергиным, командиром 4-го осадного полка, стоявшего в Луге, я отправился к Крымову для переговоров.

Во время переговоров я показал ему последнюю телеграмму от штаба округа с приказанием портить жел.-дор. путь, если Крымов захочет двинуться вперед. В ответ на это Крымов заявил, что порча ж.-д. пути его остановить не может, так как он может и пойдет, во избежание крушения поездов, походным порядком. На это я указал Крымову, что Лужский гарнизон во исполнение приказа штаба округа должен будет дать бой, и потому польется братская кровь, которая должна быть дорога и ему (Крымову), и всем. Крымов ответил, что лужский гарнизон, исполняя приказ шт. округа, будет действовать правильно, но что и он (Крымов), исполняя приказ от главковерха двигаться вперед, тоже будет действовать правильно; о пролитии же братской крови при выполнении боевых приказов говорить не приходится, и таковая из тех, кто был на фронте, никого не устрашит... Разговор поддерживался в корректнейшей форме и, после этого заявления, я удалился.

После разговора с Крымовым, были посланы казаки осмотреть ж.-д. путь и, найдя таковой разобранным около ст. «Преображенской», заставили с оружием в руках железнодорожников его восстановить.

В 4 часа дня 28-го августа Крымов занял ж.-д. телеграф и телефон своими войсками. Лужский гарнизон в этом случае ему не оказал сопротивления, так как в руках Совета была радиостанция в 6-ти верстах от города, откуда я и поддерживал связь с Петроградом все время.

В 6 час. вечера эшелоны стали разгружаться, и на ночь отошли на юг от Луги верст на 15, в деревню Заозеры, выставивши усиленные караулы и устроивши баррикады на Псковском шоссе, с целью задержки лужского гарнизона, если бы таковой попытался напасть на них.

В 7 часов вечера, 28 августа, я выехал на автомобиле в Петроград и, заехав в Гатчино, сделал доклад Гатчинскому Военному Комитету о положении Луги. В 12 час. дня, 29-го августа, мною был сделан доклад в штабе округа, откуда я, не получив никаких определенных указаний, выехал вновь в Лугу, дав телеграмму Лужск. Исполн. Комитету с просьбой усилить агитацию среди войск Крымова.

В 3 ч. 45 мин. дня, на имя генерала Крымова в Луге была получена телеграмма от Керенского с приказанием двигаться корпусу по его оперативному назначению в г. Нарву. Телеграмма в Лужск. Военн. Комитет возбудила сомнение, и после запроса военному министру и Врем. Военн. Комитету, была отменена. Крымову эта телеграмма не передавалась. Весь день 29-го августа в войсках Крымова через крестьян и невооруженные разъезды гарнизона, продолжалась агитационная работа, при чем от разъездов получались сведения, что в деревнях у казаков происходят митинги.

В 12 час. ночи я приехал в Лугу.

В 1 ч. ночи, 30-го августа, от разъездов было получено сообщение, что войска Крымова выступили из мест своей стоянки и идут по направлению к Луге. Около 3-х час. утра получены дополнительные сообщения, что казаки, не дойдя до Луги 4-х верст, вернулись обратно в деревню, в виду отказа 13—15 полков наступать на Лугу ночью. Около 5-ти часов утра в полках Крымова происходили митинги, на которых казаков уговаривали итти на Петроград, и затем был дан Крымовым приказ «пробиться во что бы то ни стало через Лугу. 9-му полку итти первым и, заняв город, пропускать по шоссе другие полки». К моменту выступления (7 ч. утра) 15 полк категорически отказался итти через Лугу, и потому Крымов решил обойти Лугу, выступив в 8 ч. утра по направлению к Винд.-Рыб. ж. д. (ст. «Оредеж»).

В 9 час. утра, 30-го августа, из Луги в штаб Крымова выехала делегация, в составе ген. Изергина, начальника гарнизона и члена Исп. Комитета доктора Ладунга.

Около 11-ти час. дня делегация нагнала Крымова в 12-ти верстах от Луги и от Крымова узнала, что войска Крымова идут в обход Луги, во избежание столкновения с лужским гарнизоном.

О неизбежности столкновения Крымов вынес впечатление ночью, когда его войска в 4-х верстах от Луги встретились с нашими вооруженными заставами и, не желая вступать в бой, повернули обратно. Казаки из корпуса Крымова заявляли делегации, что теперь они убедились в авантюре Крымова и Корнилова, и просили дать им приказ от Временного правительства на предмет ареста Крымова и других офицеров. В 3 часа дня доктором Ладунгом и в 4 часа дня 30-го августа мною были посланы телеграммы Временному правительству с просьбой издать официальный приказ об аресте Крымова и обещанием привести его в исполнение; но ответ на эту телеграмму был получен только 2-го сентября от нач. военн. мин. Барановского, извещающего о назначении чрезв. след. комиссии и о самоубийстве Крымова...

В 5 часов вечера в Лугу прибыл полковник Самарин и, справившись о местонахождении отряда Крымова, выехал туда.

В 8 час. вечера, недалеко от города я встретил ген. Крымова, возвращавшегося в Лугу и решил арестовать его. Полковник Самарин, узнав о моем намерении, заявил, что Крымов под его покровительством и ответственностью следует в Петроград и потому арестован быть не может и, что, вообще, в Луге создано слишком много шума в связи с прибытием войск Крымова.

Считаясь с заявлением полковника Самарина, я отменил распоряжение об аресте Крымова и тем самым не предупредил самоубийство Крымова, за что и по сие время себя упрекаю.

30-го августа, в 9 час. вечера, полк. Самарин вместе с Крымовым на автомобиле выехал в Петроград, а вслед за ними выехала и делегация от казаков.

В 3 часа дня 31-го августа вместе с другими делегатами, прибывшими из Петрограда, я выехал на станцию «Оредеж», чтобы узнать о положении дела в корпусе Крымова. В 8 ч. веч., прибыв туда, мы устроили совещание в штабе Донской дивизии, где нам командир дивизии определенно указывал, что Крымов от него все скрывал, и он ничего не знал о цели и направлении дивизии, и даже упрекал нас за то, что в Луге мы его ни с чем не ознакомили; чувствовалась в сло-

вах начальника дивизии полная растерянность и желание подделаться к нам. С утра 1-го сентября мы (делегаты) вели агитационную осведомительную работу в Донской дивизии и там убедились (в 9-м полку, что казаки и особенно офицерство довольно сильно настроены против Керенского, Советов и большевиков, но против Временного правительства (в целом) резкого недовольства не высказывали.

Добавляю, что, по моему наблюдению, Крымов и его штаб к приказу, полученному по телефону от Дитерихса, отнеслись как вполне к законному, и прекращение демонстративно переговоров с ними, как это я понял, означало поворот его отношений к нам. Считаю необходимым указать, что при беседе с казаками на ст. «Оредеж» мне и моим товарищам приходилось тратить много усилий, чтобы выяснить им что такое Совет Раб. и Солд. Деп. и кто такие большевики, так как у большинства казаков, особенно в 9-м полку, понятие о тех и других было совершенно неправильное; они считали, что Советы сплошь состоят из большевиков. Станционный телеграф и телефон были заняты войсками Крымова только часа на 2, т.-е. на время разгрузки эшелонов. По моему убеждению, если бы генерал Крымов захотел предпринять агрессивные действия по отношению к Лужскому гарнизону, то он имел бы полную фактическую возможность добиться успеха.

Михаил Булычев.

Член Комиссии (подпись).

Донесение Булычева в Петроградский комитет по борьбе с контр-революцией.

Доношу, что в настоящее время Донская дивизия, состоящая из 9, 10, 13 и 15 полков, при 2-х конных батареях, находится от Луги на расстоянии 20 верст и направляется к Виндаво-Рыбинской ж. д., отказавшись совершенно наступать через Лугу. Отход от Луги произошел при следующих обстоятельствах: в 1 час ночи, дивизия выступила на Лугу, и, встретившись с нашими заставами, остановилась. В дивизии произошел раскол: 9 и 13 полки, под влиянием предшествовавшей агитации с нашей стороны, отказались

наступать на Лугу, и потому Крымов изменил маршрут. От дивизии отстали и совершенно отказались наступать две сотни казаков, одна рота сапер и 28 мотоциклетная команда, с которой мы вошли в связь. Все вышеизложенное заставило меня двинуть 3 батареи артиллерии к Петрограду для соединения с правительственными войсками и, если потребуется, принять бой с мятежниками. Пехота под ружьем, количеством 1.000 штыков, находится в Луге.

Булычев.

Военная телеграмма о передвижении казачьих войск по приказанию Каледина.

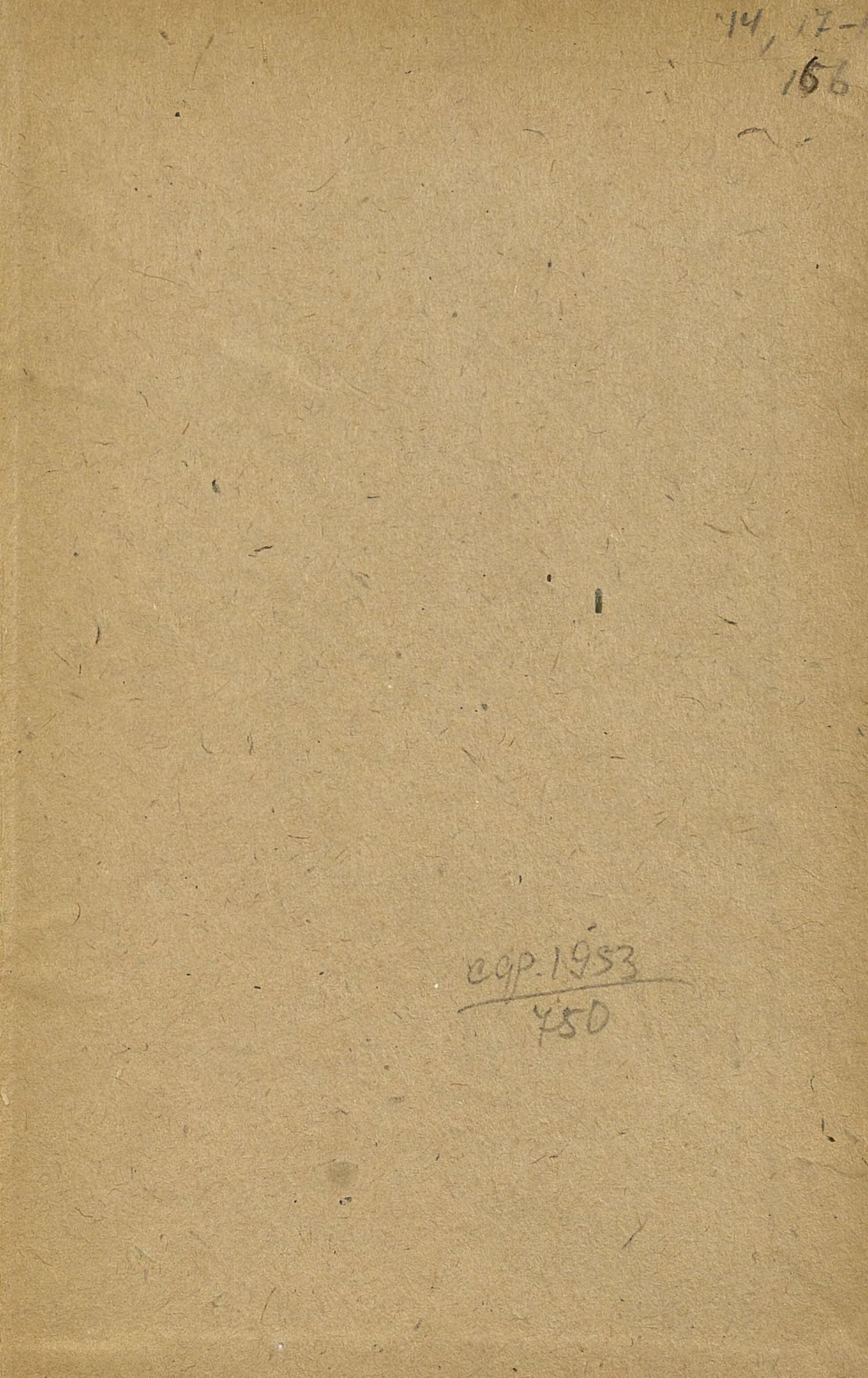
«Петроград. Военмин. Сегодня газетах есть телеграмма заявлением генерала Каледина с фронта казачьих войск не требовал приказа о занятии ст. «Поворино» не отдавал никаких требований правительству не предъявлял угрозы прервать сношения юга с столицами не делал точка Доношу первые сообщения о движении на Дону были получены одновременно с выступлением Корнилова точка Сведения получались от всероссийского железнодорожного союза и почтовотелеграфного точка Все эти сведения своевременно в виде сводок доносились в Петроград точка 28 и 29 августа сведения из Воронежа носили особенно тревожный характер говорилось о начавшейся мобилизации донских казаков, захвате ими железнодорожных станций угрозе станциям Повогино и Лыски точка из Петрограда от министра-председателя была получена телеграмма что Казани грозят прервать сообщение Москвы югом не пускать хлеба и угля точка Весь южный район был мобилизован было приказано охранять Поворино, Балашов и Лиски и прочно обеспечить каменноугольный район. К утру 1 сентября положение по сводке всех данных получавшихся как от железнодорожного союза, так и от штаба Воронежской и Харьковской бригад рисовалось так двоеточие Каледин организует восстание на Дону продолжая дело Корнилова стягивает войска к Новочеркасску и линии железной дороги Лихая Царицын, где казаки захватывают многие станции железнодорожники

угоняют составы даже больные паровозы запрашивали штаб округа можно ли разбирать путь но это было запрещено точка Были указания скобка от комиссара Исполнительного Комитета М. П. С. будто стягивались на Дон эшелоны даже с кавказского фронта последнее сообщение не проверено точка Деятельность Каледина обрисовывалась так он разъезжал по области ведя агитацию и распространял воззвания 28 был Урюпино 29 Царицын откуда выехал на Облинскую за ним был послан паровоз вооруженными людьми для его ареста точка Каледин скрылся уйдя пешком, команда захватила два автомобиля с 20-ю винтовками точка 30 Каледин был Калитве откуда направился Новочеркасск точка В Урюпине он заявлял будто в Петрограде русскими вырезаны 1 и 4 казачьи полки и призывал казаков вырезать русских области Войска Донского агитация успеха не имела точка По поверке произведенной штабом округа оказалось что линия Лихая Царицын действует по другим железным дорогам области движения тоже не прекращалось точка В течение 1 сентября стали поступать сообщения что многие полки в том числе стоящие по линии Лихая Царицын выражают преданность Временному правительству точка Стало выясняться что казачья масса не вся на стороне Каледина однако были части где под давлением офицерства настроение коих пользу Корнилова Каледина точка Особенно ярко этом смысле постановление 39 казачьего полка расположенного Большой Калитве точка В Миллерово 35 казачий полк заявил о полном доверии правительству в Новочеркасске казачество раскололось на две части точка.

Телеграмма комиссара мин. путей сообщения Ростовского узла говорит о концентрации войск Новочеркасску о перемещении казачьих частей по линии Лихая Царицын сосредоточением узловым пунктам об уменьшении отправки частей на фронт о переводе нескольких офицеров в Новочеркасский штаб точка Распоряжение о перевозках делает начальник штаба Бабкин точка Общий вывод все данные документально засвидетельствованные телеграммы разных сторон указывали на организацию движения поднятого Калединым но насколько это находило сочувствие в широких массах ска-

зать нельзя даже наоборот повидимому массы мыслят здраво и верны Временному правительству и родине точка Однако движение еще не закончено в казачестве самом расколе Последние меры широкое оповещение казаков о настоящем положении дела путем воззваний и телеграмм каковые посланы командвойск и московским временным комитетом борьбы контрреволюцией 37787. Командвойск Р я б ц е в».

94, 17-
166
egp. 1953
450

